

10 лет
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
«РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Монография

3-е издание, исправленное и дополненное

15 лет
РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
RUSSIAN CRIMINOLOGICAL OUTLOOK

Москва
2020

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Федеральной службы
исполнения наказаний»

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»

Серия «Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»

10 лет
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
«РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Монография

3-е издание, исправленное и дополненное

*Рекомендовано к опубликованию
редакцией журнала «Российский криминологический взгляд»
в качестве монографии*

15 лет
РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
RUSSIAN CRIMINOLOGICAL OUTLOOK

Москва
«Криминологическая библиотека»
2020

УДК 343:388
ББК 67.408
У26

**Редакция серии «Библиотека журнала
«Российский криминологический взгляд»:**

В. Н. Орлов (*главный редактор*), Т. В. Пинкевич, Э. Ф. Побегайло,
А. П. Скиба (*заместители главного редактора*), М. М. Бабаев, А. Я. Вилкс,
Я. И. Гилянский, Ю. В. Голик, Г. Н. Горшенков, А. Б. Джурич, Г. А. Есаков,
Д. А. Корецкий, С. Я. Лебедев, В. В. Лунеев, С. В. Максимов, Г. Мешко, С. Ф. Милоков,
А. Х. Миндагулов, М. Г. Миненок, В. А. Номоконов, А. И. Рарог, С. Л. Сибиряков,
М. Е. Труфанов, Д. А. Шестаков, В. Е. Эминов (*члены редакционной коллегии*);
С. А. Борсученко, А. О. Магуза, М. А. Филатова (*ответственные секретари*);
Е. В. Светлова (*ассистент*)

Рецензенты:

Е. В. Кунц, профессор кафедры уголовного права
Уральского филиала Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор;
А. В. Шеслер, профессор кафедры уголовного права
Кузбасского института ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор

У26

Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / Т. П. Бутенко, Д. В. Горбань, Ф. В. Грушин и др. ; под общ. ред. А. А. Крымова ; под науч. ред. А. П. Скибы ; Университет ФСИН России ; Академия ФСИН России ; журнал «Российский криминологический взгляд». – 3-е изд., исправл. и доп. – М. : Криминологическая библиотека, 2020. – 360 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

ISBN 978-5-6042048-6-3 (print)

Обосновывается необходимость формирования уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, рассматривается режим особых условий в исправительных учреждениях как предпосылка формирования данного законодательства, анализируются проблемы исполнения различных наказаний в экстремальных условиях, международные правовые акты и уголовно-исполнительное законодательство ряда стран в указанной области и др. Издание дополнено новыми параграфами. Впервые рассматриваются современные уголовно-исполнительные и криминологические проблемы борьбы с преступностью в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения.

Для научных работников, преподавателей, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов, адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов образовательных организаций.

**УДК 343:388
ББК 67.408**

ISBN 978-5-6042048-6-3 (print)

© Авторский коллектив, 2020
© Криминологическая библиотека, 2020
© Ежекв. науч.-практ. журнал
«Российский криминологический взгляд», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторский коллектив	7
Обращение к читателю (<i>В. Н. Орлов</i>)	11
Введение (<i>А. А. Крымов</i>)	18
ГЛАВА 1. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ	
<i>(Т. П. Бутенко, Д. В. Горбань, Ю. А. Кацуба, А. В. Родионов, В. Е. Южанин)</i>	
§ 1.1. Законодательство в области исполнения наказаний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: ретроспективные и современные вопросы	23
§ 1.2. Некоторые аспекты деятельности пенитенциарной системы в условиях военного положения: исторический опыт и вызовы современности	48
§ 1.3. Практика применения режима особых условий в исправительных учреждениях	57
§ 1.4. Некоторые вопросы правового регулирования и применения режима особых условий в исправительных учреждениях	72
§ 1.5. Реализация принципов уголовно-исполнительного права в условиях введения чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации	80

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ

*(Ф. В. Грушин, А. В. Звонов, А. А. Крымов,
Н. С. Малолеткина А. В. Петрянин)*

- § 2.1. Теоретико-методологические основы модели
уголовного наказания в условиях стихийного бедствия,
введения чрезвычайного или военного положения 96
- § 2.2. Экстремальные условия как фактор,
определяющий развитие уголовно-исполнительной
политики и уголовно-исполнительного
законодательства. 115
- § 2.3. Стихийное бедствие, чрезвычайное
и военное положение как основания введения режима
особых условий в исправительных учреждениях 126
- § 2.4. Взаимодействие учреждений
и органов уголовно-исполнительной системы
с организациями, осуществляющими
общественный контроль, в период действия режима
особых условий в исправительных учреждениях:
некоторые правовые аспекты 148
- § 2.5. Эпидемия как основание проведения
профилактических мероприятий
в отношении осужденных к лишению свободы:
некоторые правовые проблемы 158

ГЛАВА 3. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ И ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

*(И. А. Давыдова, Н. В. Кийко, И. Н. Коробова, А. А. Румянцев,
А. Н. Сиряков, Ю. А. Сурженко)*

- § 3.1. Международные правовые акты о правах человека
в условиях стихийного бедствия,
введения чрезвычайного или военного положения 176
- § 3.2. Уголовно-исполнительное законодательство
в условиях стихийного бедствия,
введения чрезвычайного или военного положения:
зарубежное регулирование 192

§ 3.3. Сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины в сфере противодействия в исправительных учреждениях чрезвычайным происшествиям криминального характера: некоторые аспекты	227
---	-----

ГЛАВА 4. ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

(А. А. Крымов, А. П. Скиба, Е. Д. Харитонович)

§ 4.1. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения	236
§ 4.2. Уголовно-процессуальная деятельность при введении режима особых условий в исправительных учреждениях: реализация досудебных форм.	244
§ 4.3. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: основные положения Специальной части УИК РФ	257

ГЛАВА 5. ОСНОВЫ КРИМИНОПЕНОЛОГИИ И КРИМИНОПЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯВЛЕНИЙ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИХ ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

(А. Л. Карабанов, Н. В. Кийко, В. Н. Орлов, Ю. А. Сурженко)

§ 5.1. Основы криминопенологии	279
§ 5.2. Криминопенологическая характеристика явлений, детерминирующих особые условия в исправительных учреждениях	301
§ 5.3. Криминопенологические аспекты эффективности исполнения, отбывания уголовного наказания в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения	322

Заключение	335
<i>(Д. В. Горбань, И. А. Давыдова, А. В. Звонов, Ю. А. Кашуба, И. Н. Коробова, А. А. Крымов, А. В. Петрянин, А. Н. Сиряков, А. П. Скиба, В. Е. Южанин)</i>	

Информация для авторов и читателей

(В. Н. Орлов)

Порядок рецензирования статей и материалов в журнале «Российский криминологический взгляд»	343
Условия и требования к опубликованию в журнале «Российский криминологический взгляд»	349
Список трудов, опубликованных в серии «Библиотека журнала “Российский криминологический взгляд”» в 2008–2019 гг.	353
Криминологическая библиотека	357

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Бутенко Татьяна Павловна – доцент кафедры уголовно-права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Амурский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент – параграф 1.5;

Горбань Дмитрий Владимирович – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук – параграфы 1.1 и 1.3 (в соавторстве с В. Е. Южаниным), заключение (совместно с И. А. Давыдовой, А. В. Звоновым, Ю. А. Кашубой, И. Н. Коробовой, А. А. Крымовым, А. В. Петряниным, А. Н. Сиряковым, А. П. Скибой, В. Е. Южаниным);

Грушин Федор Владимирович – профессор кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», доктор юридических наук – параграф 2.2;

Давыдова Ирина Александровна – доцент кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук, доцент – параграф 3.1 (совместно с И. Н. Коробовой), заключение (совместно с Д. В. Горбанем, А. В. Звоновым, Ю. А. Кашубой, И. Н. Коробовой, А. А. Крымовым, А. В. Петряниным, А. Н. Сиряковым, А. П. Скибой, В. Е. Южаниным);

Звонов Андрей Викторович – начальник кафедры криминологии и организации профилактики преступлений юридического факультета федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук, доцент – параграф 2.1, заключение (сов-

местно с Д. В. Горбанем, И. А. Давыдовой, Ю. А. Кашубой, И. Н. Коробовой, А. А. Крымовым, А. В. Петряниным, А. Н. Сиряковым, А. П. Скибой, В. Е. Южаниным);

Карабанов Александр Львович – адвокат, председатель Московской коллегии адвокатов «Карабанов и партнеры», ответственный секретарь журнала «Российский криминологический взгляд», кандидат юридических наук – параграф 5.3;

Кашуба Юрий Анатольевич – профессор кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», доктор юридических наук, профессор – параграф 1.4, заключение (совместно с Д. В. Горбанем, И. А. Давыдовой, А. В. Звоновым, И. Н. Коробовой, А. А. Крымовым, А. В. Петряниным, А. Н. Сиряковым, А. П. Скибой, В. Е. Южаниным);

Кийко Николай Владимирович – начальник кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – параграфы 3.3 (совместно с А. А. Румянцевым и Ю. А. Сурженко) и 5.2 (совместно с Ю. А. Сурженко);

Коробова Ирина Николаевна – заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук, доцент – параграф 3.1 (совместно с И. А. Давыдовой), заключение (совместно с Д. В. Горбанем, И. А. Давыдовой, А. В. Звоновым, Ю. А. Кашубой, А. А. Крымовым, А. В. Петряниным, А. Н. Сиряковым, А. П. Скибой, В. Е. Южаниным);

Крымов Александр Александрович – начальник федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», доктор юридических наук, профессор – введение, параграфы 2.5 и 4.2, заключение (совместно с Д. В. Горбанем, И. А. Давыдовой, А. В. Звоновым, Ю. А. Кашубой, И. Н. Коробовой,

А. В. Петряниным, А. Н. Сиряковым, А. П. Скибой, В. Е. Южаниным);

Малолеткина Наталья Сергеевна – заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук – параграф 2.4;

Орлов Владислав Николаевич – профессор кафедры организации исполнения наказаний федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», главный редактор журнала «Российский криминологический взгляд», доктор юридических наук, доцент – обращение к читателю, параграф 5.1, информация для авторов и читателей;

Петрянин Алексей Владимирович – профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор – параграф 2.3, заключение (совместно с Д. В. Горбанем, И. А. Давыдовой, А. В. Звоновым, Ю. А. Кашубой, И. Н. Коробовой, А. А. Крымовым, А. Н. Сиряковым, А. П. Скибой, В. Е. Южаниным);

Родионов Алексей Владимирович – профессор кафедры экономики и менеджмента экономического факультета федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», доктор экономических наук, доцент – параграф 1.2;

Румянцев Александр Александрович – доцент кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук – параграф 3.3 (совместно с Н. В. Кийко и Ю. А. Сурженко);

Сиряков Алексей Николаевич – доцент кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета федерального казенного образовательного учреждения высшего образования

«Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук, доцент – параграф 3.2, заключение (совместно с Д. В. Горбанем, И. А. Давыдовой, А. В. Звоновым, Ю. А. Кашубой, И. Н. Коробовой, А. А. Крымовым, А. В. Петряниным, А. П. Скибой, В. Е. Южаниным);

Скиба Андрей Петрович – начальник кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», доктор юридических наук, доцент – параграфы 4.1 (совместно с Е. Д. Харитонович) и 4.3, заключение (совместно с Д. В. Горбанем, И. А. Давыдовой, А. В. Звоновым, Ю. А. Кашубой, И. Н. Коробовой, А. А. Крымовым, А. В. Петряниным, А. Н. Сиряковым, В. Е. Южаниным);

Сурженко Юрий Александрович – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук – параграфы 3.3 (совместно с Н. В. Кийко и А. А. Румянцевым) и 5.2 (совместно с Н. В. Кийко);

Южанин Вячеслав Ефимович – профессор кафедры уголовного права и процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор – параграфы 1.1 и 1.3 (в соавторстве с Д. В. Горбанем), заключение (совместно с Д. В. Горбанем, И. А. Давыдовой, А. В. Звоновым, Ю. А. Кашубой, И. Н. Коробовой, А. А. Крымовым, А. В. Петряниным, А. Н. Сиряковым, А. П. Скибой);

Харитонович Екатерина Дмитриевна – старший инспектор аппарата ученого секретаря Ученого совета федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» – параграф 4.1 (совместно с А. П. Скибой).

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

**Ежеквартальному научно-практическому журналу
«Российский криминологический взгляд» – 15 лет!**

Уважаемые читатели и авторы!

Вы держите в руках издание, входящее в первую криминологическую серию книг «Библиотека журнала “Российский криминологический взгляд”», созданную под эгидой ежеквартального научно-практического журнала «Российский криминологический взгляд», который является федеральным изданием. Днём основания журнала считается 8 апреля 2004 г., поскольку в этот день журнал впервые был зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77–17902 от 8 апреля 2004 г.). Затем по ряду причин журнал неоднократно перерегистрировался.

У истоков его создания (первый состав учредителей) были: государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Кавказский государственный технический университет», Владислав Николаевич Орлов, Антон Владимирович Петровский, Борис Михайлович Синельников, Олег Викторович Старков, Михаил Андреевич Удовыдченко. В течение ряда лет по субъективным и объективным причинам состав учредителей изменялся.

В первый состав редакции (по состоянию на 26.11.2004) входили: главный редактор Олег Викторович Старков; заместитель главного редактора Александр Яковлевич Гришко; члены редакционной коллегии: Михаил Матвеевич Бабаев, Лидия Алексеевна Воскобитова, Юрий Владимирович Голик, Владимир Ильич Горобцов, Геннадий Николаевич Горшенков, Данил Аркадьевич Корецкий, Семён Яковлевич Лебедев, Виктор Васильевич Лунеев, Сергей Васильевич Максимов, Сергей Фёдорович Милуков, Владимир Анатольевич Никонов, Виталий Анатольевич Номоконов, Эдуард Филиппович Побегайло, Вячеслав Ивано-

вич Селиверстов, Сергей Львович Сибиряков, Олег Вадимович Филимонов, Дмитрий Анатольевич Шестаков; ответственные секретари: Владислав Николаевич Орлов, Антон Владимирович Петровский. В настоящее время состав редакции международный, а по количеству членов фактически в два раза превышает ее первоначальный состав.

Первый номер журнала «Российский криминологический взгляд» был подписан в печать 26 ноября 2004 г. и вышел в свет в декабре того же года в г. Ставрополе тиражом 3000 экз. и отпечатан в центре оперативной печати «Кавказ-Полиграфия». Сегодня журнал издаётся в г. Москве и является одним из самых авторитетных криминологических изданий.

За пятнадцатилетний период (2004–2019 гг.) опубликовано более пятидесяти номеров! Среди них номера журналов, посвящённые:

1. Геннадию Арташесовичу Аванесову (Российский криминологический взгляд. 2012. № 1);

2. Юрию Мирановичу Антоняну (Российский криминологический взгляд. 2008. № 3);

3. Михаилу Матвеевичу Бабаеву (Российский криминологический взгляд. 2007. № 2);

4. Сергею Ефимовичу Вицину (Российский криминологический взгляд. 2009. № 3);

5. Борису Владимировичу Волженкину (Российский криминологический взгляд. 2008. № 1);

6. Якову Ильичу Гилинскому (Российский криминологический взгляд. 2006. № 1);

7. Плехану Сергеевичу Дагелю (Российский криминологический взгляд. 2009. № 4);

8. Альфреду Эрнестовичу Жалинскому (Российский криминологический взгляд. 2007. № 4);

9. Игорю Ивановичу Карпецу (Российский криминологический взгляд. 2010. № 4)

10. Виталию Ефимовичу Квашису (Российский криминологический взгляд. 2006. № 4);

11. Владимиру Николаевичу Кудрявцеву (Российский криминологический взгляд. 2008. № 2);

12. Нинели Фёдоровне Кузнецовой (Российский криминологический взгляд. 2005. № 3);
13. Виктору Васильевичу Лунееву (Российский криминологический взгляд. 2008. № 4);
14. Генриху Михайловичу Миньковскому (Российский криминологический взгляд. 2006. № 2);
15. Анатолию Валентиновичу Наумову (Российский криминологический взгляд. 2005. № 4);
16. Сергею Сергеевичу Остроумову (Российский криминологический взгляд. 2009. № 2);
17. Эдуарду Филипповичу Побегайло (Российский криминологический взгляд. 2007. № 1);
18. Андрею Борисовичу Сахарову (Российский криминологический взгляд. 2009. № 1);
19. Олегу Викторовичу Старкову (Российский криминологический взгляд. 2012. № 4);
20. Льву Вульфовичу Франку (Российский криминологический взгляд. 2006. № 3);
21. Александру Максимовичу Яковлеву (Российский криминологический взгляд. 2007. № 3) и др.

В настоящее время журнал издаётся на пяти языках: русском, английском, китайском, немецком и французском.

В журнале представлено более 100 рубрик, среди которых: криминотеология, кримиглобалистика, криминофамилистика, криминоювенология, криминопенология, криминовиоленсология, киберкриминология, этнокриминология, наркокриминология, виктимология, экокриминология, криминоэнергетика, криминомилитарология, криминокультурология, криминосексология, политическая криминология, экономическая криминология, гендерная криминология, криминологическая педагогика, криминологическое наследие русского зарубежья, криминологическое законодательство, криминология латынью и др.

Опубликовано свыше 2000 статей. Среди авторов: Геннадий Арташесович Аванесов, Юрий Миранович Антонян, Михаил Матвеевич Бабаев, Азалия Ивановна Долгова, Альфред Эрнестович Жалинский, Виталий Ефимович Квашиш,

Нинель Фёдоровна Кузнецова, Виктор Васильевич Лунеев, Анатолий Валентинович Наумов, Эдуард Филиппович Побегайло и др.

Публикуются работы о преступности, преступном поведении и их типах, причинах, условиях, профилактике и личности преступника.

В честь 15-летнего юбилея и с юбилейным логотипом журнала опубликованы и готовятся в печать четыре номера журнала «Российский криминологический взгляд» за 2019 год, а также ряд изданий, входящих в серию «Библиотека журнала “Российский криминологический взгляд”».

Полные тексты номеров журнала «Российский криминологический взгляд», как и книг, изданных в серии «Библиотека журнала “Российский криминологический взгляд”», размещены в Криминологической библиотеке и доступны для бесплатного и платного скачивания на нашем сайте по следующим доменным именам: <http://criminology.ru>, <http://criminology.pro>, <http://криминология.рф>.

Материалы, предлагаемые к опубликованию, предложения и замечания следует направлять:

1) в печатном или рукописном виде Владиславу Николаевичу Орлову по почтовому адресу: 121357, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 65, кв. 9;

2) в электронном виде по адресу: vlad-orlov@mail.ru.

Узнать о том, будет ли опубликована работа, авторы могут у главного редактора серии Владислава Николаевича Орлова по тел. 8-915-051-16-15 или же на сайте журнала «Российский криминологический взгляд» и Криминологической библиотеки в рубрике «Отследить рукопись».

Поздравляем всех читателей и авторов ежеквартального научно-практического журнала «Российский криминологический взгляд» с 15-летним юбилеем!

Серии «Библиотека журнала “Российский криминологический взгляд”» – 10 лет!

Серии «Библиотека журнала “Российский криминологический взгляд”» исполняется 10 лет! Год основания – 2008. Первое издание, опубликованное в данной серии, подписано в печать 29 августа 2008 года – Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: по состоянию на 1 сент. 2008 г. / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова (М., 2008).

В настоящее время это первая криминологическая серия книг под эгидой ежеквартального научно-практического журнала «Российский криминологический взгляд».

Авторами изданий, образующих серию, являются профессора и доценты Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Института государства и права Российской академии наук, Академии Генеральной прокуратуры РФ, Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена и других ведущих вузов России и зарубежных стран.

За десятилетний период (2008–2018 гг.) в нашей серии опубликовано более двадцати книг! Среди них следующие работы:

1. Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: по состоянию на 1 сент. 2008 г. : учебное пособие / Е. А. Антонян, А. Я. Гришко, Г. С. Досаева и др. ; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М. : Илекса, 2008. – 876 с.

2. Российское уголовное право. В 2-х т. Т. 1. Общая часть : учебник / под ред. Э. Ф. Побегайло. – М., 2008;

3. Российское уголовное право : в 2 т. Т. 2. Особенная часть : учебник / под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Э. Ф. Побегайло. – М. : Илекса, 2008. – 752 с.

4. Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: по состоянию на 1 сент. 2009 г. : учебное пособие / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009;

5. Российское уголовно-исполнительное право. В 2-х т. Т. 1. Общая часть : учебник / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М., 2010;

6. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты : монография / В. Н. Орлов. – М., 2011;

7. Российское уголовно-исполнительное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Е. А. Антонян, А. В. Бриллиантов, А. Я. Гришко и др.; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М., 2011;

8. Российский курс уголовно-исполнительного права. В 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М., 2012;

9. Сыч, К. А. Лишение свободы как родовое понятие и виды уголовного наказания: опыт теоретико-правового конструирования / К. А. Сыч, Е. А. Каданева. – М., 2013;

10. Орлов, В. Н. Наказание: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный анализ : монография / В. Н. Орлов. – М., 2014;

11. Ображиев, К. В. Источники уголовного права России : учебное пособие / К. В. Ображиев. – М., 2015;

12. Орлов, В. Н. Основы криминологического права : учебник / В. Н. Орлов ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) ; журнал «Российский криминологический взгляд». – М., 2016;

13. Курс уголовно-исполнительного права. В 3 т. Т. 1. Общая часть : учебник / Ю. М. Антонян, С. Л. Бабаян, С. В. Бошно и др.; под общ. ред. Г. А. Корниенко ; под науч. ред. А. В. Быкова ; Науч.-исслед. ин-т Федер. службы исполнения наказания ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) ; Криминолог. библиотека ; журнал «Российский криминологический взгляд». – М., 2017;

14. Орлов, В. Н. Основы уголовно-исполнительного права (процесса). Общая и Особенная части : учебник / В. Н. Орлов ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) ; журнал «Российский криминологический взгляд». – М., 2017 и др.

Полные тексты книг, изданных в данной серии, размещены в Криминологической библиотеке и доступны для бесплатного и платного скачивания на нашем сайте по следующим доменным именам: <http://criminology.ru>, <http://criminology.pro>, <http://криминология.рф>.

Работы, опубликованные в серии «Библиотека журнала “Российский криминологический взгляд”», предназначены для студентов, адъюнктов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, практикующих юристов, работников органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы и иных правоохранительных органов, представляют интерес для всех, кто интересуется проблемами борьбы с преступностью, преступным, виктимным поведением и их причинами, вопросами предупреждения преступности и преступного поведения, а также учениями и практикой в сфере уголовной политики и наук криминального цикла.

Материалы, предлагаемые к опубликованию, предложения и замечания следует направлять:

1) в печатном или рукописном виде Владиславу Николаевичу Орлову по почтовому адресу: 121357, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 65, кв. 9;

2) в электронном виде по адресу: vlad-orlov@mail.ru.

О том, будет ли опубликована работа, авторы могут узнать у главного редактора серии Владислава Николаевича Орлова по тел. 8-915-051-16-15 или же на сайте журнала «Российский криминологический взгляд» и Криминологической библиотеки в рубрике «Отследить рукопись».

Поздравляем всех читателей и авторов серии «Библиотека журнала “Российский криминологический взгляд”» с 10-летним юбилеем!

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что прошло не так много времени после опубликования в 2017 году первого издания данной монографии и в 2018 году второго издания ¹, по-прежнему актуально формирование и развитие уголовно-исполнительного законодательства в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения (в том числе обусловленного негативной ситуацией с коронавирусом как в целом в мире, так и в России, о чем в марте 2020 г. неоднократно говорил Президент Российской Федерации В. В. Путин и другие должностные лица ²), что отражается в юридической литературе ³ (для удобства в данной моно-

¹ См. подробнее: Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / под общ. ред. А. А. Крымова ; науч. ред. А. П. Скибы. Рязань : Академия ФСИН России, 2017; Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / Д. В. Горбань, Ф. В. Грушин, И. А. Давыдова и др. ; под общ. ред. А. А. Крымова ; под науч. ред. А. П. Скибы ; Акад. права и управления Фед. службы исполнения наказаний ; журнал «Российский криминологический взгляд». 2-е изд., исправл. и доп. М. : Криминологическая библиотека, 2018.

² См.: <https://www.youtube.com/watch?v=nHKZ5PcF0Lg>; <https://www.bing.com/videos/search?q=путин+говорит+о+коронавирусе&docid=608022374943032164&mid=BD559A457E692E9E84B2BD559A457E692E9E84B2&view=detail&FORM=VIRE>; и др.

³ См.: Глушков А. И. Зарубежный опыт регламентации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях чрезвычайных ситуаций // Международное публичное и частное право. 2013. № 3. С. 28–30; Дергачев А. В., Скиба А. П. Чрезвычайное положение как основание введения режима особых условий в исправительных учреждениях: проблемы регулирования // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12. № 3. С. 244–248; Скиба А. П. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях военного положения: изложение проблемы // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1. С. 32–37; Скиба А. П., Кийко Н. В. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь в случае стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения – Специальная часть

графии в ряде случаев вместо условий стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения будет использоваться термин «экстремальные условия»).

Необходимость разработки уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения обусловлена многими факторами: ухудшением военно-политической обстановки в приграничных с Россией территориях, существованием террористических угроз, деятельностью незаконных вооруженных формирований, наличием региональных конфликтов, возникновением чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и пр., причем не только на территории России, но и сопредельных государств.

При исполнении уголовных наказаний в экстремальных условиях теоретически должно максимально учитывать особенности обстоятельств чрезвычайно-военного характера¹ и, более того, реализация уголовно-правовых мер должна быть ориентирована на устранение оснований их введения. Однако до настоящего времени не только отечественное законодательство не предусматривает четко разработанных соответствующих положений, но и даже отсутствует научно обоснованная концепция в данной области.

Отчасти логически разработка уголовно-исполнительного зако-

Уголовно-исполнительного кодекса // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний : тез. докл. Междунар. науч.-практ. онлайн-семинара (Минск, 10 апреля 2018 г.) / Учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Н. В. Кийко (отв. ред.) и др. Минск : Академия МВД, 2018. С. 74–78; Сурженко Ю. А. Правовое и организационно-тактическое обеспечение исполнения и отбывания наказания в исправительных учреждениях при возникновении особых условий : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2017; Харитонович Е. Д., Скиба А. П. Исполнение уголовных наказаний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения (на примере больных осужденных, отбывающих наказания без лишения свободы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 4. С. 69–76 и др.

¹ См.: Скиба А. П. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, чрезвычайного или военного положения: постановка проблемы // Международный пенитенциарный журнал. 2017. № 1. С. 51–55.

нодательства в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения может базироваться на положении ст. 331 УК РФ, анализируемом в юридической литературе ¹, о том, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени.

Да и в целом исторически сложилось, что уголовно-исполнительное (исправительно-трудовое) право выделилось из уголовного права ², в связи с чем должно учитывать достижения последнего. В контексте разработки уголовно-исполнительного законодательства военного времени интересными выглядят исследования уголовного права военного времени ³.

С учетом того, что уголовное, уголовно-исполнительное и уголовно-процессуальное право находятся в тесной взаимосвязи, можно говорить и о том, что актуальным здесь является формирование и уголовно-процессуального законодательства воен-

¹ См., например: Ковбасюк А. Н., Шулепов Н. А. Уголовная ответственность за нарушение правил взаимодействия между начальниками и подчиненными в вооруженных силах Швейцарии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: общественные науки. 2007. № 527. С. 81–91.

² См.: Криминология. Исправительно-трудовое право. История юридической науки / отв. ред. член-корреспондент АН СССР В. Н. Кудрявцев. М.: Издательство «Наука», 1977. С. 69–114; Стручков Н. А. Правовое регулирование исполнения наказания (основные проблемы советского исправительно-трудового права) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук, М., 1963.

³ См.: Боев В. И. Влияние основных положений международного уголовного права на формирование российского уголовного законодательства военного времени: учебное пособие. М., 2007; Боев В. И. Уголовное право военного времени : монография. М., 2007; Бондаренко Д. Международно-правовые гарантии соблюдения основных прав и свобод личности в свете проблемы уголовной ответственности в военное время // Современное право. 2004. № 3. С. 19–21; Изолитов А. С. Уголовно-правовая регламентация режимов военного, чрезвычайного положений и контртеррористической операции как альтернатива уголовному праву военного времени // Уголовное право. 2011. № 4. С. 26–28; Сидорин В. В., Шулепов Н. А. Теоретические основы совершенствования военно-уголовного законодательства с использованием опыта зарубежных стран : монография. М., 2000; и др.

ного времени (чем уже занимаются исследователи ¹).

Кроме того, в юридической литературе применительно к экстремальным условиям также разрабатываются криминологические аспекты ², расследование преступлений ³ и другие направления правоохранительной деятельности ⁴. В дальнейшем видится интересным и анализ законодательства, действующего на приграничных с Россией территориях, недостаточно стабильных с политической точки зрения: Абхазии, ДНР, ЛНР, Южной Осетии и т. п., в которых реализация уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного законодательства происходит фактически в перманентных экстремальных условиях.

Разрабатываемое направление совершенствования российского законодательства необычайно важно, так как уголовно-исполнительная деятельность является важнейшей частью правоохранительной деятельности, осуществляется ФСИН России

¹ См., например: Пономарева А. В. О необходимости разработки уголовного и уголовно-процессуального законодательства военного времени // Военное право. 2017. № 2 (42). С. 176–181.

² См.: Григорьев В. В. Правовые и процессуальные аспекты профилактики преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. Т. 14. № 4. С. 38–44; Тангиев Б. Б. Концепция и приоритеты формирования института «системы экологической безопасности» и его субинститутов «криминология чрезвычайных ситуаций», «право ЧЭС – (чрезвычайных экологических ситуаций)» // Аграрное и земельное право. 2009. № 2. С. 100–108.

³ См.: Борзунова Н. Ю., Косякова Н. С. Процессуальное обеспечение расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013. № 2 (19). С. 72–76; Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика) : дис. ... д-ра юрид. нук. М., 1993; Григорьев В. Н. Структура теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 330–333; Эркенов Б. Х. Совершенствование процессуального законодательства, регламентирующего расследование преступлений в чрезвычайных ситуациях // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 2. С. 148–150; и др.

⁴ См., в частности: Старостин С. А. МВД России в системе защиты от чрезвычайных ситуаций : монография. Рязань, 2006.

и другими ведомствами и направлена, помимо прочего, на предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ).

В рамках настоящего исследования затронут ряд аспектов обоснования формирования уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, в том числе режим особых условий в исправительных учреждениях (далее – ИУ) как предпосылка формирования данного законодательства, изучаются проблемы исполнения в экстремальных условиях наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, международные правовые акты о правах человека в экстремальных условиях, уголовно-исполнительное законодательство России и ряда стран в указанной области и др.

В связи с многоаспектностью изучаемых проблем учитывались мнения специалистов в области криминологии, уголовно-исполнительного, уголовного, уголовно-процессуального и иных отраслей права: Г. А. Аванесова, А. И. Алексеева, В. М. Анисимкова, Ю. М. Антоняна, Н. П. Барабанова, В. И. Боева, Б. Я. Гаврилова, И. М. Гальперина, М. Н. Гернета, В. Н. Григорьева, Д. А. Гришина, М. А. Громова, А. В. Дергачева, А. И. Долговой, В. И. Зубковой, В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, О. А. Малышевой, С. Ф. Милюкова, А. Е. Наташева, И. С. Ноя, С. В. Пчелинцева, А. И. Рарога, Р. А. Ромашова, В. И. Селиверстова, Н. Д. Сергеевского, С. А. Старостина, С. В. Степашина, О. В. Старкова, Н. А. Стручкова, В. А. Уткина, А. А. Толкаченко, В. В. Фефелова, О. В. Филимонова, С. А. Хохрина, В. Б. Шабанова, А. С. Шаталова, Н. А. Шулепова, Н. Г. Шурухнова, В. Е. Эминова и др.

ГЛАВА 1. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

§ 1.1. Законодательство в области исполнения наказаний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: ретроспективные и современные вопросы

Российское государство имеет достаточно длительный исторический путь своего развития. В различные периоды наряду с государством развивалось и законодательство. Закрепление системы наказаний в первых законодательных источниках и ее реализация уполномоченными государственными органами включали в себя различные этапы в истории.

Не всегда развитие нашего государства, а также системы исполнения наказаний происходило мирно и без каких-либо эксцессов. В пенитенциарных учреждениях случались массовые беспорядки, групповые неповиновения, а также другие чрезвычайные обстоятельства (массовые побеги, захваты заложников и пр.). В районах дислокации учреждений происходили также стихийные и иные природные бедствия. Администрация мест исполнения лишения свободы вынуждена была реагировать на данные происшествия и вводить особые правовые режимы (военное, чрезвычайное положение и др.) в отношении содержащихся лиц, а также применять различные меры безопасности. Данные действия опирались на действовавшие в то время правовые нормы, а в случае их отсутствия – на правоприменительную практику.

В связи с этим представляется достаточно актуальным рассмотрение развития законодательства в области исполнения наказаний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения в различные исторические периоды. Данный анализ позволит учитывать некоторый положительный исторический опыт с целью его применения на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы (УИС) и уголовно-исполнительного законодательства.

Дореволюционный период. На этапе зарождения Российского государства и его первоначального развития происходило частичное формирование законодательства о введении чрезвычайного, военного, особого и иного положения как на территории государства, так и в отношении пенитенциарных учреждений.

В рассматриваемый исторический период имели место массовые выступления против официальной власти, в том числе и в местах исполнения наказаний.

Русская Правда в числе первых преступлений, за которые назначалась смертная казнь, предусматривала преступления, связанные с организацией восстаний против княжеской власти. Массовые выступления по Русской Правде понимались как «массовые беспорядки». Однако необходимо указать, что первые признаки состава преступления «массовые беспорядки» в их современном понимании были изложены в Новгородской судной грамоте (XII век). В Псковской судной грамоте смертной казнью наказывался поджог – деяние, которое могло сопровождать массовые беспорядки ¹.

Помимо массовых беспорядков как современного основания введения режима особых условий в ИУ, в рассматриваемом историческом периоде существовали и иные примеры чрезвычайных происшествий, которые могли служить основаниями введения особых правовых режимов: массовые побегі заключенных, захваты заложников и др.

В Древней Руси массовые побегі совершались крестьянами от своих господ при жестоком обращении с ними. Наказание

¹ См.: Хачатрян А. В. Преступления против государства по Псковской судной грамоте // Вектор науки ТГУ. № 2(12). 2010. С. 105.

за побег стало вводиться в Русском государстве в процессе закрепощения крестьян. Составлявшиеся в 50–90-х годах XVI столетия писцовые книги стали документальным подтверждением данного факта.

Следующими нормативными источниками, закрепляющими основные понятия и основания для введения режима особых правовых режимов как на территории государства, так и в тюремных учреждениях, являются Судебники 1497 и 1550 годов.

Статья 9 Судебника 1497 года вводит понятия «подымщик» и «зажигальник». Подымщик в досоветской историографии трактовался преимущественно как поджигатель дома, двора, жилого помещения (дыма), в отличие от поджигателя укреплений, города – зажигальника. Подымщика можно также рассматривать как человека, поднимающего бунт, возмущение¹.

С конца XVI века в Судебниках 1497 и 1550 годов появились понятия «бунт», «мятеж», «восстание против власти». Также в указанном нормативном акте закреплялось понятие захвата и похищения человека. Однако необходимо указать на то, что рассматриваемые деяния не относились законодателем только к системе исполнения наказаний.

Судебник 1550 года вводит понятие тюремного заключения (наказания)². Соответственно, на тюремные учреждения с 1550 года стали распространяться законодательные нормы о бунтах, мятежах и введении в данных случаях особых правовых режимов.

Появление следующего нормативного акта – Соборного уложения 1649 года – было непосредственно связано с народными восстаниями, в том числе крепостных крестьян. Волнения также касались тюремных учреждений.

Согласно Соборному уложению 1649 года, массовые беспорядки, бунты, заговоры относились к числу государственных

¹ См.: Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. академика Б. Д. Грекова. М.-Л., 1952. С. 19–21.

² См.: Сухарев С. Н. Ответственность несовершеннолетних осужденных за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : дис. канд. ... юрид. наук. Рязань, 2014. С. 44.

преступлений. Также в Соборном уложении закреплялись нормы о розыске бежавших холопов, а также наказании укрывающих их лиц ¹.

Отдельные правовые нормы в Соборном уложении регламентировали уголовную ответственность в условиях введения чрезвычайных и иных обстоятельств. Так, в Соборном уложении 1649 года хищение имущества во время стихийных бедствий рассматривалось как грабеж, то есть отягчающее вину обстоятельство. Тяжким имущественным преступлением считался поджог ².

Реформы Петра I вызвали рост классовых противоречий и выступлений против власти (восстание стрельцов в Астрахани, восстание Булавина), что обусловило усиление уголовных репрессий. В Воинских артикулах было 122 статьи, предусматривающие смертную казнь. Бунт и возмущение, т. е. стихийное выступление без четко сформулированной политической цели, наказывалось повешением. Главной целью наказания в период правления Петра I было устрашение. В том числе это относилось к захвату (краже) людей, а также к побегам крестьян. В первом случае наказанием была смертная казнь, во втором битье кнутом. Отдельно в законодательстве не отражались вопросы введения особых правовых режимов чрезвычайного или военного положения.

Как и Соборное уложение 1649 года, Воинский артикул Петра I 1715 года устанавливал повышенную ответственность в случае совершения преступлений в условиях стихийных и иных бедствий, например при пожаре либо наводнении, введении особых правовых режимов в тех или иных местностях. Особо тяжкими преступлениями считались поджог или уничтожение имущества путем поджога. В обоих случаях виновный наказывался сожжением. Наказывались и угроза поджога и покушение на поджог ³.

¹ См.: Исаев И. А. История государства и права России. М., 2000. С. 128.

² См.: Мотревич В. П. Уголовное право московского государства: основные направления развития // История науки и техники в современной системе знаний. Четвертая ежегодная конференция кафедры истории науки и техники. 2014. С. 22–34.

³ См: Исаев И. А. История государства и права России : учебник. М., 2000. С. 183.

Следующий нормативный правовой акт – Свод законов 1832 года – предусматривал наказание смертной казнью за бунт против верховной власти не только главных виновников, но и их соучастников¹. Массовые беспорядки могли также быть направлены не только против верховной власти, а также на дестабилизацию некоторых государственных учреждений, среди которых – и тюремные учреждения.

Относительно деятельности системы общеуголовных мест заключения в рассматриваемый исторический период необходимо отметить проводимую борьбу с массовыми побегами арестантов. Массовые побеги были связаны с отсутствием надлежащего надзора за арестантами. В Енисейской губернии, например, с 1828 по 1833 год было допущено следующее число побегов: с Канского завода – 259, а с Троицкого – 290². Побег совершался арестантами из ссылки, каторги, а также из тюрем и тюремных замков. Юридически побегом признавалось отсутствие ссыльного без соответствующего разрешения более чем 7 календарных дней и наказывалось по результатам полицейского расследования³. Рассмотрение данных статистических сведений о массовых побегах наводит на мысль о возможности рассмотрения их как основания введения особых правовых режимов в тюремных учреждениях.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года закрепляет термин «беспорядки»⁴. Данное деяние относилось к разряду преступлений против порядка управления.

П. В. Агапов отмечает, что в указанном нормативном акте закреплялась правовая норма, которая является прообразом современной статьи УК РФ о массовых беспорядках. Массовые беспорядки понимались законодателем как публичное скопище, направленное на насилие, завладение, уничтожение иму-

¹ См.: Юшков С. В. История государства и права СССР. Часть 1. М., 1950. С. 218.

² См.: Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 270.

³ См.: Демидов О. Г. Уклонение от наказания (Уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. . . . канд. юрид. наук. Рязань, 2004.

⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Законодательство Древней Руси. Т. 2. М., 1985. С. 56.

щества, сопряженное с оказанием противодействия уполномоченным государственным органам в сфере охраны правопорядка¹. Данная статья распространяла свое действие и на места принудительного содержания заключенных.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 года предусматривалось наказание за голый умысел, т. е. за угрозу (даже нереальную) поджога. Приготовление к преступлению наказывалось, если приобретение средств для совершения преступления являлось незаконным или было связано с угрозой какому-то лицу.

В рассматриваемый исторический период времени вводятся различные понятия чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Они служили основаниями для введения особых правовых режимов на отдельных территориях и местностях, на которых также могли находиться тюремные учреждения.

С. Л. Киселев приводит следующий классификационный ряд природных и иных явлений, закрепленный в различных нормативных источниках XIX века: «землетрясения», «эпидемии», «засуха», «неурожайные и голодные годы» и др.²

В конце XIX века был принят ряд нормативных актов, регулирующих вопросы введения режима особых условий в пенитенциарных учреждениях:

- а) Устав о содержании под стражей (1890 г.);
- б) Устав конвойной службы (1878 г.).

Данные нормативные акты также предусматривали меры противодействия бунтам заключенных, а также порядок применения оружия сотрудниками учреждения.

В рассматриваемый исторический период времени также действовало Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. Согласно данно-

¹ См.: Агапов П. В. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 11–12.

² См.: Киселев С. Л. Чрезвычайные ситуации природного характера в России в 1801–1900 гг. и их связь с гелиогеографическими явлениями // Совершенствование системы экстренного реагирования органов внутренних дел и внутренних войск на чрезвычайные ситуации : труды Академии МВД РФ. М., 1996. С. 47.

му документу в отдельных местностях могло вводиться исключительное положение в формах усиленной или чрезвычайной охраны либо военное положение¹.

Положение было применимо в основном для использования органами полиции без конкретного указания на тюремные учреждения, однако если в районе, в котором вводились вышеуказанные правовые режимы, располагались тюремные учреждения, то в их функционировании происходили существенные изменения, включающие ограничения прав заключенных. К 1901 году режим «исключительного положения» распространялся более чем на треть территории России и относился также к тюремным учреждениям².

В указанный исторический период также существовали примеры введения военного положения. Оно было введено в Бессарабской, Таврической, Херсонской губерниях, а также на Крымском полуострове. При этом права и свободы граждан существенно ограничивались, повышалась их ответственность за совершение правонарушений по законам военного времени. Судопроизводство осуществлялось военными судами по упрощенной процедуре³.

Однако необходимо указать на то, что четкой процедурной регламентации вопросов введения (отмены) военного положения в законодательстве рассматриваемого времени фактически не существовало. Это относилось и к введению режимов усиленной и чрезвычайной охраны. В связи с этим возникали некоторые проблемы с определением временных рамок введения особых правовых режимов. Также необходимо отметить, что в законодательстве при регламентации вопросов введения особых правовых режимов отдельно не акцентировалось внимание на тюремных учреждениях.

¹ См.: Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. СПб., 1885. Т. I. № 350.

² См.: Скрипилев Е. А. Права личности в России до октября 1917 г. // Права человека: время трудных решений. М., 1991. С. 158.

³ См.: Кравчук А. С. Из истории государственного строительства в Крыму: Таврическая губерния в свои первые десятилетия // Пространство и Время. 2014. № 3. С. 189–197.

Восемнадцатого июня 1892 года были введены в действие Правила о местностях на военном положении. Они предусматривали основания, порядок введения военного положения, полномочия военного командования в случаях его введения.

Институт военного положения в России получил дальнейшее развитие в Положении об управлении крепостями от 15 сентября 1901 года.

Двадцать третьего апреля 1906 года была принята новая редакция Свода основных государственных законов, согласно которой по решению императора мог вводиться режим военного либо исключительного положения. Данные меры в основном использовались для подавления революционных выступлений в стране, а правовые режимы распространялись также и на тюремные учреждения. Предусматривалась уголовная ответственность за участие в публичном «скопище» и в Уголовном уложении от 22 марта 1903 года ¹.

Идеи вышеуказанных нормативных правовых актов были восприняты в Циркуляре № 31 от 20 ноября 1907 года. Он регламентировал процедурные вопросы деятельности администрации пенитенциарного учреждения при введении особых правовых режимов. В частности, предписывалось применять оружие при массовых беспорядках и сопротивлении арестантов. Указанный нормативный правовой акт вызвал широкое применение оружия в тюрьмах ².

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим деятельность сотрудников пенитенциарной системы России при возникновении массовых беспорядков в местах лишения свободы, в начале XX века была «Общая тюремная инструкция» 1915 года. Согласно ее положениям, члены тюремной администрации и конвойной стражи обязаны были принимать все меры к восстановлению порядка. В случае нарушения установленного порядка тюремная администрация могла применять меры безопасности.

¹ См.: Павлов В. Г. Историко-правовой аспект массовых беспорядков // XVII Царскосельские чтения : материалы Международной научной конференции, 23–24 апреля 2013 г. Т. IV. М., 2013. С. 20–25.

² См.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1962. С. 27.

События 1917 года нанесли значительный ущерб как государству, так и тюремной системе России. За февраль – март 1917 года ущерб от разгромов и хищений в общеуголовных тюрьмах составил более 245,5 тыс. руб.¹

Таким образом, анализируя правовое регулирование исполнения наказаний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения на дореволюционном этапе развития, мы можем сделать следующие выводы:

1) на данном этапе произошло частичное закрепление правовых норм и появление первых нормативных правовых актов о введении на тех или иных территориях особых правовых режимов (чрезвычайного, военного положения и др.);

2) в нормативных правовых актах, регламентирующих введение особых правовых режимов, отдельно не закреплялись данные вопросы применительно к деятельности тюремных учреждений;

3) в законодательстве устанавливалась повышенная общественная опасность и уголовная ответственность за совершение преступлений в период введения режимов чрезвычайного положения;

4) появились предпосылки для закрепления в законодательстве иных оснований для введения особых правовых режимов в тюремных учреждениях: при групповых побегах, при захвате заложников и др.

Советский этап. Далее перейдем к анализу довольно обширного, советского этапа развития законодательства в области исполнения наказаний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения.

Вопросы правового регулирования отбывания наказания, средств его обеспечения в местах лишения свободы, ответственности за массовые беспорядки, массовые побеги, введения особых правовых режимов находят отражение уже в первых нормативных актах советского государства: Положении о командующем армией, входящей в состав армий фронта, утвержденном постановлением СНК от 15 декабря 1918 года (оно регламен-

¹ См.: Реформирование тюремной системы в феврале – октябре 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://isfic.info/rushis/statem80.htm>, свободный. (Дата обращения: 27.04.2018).

тировало вопросы введения военного положения и распространяло свое действие на пенитенциарные учреждения), Декрете СНК от 28 ноября 1918 года «О введении военного положения на железных дорогах» и др.

В законодательстве также регламентировались вопросы ответственности за массовые беспорядки и массовые побег из тюремных учреждений. К данным нормативным актам можно отнести Постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 года, а также Положение об общих местах заключения РСФСР от 15 ноября 1920 года.

Нормативные правовые акты ВЦИК и СТО регламентировали введение особых правовых режимов. Так, в Декрете ВЦИК и СТО от 4 ноября 1920 года «О местностях, объявляемых на военном положении» в числе оснований для введения специфических правовых режимов предусматривались чрезвычайные бедствия, которые могут повлечь за собой дезорганизацию общественного порядка. В данном случае мы можем говорить о массовых волнениях в тюремных учреждениях как одном из оснований введения особых правовых режимов в их деятельности.

В целом ученые обращали внимание на чрезвычайно репрессивный характер нормативных правовых актов РСФСР после революционного времени¹. Это было необходимо для установления правопорядка на территории государства и недопущения повторных революционных выступлений, в том числе установления строгих режимных требований в тюремных учреждениях.

Уголовное законодательство указанного исторического периода предусматривало ответственность за массовые беспорядки, массовые побег осужденных и захваты заложников. Так, Уголовный кодекс РСФСР 1922 года включал ряд составов преступлений, являющихся современными основаниями для введения режима особых условий в пенитенциарных учреждениях: ст. 75 – участие в массовых беспорядках при отягчающих об-

¹ См.: Макеев В. В. Ограничение прав и свобод человека в законодательных актах Советского государства (октябрь 1917–1918 гг.) // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Ч. 1. Н. Новгород, 1998. С. 207–211.

стоятельствах и ст. 83 – агитация и пропаганда, призывы к массовым беспорядкам. Особенностью данных статей являлось то, что санкции, связанные с массовыми беспорядками, содержали лишь низшие пределы наказания.

В соответствии с Положением о государственных (контрреволюционных) и особо опасных преступлениях от 1922 года массовые беспорядки подразделялись на два вида:

– в ч. 1 ст. 16 – массовые беспорядки, сопровождающиеся погромами, разрушениями железнодорожных путей или иных средств сообщения и связи, убийствами, поджогами и другими подобными действиями;

– ч. 2 ст. 16 – массовые беспорядки, не сопровождающиеся указанными выше действиями.

Следующим нормативным правовым актом в изучаемой области являлся Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 8 марта 1923 года «Об утверждении Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка».

Согласно данному положению могли вводиться специфические правовые режимы:

- а) военного положения;
- б) исключительного положения;
- в) чрезвычайного режима;
- г) меры переходного характера.

Рассматриваемое нами Положение послужило основой для принятия Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка, утвержденного постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 апреля 1925 года. Основаниями для введения режимов чрезвычайного или военного положения являлись не только массовые посягательства на личность граждан, но и стихийные бедствия. Данные нормативные правовые акты распространяли свое действие и на места исполнения наказаний, в том числе и при введении в них режима особых условий.

ИТК РСФСР 1924 года не регламентировал вопросов и оснований введения режима особых условий, но предусматривал некоторые действия, осуществляемые администрацией при чрезвычайных обстоятельствах: массовых неповиновениях, побегах арестантов.

Законодательство рассматриваемого исторического периода предусматривало ответственность за массовые беспорядки осужденных и иные групповые неповиновения. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года без существенных изменений воспроизвел соответствующие статьи УК РСФСР 1922 года, касающиеся массовых беспорядков, незначительно смягчив некоторые наказания. Данные деяния относились к преступлениям против порядка управления. Согласно ст. 59.2, участие в массовых беспорядках (погромах, разрушении путей и средств сообщения, освобождении арестованных, поджогах и т. п.), если при этом участники были вооружены, влекло наказание вплоть до расстрела и конфискации имущества. Также УК РСФСР 1926 года в ст. 82 регламентировал ответственность за побег заключенного.

В рассматриваемый исторический период наблюдались негативные тенденции в тюремных учреждениях. В местах заключения даже таких крупных городов, как Москва и Ленинград, наблюдались массовые беспорядки и голодовки. Только по одному Московскому Таганскому исправительно-трудовому дому за 1926 год отмечено 83 случая словесных оскорблений и 23 случая насилия над лицами административно-строевого состава.

Беспорядки, сопровождавшиеся массовым отказом от работы, общей голодовкой, погромами, угрозами и неподчинением администрации мест заключения, прошли во многих губерниях РСФСР. Выросло количество побегов с насилием. Только за 1926 год количество таких побегов заключенных превысило 400 по РСФСР, в то время как за 1915 год в тюрьмах всей дореволюционной России таких было допущено только 105. Всего же из мест заключения РСФСР (без автономных республик) бежали в течение года до 6000 человек, в то время как из всех тюрем дореволюционной России за 1915 год бежали 1352 человека¹.

Все это наводит на мысль о необходимости и целесообразности введения особых правовых режимов в деятельности пени-

¹ См.: Байрамов Р. Р., Агишев Р. М. Практическая реализация требований нормативных актов и поиски путей совершенствования режима отбывания наказания (1925–1930 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4. С. 44–49.

тенциарных учреждений, а также о закреплении такого основания, как массовые побеги для введения особого правового режима.

В 1930 году постановлением СНК СССР было введено в действие Положение об исправительно-трудовых лагерях. Согласно этому Положению, лица, относящиеся к составу администрации и охраны мест лишения свободы, могли применять огнестрельное оружие против заключенных, совершающих побег, а также в случае возникновения беспорядка и насильственных действий со стороны заключенных против администрации лагеря.

Некоторые исследователи приводят статистические данные о чрезвычайных происшествиях в исправительно-трудовых учреждениях в указанный период, и в том числе о побегах заключенных (рис. 1). В 1933 году из исправительно-трудовых лагерей бежало 47 755 заключенных, в 1934 году – 83 490, в 1935 году – 67 493, и в 1936 году – 58 490, в 1937 году – 58 264, в 1939 году – 18 324, в 1940 году – 18 076 заключенных. Из числа бежавших были задержаны: в 1934 году – 46 752 человека, в 1935 году – 45 988, в 1936 году – 35 891, в 1937 году – 35 460, в 1939 году – 9838 и в 1940 – 8839 человек ¹.

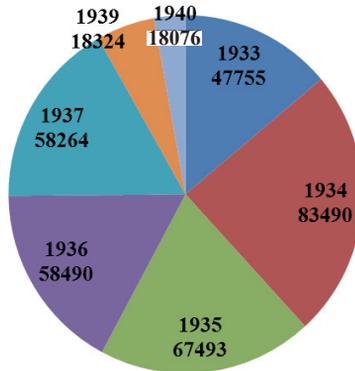

Рисунок 1 – Количество осужденных, совершивших побег в 1933–1940 гг.

¹ См.: Алексеев В. И. Правовое методическое обеспечение исполнения уголовных наказаний. М., 1995. С. 203.

Институт введения особых правовых режимов, в том числе и военного положения, получил законодательное закрепление в предвоенной обстановке в ст. 49 Конституции СССР от 5 декабря 1936 года. Также был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении», регламентировавший процедурные вопросы введения режима военного положения как особого правового режима.

Основное содержание вышеуказанных документов сводилось к установлению повышенной ответственности по законам военного времени, а также к существенным ограничениям прав и свобод лиц, возложению на них дополнительных обязанностей¹. Данные нормативные правовые акты распространяли свое действие на исправительно-трудовые учреждения. Также особое внимание уделялось вопросам розыска бежавших заключенных. Данные функции Временным уставом службы 1941 года были возложены на военизированную охрану. В военное время также произошло ужесточение наказания за диверсии и вредительство.

Нормативным актом, внесшим существенные изменения в законодательство о введении особых правовых режимов, стал Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 1958 года. В частности, данный закон регламентировал вопросы, связанные с массовыми беспорядками осужденных. Законом была исключена уголовная ответственность участников массовых беспорядков, которые не выступали в качестве организаторов и активных исполнителей. Законом установлена единая санкция для всех участников беспорядков в виде лишения свободы на срок от 2 до 15 лет.

Уголовное законодательство рассматриваемого исторического периода предусматривало ответственность за массовые беспорядки, побег из места лишения свободы (в том числе массовый), захват заложников: в ст. 79 – за массовые беспорядки (в 1992 году она была дополнена статьей 79-1 «Воспрепятствование деятельности конституционных органов власти»²), в ст. 126. 1 –

¹ См.: Аргамонов Д. Н. Институт военного положения по советскому праву. М., 1952. С. 47.

² См.: Абдурьманов А. Ответственность за массовые беспорядки // Российская юстиция. 1996. № 1. С. 43.

за захват заложников, в ст. 188 – за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи.

Законом «Об утверждении основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» от 11 июля 1969 года № 4074-VII предусматривалось применение оружия, в том числе и в случаях введения на территории учреждения особого правового режима. В случае совершения лицом, лишенным свободы, нападения или иного умышленного действия, непосредственно угрожающего жизни работников исправительно-трудовых учреждений либо других лиц, а также при побеге из-под стражи в качестве исключительной меры допускалось применение оружия, если другими мерами невозможно было пресечь указанные действия. Однако необходимо отметить, что Основы исправительно-трудового законодательства не содержали оснований введения режима особых условий, а только процедуру деятельности администрации места лишения свободы в случае тех или иных чрезвычайных происшествий.

Принятая в 1977 году Конституция СССР (п. 15 ст. 121) не внесла существенных изменений в действовавшее законодательство о военном, чрезвычайном положении. Данное положение вводилось Президиумом Верховного Совета СССР в интересах защиты СССР в отдельных местностях или по всей стране. В Конституции указывалось, что порядок введения режима военного положения должен был быть установлен специальным законом, который так и не был принят.

Несмотря на гуманизацию законодательства, регулирующего отбывание наказания, по исправительно-трудовым учреждениям прокатилась волна массовых беспорядков, сопровождаемых захватом заложников¹. Известно о массовых беспорядках в колониях в начале 70-х годов, декабре 1979 года, 6 декабря 1981 года².

¹ См.: Филимонов О. В. О концептуальных вопросах развития уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития : сборник материалов круглого стола / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2014. С. 24.

² См.: Ерофеев В. Бунт к столетию вождя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vkonline.ru/article/27431.html>? (Дата обращения: 08.10.2015);

Так, в 1970 году в беспорядках в исправительно-трудовых колониях № 16 и № 7 УВД Куйбышевского облисполкома приняло участие около 500 осужденных. Организаторами бунтов стали 11 злостных нарушителей режима отбывания наказания. Массовые беспорядки происходили как в жилой, так и в производственной зоне исправительных учреждений. К уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений (далее – ИТУ), и массовые беспорядки было привлечено 32 человека. Трое организаторов бунтов были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. В 1972 году приговор был приведен в исполнение. Остальные 29 осужденных были приговорены к различным срокам лишения свободы от 2 до 15 лет.

Помимо массовых беспорядков в учреждениях в указанный период времени участились захваты заложников. Неподготовленность сотрудников учреждений к эффективному проведению специальных операций по освобождению заложников привела к тому, что к концу 80-х годов захваты заложников осужденными стали массовым явлением.

Н. П. Барабанов приводит следующие статистические данные: по сравнению с 1985 годом, в 1986 году число попыток захватов заложников в исправительных учреждениях увеличилось в 3 раза, в 1987 – в 4,5 раза, в 1989 – в 39 раз. Спад начался с 1991 года, после того как были разработаны эффективные правовые и управленческие меры. Это способствовало проведению ряда успешных специальных операций по освобождению заложников¹.

В связи с ухудшением оперативной обстановки в пенитенциарных учреждениях в период с 1988 по 1992 год чрезвычайное (или особое) положение вводилось 26 раз. Это требовало усиления внимания к правовому регулированию в области обеспечения прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного положения, тем более что на первоначальном этапе фактического

Ерофеев В. Погром в Рождествено [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vkonline.ru/article/144735.html> (Дата обращения: 08.10.2015).

¹ См.: Барабанов Н. П. Предупреждение и пресечение чрезвычайных ситуаций криминального характера в исправительных учреждениях. Рязань, 1999. С. 40.

применения института чрезвычайного положения соответствующих правовых оснований в СССР не имелось.

В декабре 1988 года Верховным Советом СССР были внесены изменения в Конституцию СССР, которыми наряду с военным положением было предусмотрено в качестве еще одного особого правового режима и чрезвычайное положение, а 3 апреля 1990 года на этом основании был принят Закон СССР № 1407-1 «О правовом режиме чрезвычайного положения».

Регулирование данного вопроса законодателем связано с участвовавшими случаями массовых беспорядков, в том числе и в исправительно-трудовых учреждениях. В период с 1987 по 1991 год статистикой зарегистрировано более 750 фактов массовых беспорядков на территории бывшего СССР¹. Данные статистики свидетельствовали о необходимости строгой регламентации данного вопроса в законодательстве.

Современный период. Поворотным моментом конституционно-правового развития нашего государства стали события 18–21 августа 1991 года, когда Государственный комитет по чрезвычайному положению принял решение о введении режима чрезвычайного положения в ряде местностей СССР. Постановлением Верховного Совета СССР от 29 августа 1991 года № 2371-1 «О ситуации, возникшей в стране в связи с имевшим место государственным переворотом» было рекомендовано внести «необходимые изменения и дополнения в Конституцию СССР и другие законодательные акты, определяющие правовой механизм защиты конституционного строя»².

В современном российском законодательстве правовые основы функционирования исправительных учреждений при возникновении групповых эксцессов со стороны осужденных регламентируются Уголовно-исполнительным кодексом РФ. Он определяет основания для применения мер безопасности в исправительных учреждениях (т. е. физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия) и порядок введения режима особых условий.

¹ См.: Ильясов А. З. Уголовно-правовые и криминологические проблемы массовых беспорядков : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 1999. С. 4.

² Красинский В. В. Защита государственного суверенитета : монография. М., 2017. С. 26.

В 1992 году впервые появился правовой институт режима особых условий, когда Законом РСФСР от 12 июня 1992 года в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР была внесена ст. 23.1 «Режим особых условий в исправительно-трудовых учреждениях». Режим особых условий вводился только при возникновении массовых беспорядков в местах лишения свободы¹. Статистические данные рассматриваемого исторического периода указывают на то, что в 1992 году в России было зарегистрировано 18 случаев массовых беспорядков с общим количеством участников более 12 тыс. чел.² Однако данные преступления перешли в разряд латентных в связи со сложностями квалификации.

Известны случаи введения чрезвычайного положения: вследствие массовых вооруженных конфликтов на почве межнациональной розни в ноябре 1991 года было введено чрезвычайное положение на территории Чечено-Ингушской Республики, а в 1992–1995 годах – в Северной Осетии и Ингушетии; вследствие попытки государственного переворота и массовых беспорядков в 1993 году чрезвычайное положение было введено в г. Москве.

В местах лишения свободы в тот период резко ухудшилась оперативная обстановка. Совершались групповые и вооруженные побегии, число которых в 1992 году увеличилось на 47 % по сравнению с 1991 годом. Шесть групповых побегов через подкoп совершены в учреждениях Республики Татарстан, Ставропольского края, Иркутской области, подготовка к которым велась два и более месяцев.

В 1997 у было совершено уже 780 побегов³, из них из-под охраны – 56, в том числе покушений на побег – 24, предотвра-

¹ См.: Спицын В. И. Правовые и организационные основы деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации в режиме особых условий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 26 с.

² См.: Ильясов А. З. Уголовно-правовые и криминологические проблемы массовых беспорядков : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 1999. С. 8.

³ См.: Министерство юстиции РФ. Главный информационный центр ГУИН. Отчет и сборник по России. Сведения за январь – декабрь 1993–2001 гг. «О состоянии преступности среди лиц, содержащихся в исправительных учреждениях». М., 2002.

щено – 3672 побега; в 1998 году – совершено 598 побегов, изпод охраны – 57, покушений на побег – 28, предотвращено – 5008 побегов; в 1999 году – соответственно 546, 48, 24 и 6040; в 2000 году – соответственно 361, 44, 22 и 6211; в 2001 году – соответственно 323, 63, 375, 5997 и т. д. (рис. 2). Значительную огласку вызвали побеги особо опасных преступников, совершенные 16 и 20 августа 2001 года в населенных пунктах Коломна и Тулун и 5 сентября 2001 года в г. Москве ¹.

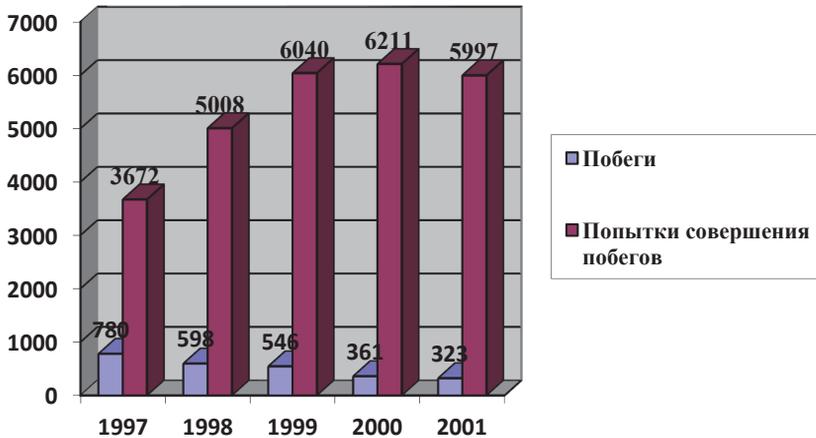

Рисунок 2 – Динамика изменения количества побегов и предотвращенных попыток совершения побегов в 1997–2001 гг.

Довольно распространенным явлением в пенитенциарных учреждениях также стали захваты заложников. В. А. Пантелеев приводит примеры таких преступлений, произошедших в СИЗО-1 в Санкт-Петербурге (Кресты, 1992 г.), в Перми (1994 г.), в Пензе (1995 г.) ².

¹ См.: Чайка Ю. Я. Доклад на заседании коллегии Минюста России // Преступление и наказание. 2001. № 11. С. 11.

² См.: Пантелеев В. А. Управление силами и средствами органов и подразделений МВД при освобождении заложников в местах лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 4.

В статистических отчетах данные по захвату заложников в исправительных учреждениях стали публиковаться с 1997 года (прежде они входили в графу «злостные неповиновения администрации, сопротивление представителю власти, угроза или насилие в отношении должностного лица...»). Весь этот период количество таких преступлений в местах лишения свободы находится примерно на одном уровне: в 1997 году был захвачен 1 заложник и предотвращено 35 захватов, в 1998 году – соответственно 1 и 75, в 1999 году захватов заложников в исправительных колониях не было (1 заложник был захвачен в СИЗО), предотвращен 91 захват и в 2000 году 1 заложник был захвачен в исправительной колонии Оренбургской области и предотвращено 110 захватов, в 2001 году захвачено два заложника и предотвращено 96 попыток захвата и т. д. (рис. 3).

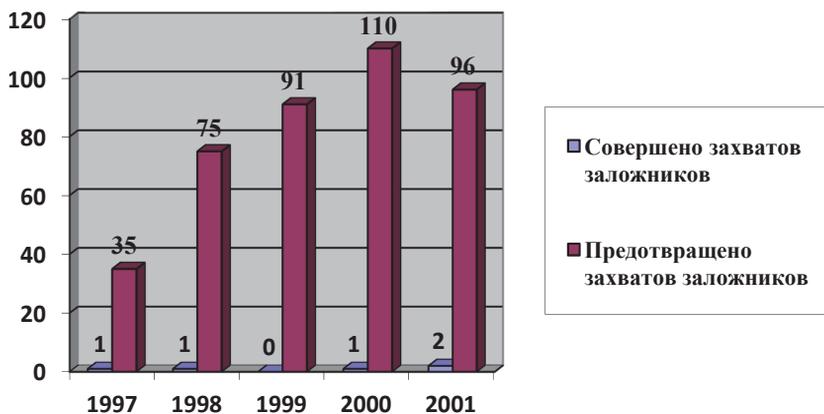

Рисунок 3 – Динамика захватов заложников и их предотвращения в исправительных учреждениях в 1997–2001 гг.

На предупреждение чрезвычайных происшествий в исправительных учреждениях было направлено принятие ст. 85 УИК РФ «Режим особых условий». В редакции Закона РФ от 12 июня 1992 года № 2988-1 указанная правовая норма выглядела следующим образом:

«В случаях возникновения в местах лишения свободы массовых беспорядков, создающих угрозу общественной безопасности, жизни и здоровью осужденных и персонала, по решению министра внутренних дел Российской Федерации либо министра внутренних дел республики в составе Российской Федерации, согласованному с Генеральным прокурором Российской Федерации либо прокурором соответствующей республики в составе Российской Федерации, может быть ограничена или приостановлена в местах лишения свободы работа производств, школ, профессионально-технических училищ, магазинов, клубов и библиотек на срок не более тридцати дней.

В порядке, указанном в части первой настоящей статьи, этот срок может быть продлен дополнительно на тридцать дней.

Меры, предусмотренные в ч. 1 ст. 23.1, могут быть введены также начальником управления внутренних дел края, области, автономной области, автономного округа по согласованию с соответствующим прокурором с обязательным утверждением этого приказа не позднее чем через трое суток министром внутренних дел Российской Федерации либо министром внутренних дел республики в составе Российской Федерации по согласованию с соответствующим прокурором.

В случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала и иных лиц в местах лишения свободы начальник исправительно-трудового учреждения может вводить меры, предусмотренные частью первой настоящей статьи, самостоятельно, с немедленным уведомлением начальника управления внутренних дел края, области, автономной области, автономного округа или министра внутренних дел республики в составе Российской Федерации».

Федеральным законом от 21.12.1996 № 160-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации» в названии и тексте ст. 23.1 слова «исправительно-трудовых», «исправительно-трудового» были заменены соответственно словами «исправительных», «исправительного». Данное законодательное изменение было связано с переименованием си-

стемы исправительно-трудовых учреждений в систему исправительных учреждений.

Федеральным законом от 21.07.1998 № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы» в ч. 3 ст. 85 слова «министра внутренних дел Российской Федерации либо министра внутренних дел, начальника управления внутренних дел» были заменены словами «министра юстиции Российской Федерации либо начальника территориального органа уголовно-исполнительной системы».

Данные законодательные изменения были связаны с передачей уголовно-исполнительной системы из ведения МВД в ведение Минюста. Передача уголовно-исполнительной системы из ведения МВД в ведение Минюста осуществлялась на основании Указа Президента РФ от 28 июля 1998 года № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации».

Федеральным законом от 08.12.2003 № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в части второй статьи 85 слова «медико-санитарных и иных служб» были заменены словами «и иных служб, за исключением медико-санитарных».

В данных законодательных изменениях была обозначена существенная роль медико-санитарных служб при введении режима особых условий в исправительных учреждениях и указано не недопустимость ограничения их деятельности в связи с введением вышеуказанного режима.

Также необходимо отметить, что законодатель расширил основания для введения режима особых условий в исправительных учреждениях; помимо массовых беспорядков к ним были отнесены:

- стихийные бедствия;
- введение режимов чрезвычайного, особого или военного положения;
- групповые неповиновения.

Федеральным законом от 29.06.2004 № 58-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию государственного управления» в части третьей ст. 85 слова «министра юстиции Российской Федерации» были заменены словами «руководителя Федеральной службы исполнения наказаний».

Данные изменения коснулись, прежде всего, уполномоченного должностного лица, которое могло вводить режим особых условий в исправительных учреждениях. Соответственно право принятия решения о введении режима особых условий в исправительных учреждениях было возложено на руководителя ФСИН.

Федеральным законом от 03.04.2006 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» в части первой ст. 85 слово «особого» было исключено.

Анализируя указанные изменения в ст. 85 УИК РФ, необходимо отметить исключение одного из оснований введения режима особых условий в исправительных учреждениях – введения особого положения. Режим особого положения – это собирательное понятие, включающее в себя различные режимы, опосредующие экстремальную ситуацию «регионального бедствия».

Федеральным законом от 08.11.2008 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» в ч. 3 ст. 85 слова «Федеральной службы исполнения наказаний» были заменены словами «федерального органа исполнительной власти, осуществляющего правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных».

Указанные изменения были направлены на смену должностного уполномоченного лица, которое могло вводить режим особых условий в исправительных учреждениях.

Необходимо указать на то, что современная редакция ст. 85 УИК РФ не предусматривает в числе оснований введения режима особых условий в исправительных учреждениях: массовых

или вооруженных побегов, захватов заложников, а также введения в районе дислокации исправительного учреждения режима контртеррористической операции.

Режим контртеррористической операции (КТО) может сопровождать режим военного положения, но, тем не менее, он может являться самостоятельным основанием для введения режима особых условий. Данный особый правовой режим вводится на основании Федерального закона «О противодействии терроризму». Режим КТО на современном этапе жизнедеятельности нашего государства имел место в следующих исторических событиях: а) вторая Чеченская кампания (1999–2009 гг.); б) война в Афганистане (2001–2014 гг.); в) вооруженный конфликт на Северном Кавказе (2009 г.); г) вооруженный конфликт на востоке Украины (2014 г.); д) военная операция России в Сирии (2015 г.) и др.¹

Необходимость закрепления режима контртеррористической операции как одного из оснований введения режима особых условий в исправительных учреждениях продиктована особым вниманием, уделяемым на сегодняшний день ФСИН России и другими государственными органами данному направлению деятельности.

Так, по итогам 2017 года в рамках реализации законодательства Российской Федерации в сфере противодействия терроризму подразделения территориальных органов ФСИН России приняли участие в 112 учениях, проводимых руководителями оперативных штабов в субъектах Российской Федерации, в ходе которых отрабатывались совместные действия подразделений силовых структур по пресечению террористических актов, в том числе на объектах уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

В связи с этим нами предлагается дополнить ст. 85 УИК РФ данным основанием для введения режима особых условий в исправительных учреждениях.

Таким образом, рассмотрев ретроспективные и современные аспекты развития законодательства в области исполнения нака-

¹ См.: Майдыков А. Ф., Овчинников В. В. О понятии и введении особых правовых режимов в целях безопасности граждан Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С. 13.

заний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, мы можем сделать следующие выводы:

1) выделяется три основных исторических этапа – дореволюционный, советский, современный, каждый из которых характеризуется своими особенностями развития законодательства в изучаемой области;

2) в дореволюционный период произошло частичное формирование правовых норм и появление первых нормативных правовых актов о введении на тех или иных территориях особых правовых режимов (чрезвычайного, военного положения и др.). В нормативных правовых актах, регламентирующих введение особых правовых режимов, отдельно не закреплялись данные вопросы применительно к деятельности тюремных учреждений. Однако появились предпосылки для закрепления в законодательстве иных оснований для введения особых правовых режимов в тюремных учреждениях: при групповых побегах и захвате заложников;

3) советский период развития истории нашего государства, а также законодательства в области исполнения наказаний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения связан с появлением отдельных нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере. Данный исторический отрезок времени связан также с рядом случаев введения на территории нашей страны режима военного положения. На практике военное положение вводилось по решению уполномоченного на то государственного органа при особых обстоятельствах, связанных не только с военной угрозой внешнего характера (открытие военных действий), но и с причинами внутреннего характера (массовые беспорядки, стихийное бедствие и т. п.), охватывая, таким образом, в современном смысле не только сугубо военное, но и чрезвычайное положение. Поэтому строгого разграничения институтов чрезвычайного и военного положения не существовало. Отдельной правовой нормы, связанной с введением в пенитенциарных учреждениях режима особых условий, в уголовно-исполнительном законодательстве указанного исторического периода не существовало;

4) современный этап развития законодательства в области исполнения наказаний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения связан с появлением самостоятельной правовой нормы в УИК РФ – ст. 85 и ее дальнейшим совершенствованием;

5) предлагаются следующие предложения и рекомендации по корректировке законодательства:

а) дополнение ст. 85 УИК РФ следующими основаниями для введения режима особых условий в исправительных учреждениях:

– групповые или вооруженные побег из мест лишения свободы;

– захваты заложников;

– введение в районе дислокации исправительного учреждения режима контртеррористической операции;

б) проведение четкого разграничения в законодательстве понятийного аппарата, регламентирующего введение режима особых условий в исправительных учреждениях: режим военного положения, режим чрезвычайного положения, режим стихийного бедствия, режим контртеррористической операции и др.

§ 1.2. Некоторые аспекты деятельности пенитенциарной системы в условиях военного положения: исторический опыт и вызовы современности

УИС имеет важнейшее значение в сфере обеспечения законности и правопорядка. Динамика общественных отношений требует учета изменения ряда обстоятельств и ее соответствующего развития. В то же время следует учитывать, что в обычных условиях общественные отношения имеют тенденцию к поступательному развитию, и, соответственно, изменение параметров функционирования УИС является результатом накопления определенной «критической массы изменений» с учетом тренда их перспективной динамики.

Однако введение режимов чрезвычайного или военного положения имеет значительно большее внешнее влияние на осо-

бенности функционирования УИС, что происходит одномоментно. Учет возможных угроз требует разработки соответствующих норм, определяющих особенности функционирования органов и учреждений УИС в условиях чрезвычайного или военного положения.

С этой точки зрения заслуживает внимания исторический опыт функционирования отечественной УИС. Особое внимание следует уделить ее деятельности во время Великой Отечественной войны. Значительная информация относительно данного вопроса содержится в Докладе начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркому внутренних дел Л. П. Берия «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)» от 17 августа 1944 г.¹ (далее – Доклад).

Следует также отметить, что тематика изучения деятельности отечественной УИС в военное время существенно развитие получила в работах, в частности, В. Е. Васильева², Ш. Г. Хажикулова³, В. В. Луканина⁴, Е. В. Конева⁵ и Ю. А. Реента⁶.

¹ См.: Доклад начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркому внутренних дел Л. П. Берия «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)» от 17 августа 1944 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://document.wikireading.ru/17995>.

² См.: Васильев В. Е. Некоторые страницы служебно-боевой деятельности УИС в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2012. № 2. (10). С. 27–35.

³ См.: Хажикулов Ш. Г. Производственный сектор УИС в годы Великой Отечественной войны // История Великой победы : сб. матер. межвуз. конф. (Новокузнецк, 19–21 апреля 2017 г.). Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН, 2017. С. 134–139.

⁴ См.: Луканин В. В. Историческая память о деятельности мест лишения свободы СССР в годы Великой Отечественной войны в работе молодых сотрудников УИС // Вестник Общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2016. № 6. С. 147–152.

⁵ См.: Конев Е. В. Участие сотрудников уголовно-исполнительной системы Кузбасса в Великой Отечественной войне // Вестник Кузбасского института. 2012. № 2. (10). С. 41–43.

⁶ См.: Реент Ю. А. Проблемы обеспечения режима и трудовой деятельности подразделений ГУЛАГа в условиях военного времени (1941–1943 гг.) // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 132–137.

В числе наиболее острых вопросов, обозначенных в Докладе, следует выделить следующие:

- кадровое обеспечение органов и учреждений, исполняющих наказания;
- продовольственное обеспечение контингента осужденных;
- эвакуация мест лишения свободы с прифронтовых территорий.

Актуальность кадрового вопроса определялась высокой численностью мобилизованных сотрудников. В 1941–1944 годах были переведены в ряды армии более 117 000 сотрудников, более 90 % которых составляли служащие военизированной охраны. В этих условиях возник существенный кадровый дефицит.

В докладе указывается, что в связи с этими обстоятельствами работа отделов кадров в военное время как центрального аппарата, так и периферии была направлена на изыскание источников комплектования. В основном эти источники были изысканы за счет привлечения к работе в исправительно-трудовых лагерях и колониях инвалидов Отечественной войны и женщин.

Как результат – численность женщин, работавших в исправительно-трудовых лагерях и колониях на административно-хозяйственных должностях, достигла к 1944 году 31 %. При этом общий некомплект сотрудников, исполняющих наказания, сохранялся на уровне 15 %, что соответствовало 13 000 человек.

Отдельного внимания заслуживает изменение соотношения осужденных мужчин и женщин. На момент начала войны более 93 % осужденных составляли мужчины, а к окончанию войны – более 26 % лиц, содержащихся в местах лишения свободы, составляли женщины. Данные обстоятельства сыграли существенную роль в вопросах размещения и содержания осужденных, а также в вопросах кадрового обеспечения администраций мест лишения свободы. Увеличение численности осужденных женщин определяло необходимость увеличения численности сотрудников женского пола не только в административно-хозяйственных, но и в оперативных подразделениях.

Значительно изменилась также и возрастная структура сотрудников, исполняющих наказания, за время вой-

ны. В 1941 году численность сотрудников в возрасте от 20 до 40 лет составляла более 116 тыс. человек (86 % личного состава военизированной охраны), а в 1944 году доля сотрудников в возрасте от 20 до 40 лет не превышала 38 %. Несмотря на существенное снижение численности осужденных, численность военизированной охраны сократилась к 1944 году незначительно и составила 110 тыс. чел.

Проблема эвакуации лиц, содержащихся в местах лишения свободы, осложнялась тем, что боевые действия на западном направлении происходили в густонаселенных районах европейской части страны, где соответственно наблюдалась высокая плотность тюремного населения. Как следствие, эвакуации были подвержены лица, содержащиеся в 237 учреждениях – 210 исправительно-трудовых лагерях и 210 колониях. Были эвакуированы 750 тыс. осужденных, что составляло 32,6 % от общего количества лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

В Докладе указывается на организованный характер эвакуации, однако отмечается и то, что нередко этапирование заключенных происходило пешим порядком на расстояния, превышавшие 1000 км. В то же время в Докладе подчеркивалось, что территориальные органы в тыловых районах были мобилизованы на обеспечение проходивших эшелонов и этапов осужденных медико-санитарным обслуживанием и питанием.

Как следствие эвакуации и перемещения значительного числа заключенных в тыловые районы резко ухудшились жилищно-бытовые условия содержания лиц, находившихся в местах лишения свободы. Осужденные содержались преимущественно в помещениях, оборудованных сплошными двух- и трехъярусными нарами. Средняя площадь помещения на одного арестанта снизилась до значения менее 1 м².

Отдельного внимания заслуживает проблема самообеспечения продовольствием осужденных. В 1941 году в органах и учреждениях, исполняющих наказания, содержалось 2,3 млн человек. При этом осужденными в местах лишения свободы обрабатывалось 16 тыс. га земли для обеспечения собственных продовольственных нужд.

К середине 1944 года численность лиц, содержащихся в местах лишения свободы, снизилась до 1,2 млн человек, в то время как площадь обрабатываемых земель возросла до 90 тыс. га.

Вышеуказанные цифры не учитывают площади угодий сельхозлагерей. поголовье крупного рогатого скота в подсобных хозяйствах лагерей и колоний выросло с 15 тыс. голов в 1941 году до 40 тыс. голов в 1944 году.

Таким образом, деятельность УИС в подобных особых условиях потребовала почти пятикратного увеличения площади обрабатываемых земель и более чем трехкратного увеличения поголовья крупного рогатого скота по легко объяснимым причинам тотальной нехватки продовольствия.

Несмотря на предпринятые усилия по повышению уровня самообеспечения продовольствием осужденных, наблюдался его существенный дефицит, что потребовало выделения резервов из централизованных фондов. В 1943–1944 годах выделялось 300 тыс. пайков для ослабленных заключенных и 250 тыс. горячих блюд для осужденных, занятых в производстве, которые выполняли и перевыполняли установленные нормы выработки. Согласно данным, приведенным в Докладе, все вышеперечисленные мероприятия позволили повысить средние суточные нормы продовольственного обеспечения по мясу и рыбе на 40, по хлебу – на 12, по жирам – на 48, по крупе – на 24, по овощам – на 22 %. Однако, несмотря на все усилия в сфере продовольственного обеспечения, фактические нормы питания осужденных по калорийности и пищевой ценности в 1944 году были ниже довоенных на 30 %.

Заслуживает также внимания и вещевое обеспечение лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Для пенитенциарных нужд с военных складов было выделено бракованного летнего и зимнего обмундирования 1 млн комплектов, 250 тыс. пар обуви, 130 тыс. ватных шаровар и телогреек, а также 2 млн единиц другой одежды. Отметим также, что в производственных подразделениях мест лишения свободы была налажена переработка пришедших в негодность одежды и обуви. Таким образом были произведены дополнительно 320 тыс. пар белья, 590 тыс. комплектов зимнего обмундирования и 1,4 млн пар обуви.

Следует также учитывать и то, что в производственных подразделениях колоний и лагерей был налажен выпуск новой одежды и обуви. В 1941–1944 годах на этих производствах были получены 2,5 млн пар различной новой обуви, 540 тыс. пар валенок, 70 тыс. полушубков, 0,5 млн одеял, 2 млн пар трикотажного белья.

Несмотря на все усилия, общая потребность в вещевом обеспечении осужденных в 1944 году была удовлетворена на уровне 70 %. По отдельным позициям ситуация была более напряженной: так, обеспеченность обувью была на уровне 35, а хлопчатобумажными тканями – на уровне 40 %.

В сложившихся условиях на базе пенитенциарных производственных подразделений пришлось организовать производство хозяйственных товаров, так как обеспечение ими со стороны централизованных фондов полностью прекратилось. В 1943–1944 годах было произведено 800 тыс. ед. мисок, 3 млн ед. ложек, 150 тыс. ед. кружек, 400 т мыла и т. д.

Значительный дефицит в продовольственном и вещевом снабжении, а также в жилищно-бытовом обеспечении наряду со многими другими факторами определил существенный рост заболеваемости лиц, содержащихся в местах лишения свободы. К 1943 году заболеваемость осужденных достигла 22 %. Были предприняты меры по улучшению жилищных условий содержания, а также по обеспечению своевременной госпитализации больных. Изменения также коснулись и вопросов качества медицинского обслуживания в местах лишения свободы. Была развернута сеть дополнительных санитарно-лечебных подразделений. Численность больниц в 1944 году превысила довоенную в 1,75 раза, в то время, как число больничных коек увеличилось более чем в 4 раза. К концу 1944 года заболеваемость удалось снизить до 16 %, однако данный показатель был по-прежнему высок и превышал довоенные значения почти в три раза.

Следует также учитывать и тот факт, что в условиях военного положения пенитенциарная система являлась объектом особого внимания со стороны противника.

В качестве примера можно вспомнить планы немецкого военного командования по дестабилизации ситуации в советском тылу в период Великой Отечественной войны.

Сотрудниками Главного управления имперской безопасности (РСХА) в марте 1942 года был разработан план «Цепелин». В соответствии с ним должны были быть осуществлены заброски в глубокий тыл множественных диверсионных групп, целью которых был захват исправительно-трудовых колоний и лагерей на севере СССР, освобождение заключенных и организация преступных групп, направленных на ведение диверсионной работы в тылу. Предполагалась возможность диверсий на транспортных магистралях, промышленных объектах, объектах гражданской и военной инфраструктуры.

Одним из приоритетных направлений ведения диверсионной работы также была определена территория Кольского полуострова. В этом регионе на помощь вновь созданным бандформированиям могли прийти финские или немецкие войска с финской территории. Кадровое обеспечение диверсионных групп, предполагаемых к заброске в советский тыл, в значительной степени должно было быть осуществлено за счет добровольно перешедших на сторону противника советских военнослужащих. К окончанию 1942 года в различных частях оккупированной советской территории подготовку проходили 10 тыс. диверсантов, которых обучали вести подрывную работу, террор, саботаж и другие виды диверсионной деятельности.

Основной расчет при подготовке нападений на места лишения свободы в глубоком тылу строился на том, что в отдаленной местности военизированная охрана была малоуккомплектована и слабовооружена. Противник также рассчитывал на слабость органов общественного правопорядка в тыловых районах и неспособность местных частей и подразделений органов внутренних дел ликвидировать диверсионные отряды.

Основной целью противника было определено:

- нарушение коммуникаций и путей сообщения фронта с тылом;
- диверсионная работа и подрыв промышленного производства на Урале;
- отвлечение основных сил армии на ликвидацию сложившихся угроз в тылу;
- деморализация мирного населения тыловых районов.

За время войны из всего ряда диверсионных групп, заброшенных в тыл СССР в рамках плана «Цепеллин», три группы планировали осуществить нападения на места лишения свободы. Они забрасывались на территорию Коми АССР и были ликвидированы органами государственной безопасности.

Большинство же диверсионных групп засылались в тыловые районы, где не предполагались их нападения на места лишения свободы. Диверсионная работа велась преимущественно в прифронтовой территории европейской части СССР на железных дорогах и других объектах инфраструктуры. Большая часть забрасываемых диверсионных групп противника была ликвидирована.

Однако несмотря на то, что реальных попыток захвата колоний и лагерей осуществлено не было, не следует считать данные планы фантастическими. В 1941–1944 годах в местах лишения свободы были раскрыты и ликвидированы 603 подпольные антисоветские организации, активистами которых были 4640 чел. Участники данных групп ставили своей задачей вооруженные восстания, захват мест лишения свободы и выход на связь с представителями немецкой армии.

С этой точки зрения примечательным примером является готовившийся бунт и восстание в Усольском лагере в 1942 году. Участниками восстания были эстонские заключенные, ранее проходившие службу в эстонских вооруженных силах (общая численность группы – 149 чел.). План предполагал разоружения охраны лагеря и захват его администрации. Далее планировалось связаться по радио с немецким военным командованием и запросить помощь в виде воздушного десанта.

В 1944 году в Норильском лагере заключенные (бывшие военнослужащие латвийских вооруженных сил) планировали захват средств связи, транспорта, аэродрома. Предполагалось разоружить охрану и запросить помощь противника. Данная группа была организована, имелся штаб восстания и 5 отдельных боевых групп.

Несмотря на успешную ликвидацию большинства подпольных групп осужденных, планировавших диверсионную деятельность, в ходе войны были зафиксированы и восстания, окончившиеся захватом оружия и администрации мест лишения свободы.

Так, в январе 1942 года в Воркутинском лагере был организован бунт вольнонаемным начальником лагерного пункта Усть-Уса. Основной причиной бунта стали активно распространяемые слухи о том, что с приближением немецких войск на север в местах лишения свободы вместо эвакуации происходили массовые расстрелы. Участники бунта захватили лагерный пункт, разоружили охрану, после этого был захвачен близлежащий районный центр, где нападавшие взяли отделение банка, управление НКВД, почту и телефонно-телеграфный узел. В дальнейшем была осуществлена попытка захватить суда Печорского речного пароходства с целью скрыться на них. Однако порт находился на военном положении и отбил штурм нападавших. Далее была осуществлена неудачная попытка захватить аэродром. Вооруженное сопротивление продолжалось семь дней. Для подавления бунта осужденных была применена армия и авиация. Большинство участников были убиты, а организаторы бунта покончили с собой.

Еще две преступные группы действовали в Аллах-Юньском и Алданском районах Якутии во время войны. Первая группа называлась «Общество спасения России от коммунизма». Вторая группа называлась «Добровольное общество борьбы против Конституции СССР». Представители данных групп захватывали золотые прииски, разоружали охрану и освобождали осужденных. Некоторые из освобожденных лиц пополняли эти банды. Преступные группировки пользовались партизанской тактикой. Их ликвидация осложнялась трудностями работы специальных подразделений НКВД в условиях тайги. Впоследствии при поддержке местного населения преступные группы были ликвидированы сотрудниками органов внутренних дел.

Опыт, полученный в ходе функционирования отечественной пенитенциарной системы в условиях войны, является бесценным и требует учета в современных условиях. В зависимости от складывающихся обстоятельств и динамики ключевых факторов внешней среды, органы и учреждения УИС должны быть организационно и материально-технически готовы к решению наиболее важных вопросов, связанных с функционированием в условиях чрезвычайного или военного положения.

К числу такого рода вопросов относятся:

- оперативная эвакуация лиц, содержащихся в местах лишения свободы, в учреждения, находящиеся в другой части страны;
- обеспечение минимально необходимого уровня продовольственного и вещевого самообеспечения в условиях отсутствия поставок из централизованных фондов в течение длительного времени;
- обеспечение стабильного кадрового состава органов и учреждений УИС в условиях всеобщей мобилизации.

Исторический опыт показывает, что обеспечение стабильности функционирования отечественной пенитенциарной системы в условиях чрезвычайного или военного положения является важной составляющей, определяющей преодоление широкого перечня сложных ситуаций, возникающих в рамках данных режимов, что должно быть надлежаще отражено в уголовно-исполнительном законодательстве. Решение задач функционирования УИС в данных условиях требует наличия соответствующих планов, резервов и ресурсов, направленных на декомпенсацию всех возможных угроз и устранение слабых сторон, являющихся источником возможных кризисных явлений.

§ 1.3. Практика применения режима особых условий в исправительных учреждениях

В течение последних лет не снижается активность осужденных по противодействию персоналу пенитенциарных учреждений в обеспечении установленного порядка исполнения наказаний. Попытки подкупа, шантажа и запугивания нередко перерастают в угрозы и акты физического воздействия на сотрудников исправительных учреждений. По итогам 2016 года по ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений УИС) было возбуждено 175 уголовных дел, что на 7,4 % больше, чем в 2015 году (163 уголовных дела).

Современное регулирование и практика реализации режима особых условий в исправительных учреждениях показывает, что в основном он вводится в случаях массовых беспорядков

осужденных к лишению свободы. Количественная фиксация фактов массовых беспорядков осужденных к лишению свободы происходит при регистрации преступлений по ст. 212 УК РФ.

По итогам 2017 года наблюдается тенденция увеличения роста пенитенциарных преступлений. По состоянию на 1 января 2018 года в учреждениях УИС зарегистрировано 971 преступление. Уровень преступности в расчете на 1 000 осужденных в ИУ в 2017 году увеличился на 6,9 % и составил 1,74 (2016 г. – 1,62) (рис. 4).

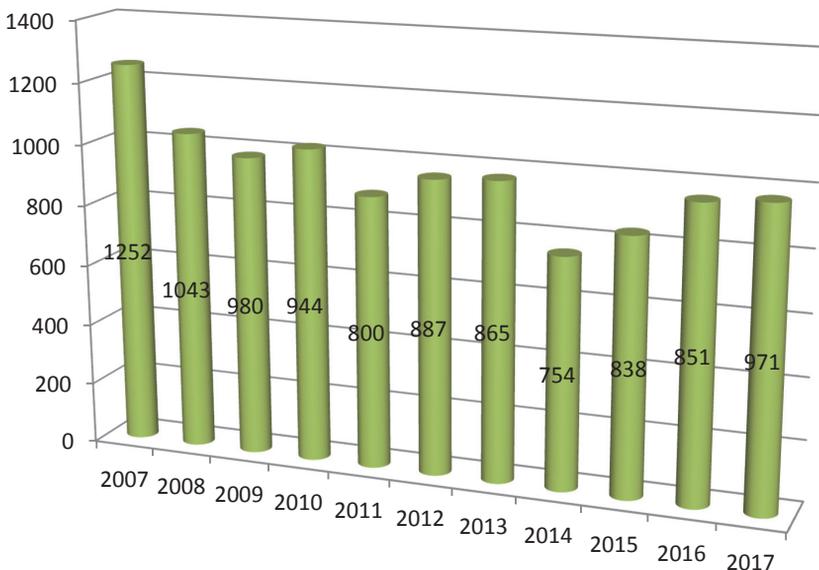

Рисунок 4 – Количественные показатели пенитенциарной преступности в 2007–2017 гг.

Анализ выполнения учреждениями и органами УИС служебно-боевых задач по пресечению (ликвидации) чрезвычайных обстоятельств на объектах уголовно-исполнительной системы свидетельствует об их ежегодном росте в последние годы в среднем на 30 %.

Так, в 2013 году в учреждениях УИС произошло 16 случаев возникновения чрезвычайных обстоятельств, в 2014 году –

21, в 2015 году – 29, в 2016 – 32; при этом основную их часть (65,5 %) продолжают составлять групповые и массовые противоправные действия осужденных и лиц, содержащихся под стражей¹. Динамика возникновения случаев чрезвычайных обстоятельств приведена на диаграмме (рис. 5).

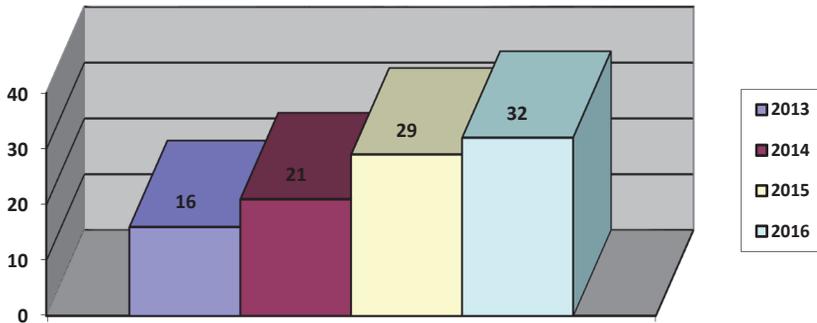

Рисунок 5 – Динамические показатели случаев возникновения чрезвычайных обстоятельств в исправительных учреждениях в 2013–2015 гг.

Как было отмечено, больше половины случаев возникновения чрезвычайных обстоятельств в ИУ, а также случаев введения режима особых условий связано с массовыми беспорядками осужденных.

Динамика массовых беспорядков в исправительных учреждениях за 2000–2010 годы выглядит следующим образом: пик регистрируемых массовых беспорядков приходится на 2007 год; начиная с 2005 года массовые беспорядки в ИУ имеют стабильную статистику. Наиболее высокий уровень (коэффициент) массовых беспорядков, зарегистрированных в ИУ, в расчете на 1000 осужденных выявлен в 2007 году – 5,58.

С 2005 года коэффициент ежегодно подвержен небольшому увеличению, но так как количество зарегистрированных в ИУ

¹ См.: Обзор ФСИН России «О состоянии готовности сил и средств уголовно-исполнительной системы к действиям при чрезвычайных обстоятельствах в 2015 году и мерах по ее совершенствованию».

массовых беспорядков, которые совершались ежегодно, не менялось, то можно сделать вывод о том, что рост коэффициента объясняется уменьшением количества осужденных в ИУ. В период с 2000 по 2010 год за организацию и участие в массовых беспорядках на территории РФ было привлечено 93 осужденных¹.

Динамика количества совершения массовых беспорядков и групповых неповиновений в учреждениях УИС за период с 2011 по 2016 год приведена на диаграмме (рис. 6).

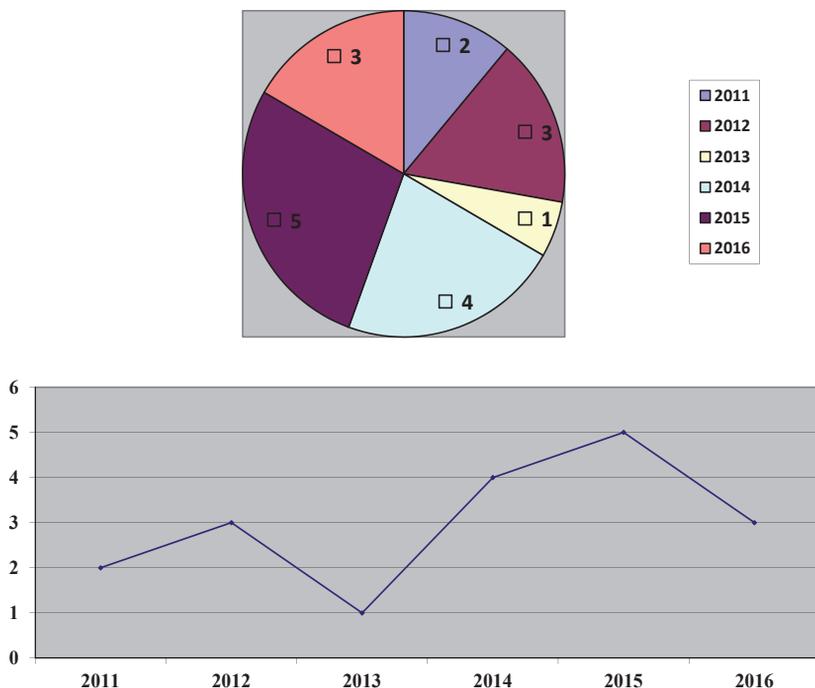

Рисунок 6 – Динамические показатели совершения массовых беспорядков и групповых неповиновений в учреждениях УИС в 2011–2016 гг.

¹ См.: Хохрин С. А. Массовые беспорядки, совершаемые осужденными в исправительных учреждениях: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011.

За последние несколько лет массовые беспорядки как одно из оснований введения режима особых условий стали довольно распространенным явлением в деятельности ИУ.

Рассмотрим несколько таких случаев.

Так, 9 декабря 2014 года в следственном изоляторе № 1 (СИЗО-1) г. Челябинска подозреваемые и обвиняемые в количестве ста человек, содержащиеся в 30 камерах, стучали в двери, лили воду в коридор, устраивали задымление путем поджога клочков ваты из матрацев. Восемь человек в разных камерах совершили акты членовредительства, нанеся себе резаные раны предплечий. Сотрудниками ГУФСИН по Челябинской области был осуществлен комплекс мер, в ходе чего противоправные действия со стороны осужденных были пресечены. Противоправные действия, специальные средства и физическая сила в их отношении не применялись. По факту массовых беспорядков Следственным управлением Следственного комитета РФ по Челябинской области 9 декабря 2014 года возбуждено уголовное дело по признакам совершения преступления, предусмотренного ч. ч. 1 и 2 ст. 212 УК РФ. Причинами и условиями совершения данного преступления стали традиции и нормы криминальной субкультуры, противостояние администрации ИУ и его поддержание разнообразным насилием, а также межличностными конфликтами, нередко принимающими преступную форму.

К примеру, 28 марта 2014 года ранее судимые лица, отбывающие наказание в исправительной колонии № 6 г. Клинцы, учинили массовые беспорядки, сопровождая свои действия погромами, поджогами, уничтожением и повреждением имущества. Они также применили насилие к осужденным, зарекомендовавшим себя с положительной стороны. Брянским областным судом виновные были приговорены к наказанию в виде лишения свободы на сроки от 4 лет до 5 лет 3 месяцев.

По итогам 2016 года было совершено 3 таких преступления.

В 2016 году проведение специальной операции, принятие своевременных и целесообразных решений при осложнении обстановки на территории подведомственных учреждений в комплексе с профессиональными и решительными действи-

ями сотрудников учреждений и органов УИС способствовали пресечению (ликвидации) групповых неповиновений и хулиганских действий осужденных, имевшие место на начальной стадии их развития в УФСИН России по Калининградской и Московской областям, а также ликвидации массовых беспорядков в УФСИН России по Республике Хакасия. В ходе проведенных оперативно-розыскных и иных мероприятий были задержаны и возвращены в места лишения свободы все лица, совершившие побеги из-под охраны (5 человек)¹.

Более подробно остановимся на рассмотрении случаев массовых беспорядков, произошедших в учреждениях УИС в 2016 году.

Первый случай был зафиксирован в ИК-2 строгого режима в УФСИН России по Республике Башкортостан.

В исправительной колонии строгого режима ИК-2 г. Салавата произошла акция группового неповиновения осужденных. Более 100 осужденных отказались выполнять законные требования администрации. Около 20 осужденных, избив 11 положительно характеризующихся осужденных, забаррикадировались в помещении одного из отрядов и потребовали ослабления режимных требований. Несмотря на наличие оснований введения режима особых условий, в ИУ он не был введен и массовые беспорядки были предотвращены силами территориального органа ФСИН с привлечением сотрудников отделов специального назначения. Следственным комитетом были возбуждены уголовные дела по ч. 3 ст. 212 УК РФ (призывы к массовым беспорядкам) и ч. 1 ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества).

Второй случай массовых беспорядков в 2016 году произошел в ИК-35 общего режима УФСИН России по Республике Хакасия (г. Абакан).

В 2016 году несколько осужденных, отбывающих наказание в ИК-35 УФСИН по Республике Хакасия, вступили в пре-

¹ См.: Обзор ФСИН России «О состоянии готовности сил и средств уголовно-исполнительной системы к действиям при чрезвычайных обстоятельствах в 2016 году и мерах по ее совершенствованию».

ступный сговор на организацию на территории колонии массовых беспорядков, сопровождающихся погромами, поджогами, уничтожением имущества колонии, для нарушения (дестабилизации) установленного порядка отбывания наказания и оказания давления на руководство учреждения и УФСИН России по Республике Хакасия с целью добиться ослабления режима отбывания наказания. После 22 часов группа осужденных путем погромов и поджога стали уничтожать имущество ИК-35, вывели из строя систему видеонаблюдения, забаррикадировали входы, выходы и оконные проемы жилого помещения отряда, призвали других осужденных присоединиться к массовым беспорядкам. В результате действий осужденных было уничтожено имущество, принадлежащее ИК-35, на общую сумму свыше 1 млн 700 тыс. руб. Участникам данной акции было назначено наказание в виде лишения свободы сроками от 3 лет 5 месяцев до 3 лет 9 месяцев лишения свободы, а одному из них с учетом имевшейся судимости за совершение особо тяжкого преступления по ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего) – 9 лет 8 месяцев лишения свободы. Режим особых условий при возникновении массовых беспорядков в рассматриваемом случае не вводился.

Третий случай массовых беспорядков, произошедших в 2016 году, был зафиксирован в Можайской воспитательной колонии УФСИН России по Московской области (п. имени Дзержинского). После ужина 21 февраля 2016 года 57 воспитанников (всего в учреждении содержалось 65 несовершеннолетних) забаррикадировались в жилом корпусе. Они начали порчу имущества, а также высказывали угрозы по поджогу некоторых помещений. В ВК был введен режим особых условий. Двадцать второго февраля массовые беспорядки были прекращены на два дня, но 24 февраля несовершеннолетние отказались идти на занятия, после чего в учреждение были введены сотрудники отделов специального назначения.

Несмотря на наличие трех зафиксированных случаев массовых беспорядков в ИУ за 2016 год, по итогам 2017 года не было допущено подобных инцидентов.

Тем не менее в 2017 году происходили иные чрезвычайные происшествия, которые, по нашему мнению, могут выступать в качестве самостоятельных оснований для введения режима особых условий в ИУ, а также быть закреплены в уголовно-исполнительном законодательстве.

Так, помимо массовых беспорядков, некоторыми исследователями предлагаются иные основания для введения режима особых условий:

– групповые побеги, побеги особо опасных либо вооруженных преступников;

– захват и удержание лиц в качестве заложников в ИУ, а также на других объектах ФСИН России¹.

В случае редакции ст. 85 УИК РФ они могут стать дополнительными основаниями для введения режима особых условий в ИУ.

Рассмотрим первое из указанных чрезвычайных обстоятельств – групповые и вооруженные побеги из мест лишения свободы.

За последние годы наблюдается общая тенденция снижения рассматриваемого вида преступлений в местах лишения свободы. Общее количество побегов, совершенных осужденными, с 2013 года с каждым годом уменьшалось, за исключением 2017 года, когда общее число сообщений о побегах из-под надзора возросло до 97 случаев (в 2017 году на информационный портал дежурной службы ФСИН России поступило 151 сообщение о совершении осужденными побегов из-под надзора (уклонений)).

При общем увеличении побеговой активности осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в сравнении с 2016 годом на 11 % количество побегов из-под охраны сократилось в 2,5 раза – с 5 случаев до 2. Необходимо также отметить, что в 2017 году сотрудниками отделов охраны было пресечено 17 покушений на совершение побегов из-под охраны (увеличение на 13 %) (рис. 7).

¹ См.: Антонов И. А., Антонов В. А. Деятельность ФСИН России в условиях чрезвычайных обстоятельств: понятие, задачи, подготовка кадров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4. С. 107.

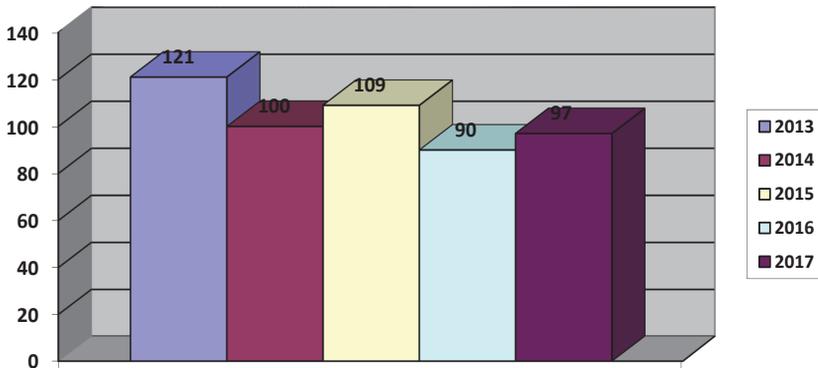

Рисунок 7 – Количество сообщений о побегах осужденных из-под надзора в 2013–2017 гг.

Для задержания преступников личный состав караулов в 2017 году применял огнестрельное оружие в 21 случае (в 2016 году – 10), из них 1 раз на поражение (14 декабря в СИЗО-1 УФСИН России по Смоленской области для пресечения покушения на побег из-под охраны; осужденный получил огнестрельное ранение) (в 2016 году – 1).

По итогам 2017 года было возбуждено всего 2 уголовных дела, предусмотренных ст. 313 УК РФ (побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи). В 2016 году аналогичных дел было возбуждено 5¹.

Рассмотрим и несколько случаев групповых побегов, совершенных осужденными в 2016–2017 годах для того, чтобы указать на их повышенную степень общественной опасности. По нашему мнению, совершение группового побега из мест лишения свободы может также являться основанием для введения режима особых условий.

¹ Без учета побегов из колоний-поселений, без учета побегов осужденных к лишению свободы, пользующихся правом передвижения без конвоя или сопровождения, а также побегов, совершенных подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными из-под охраны временных караулов в период конвоирования либо нахождения в медицинских учреждениях органов здравоохранения.

Так, 19 июня 2016 года был допущен групповой побег из-под надзора с прогулочного двора ШИЗО УКП при ЛИУ-1 УФСИН России по Республике Татарстан осужденными В. и З., которые были признаны злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и в отношении которых состоялся суд в связи с изменением им вида режима на колонию общего режима.

В 2017 году групповые побеги (5 случаев) допущены в ИУ в 4 территориальных органах ГУФСИН (УФСИН) России по Свердловской области – 2, Приморскому краю, Иркутской и Сахалинской областям – по 1 (2016 г. – 7 из исправительных учреждений 7 территориальных органов) (рис. 8).

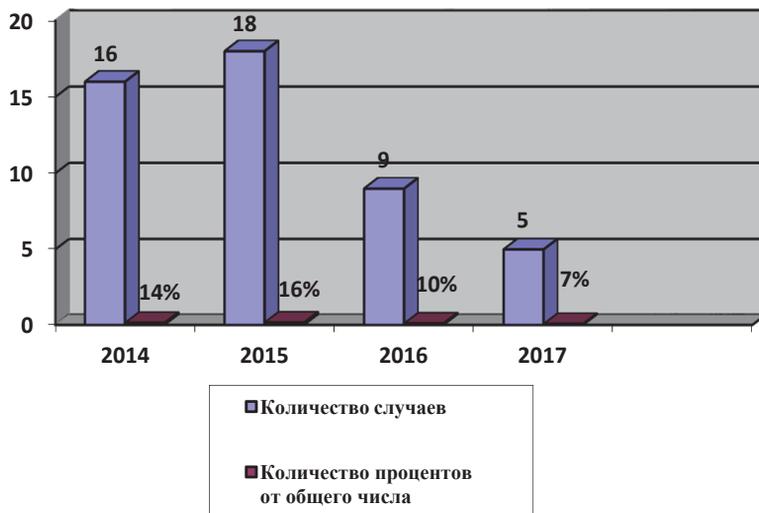

Рисунок 8 – Динамика групповых побегов из мест лишения свободы в 2014–2017 гг. в количественном и процентном соотношении

В настоящее время в 27 субъектах Российской Федерации (2016 г. – 31) уровень побегов в расчете на 1 тыс. осужденных, находящихся под надзором, превышает среднероссийский показатель 2,68. Имеют место и случаи совершения групповых побегов.

Так, 17.10.2017 сотрудниками УСБ ГУФСИН России по Приморскому краю выявлен факт сокрытия начальником СИЗО-3 ГУФСИН России по Приморскому краю группового побега, совершенного 8 августа 2017 года двумя осужденными КП-26, трудоустроенными на объектах СИЗО-3, путем угона автомобиля.

Таким образом, можно сделать вывод о повышенной общественной опасности групповых и вооруженных побегов из мест лишения свободы по следующим причинам:

1) побег совершаются несколькими осужденными и, как показывает практика, за совершение тяжких либо особо тяжких преступлений либо злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания;

2) при совершении побега у осужденных присутствует совместный либо самостоятельный умысел на совершение новых преступлений;

3) групповой побег с использованием транспортных и иных средств, а также с завладением каким-либо видом оружия также может способствовать совершению новых преступлений;

4) дестабилизируется обстановка в районе вооруженного либо группового побега осужденных, снижается уровень безопасности граждан, проживающих на его территории до момента поимки бежавших;

5) в ИУ снижается и нарушается установленный правопорядок и оперативная обстановка.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым дополнить ст. 85 УИК РФ новым основанием для введения режима особых условий в ИУ – групповым либо вооруженным побегом осужденных.

Далее рассмотрим еще одно преступление, совершаемое в ИУ, которое может стать основанием для введения режима особых условий – захват заложников.

Захваты заложников в местах лишения свободы создают реальную угрозу жизни и безопасности граждан, законности и правопорядку, нарушают нормальное функционирование пенитенциарных учреждений.

Несмотря на наличие достаточно небольших показателей регистрируемых преступлений захватов заложников в ИУ, необ-

ходимо отметить высокую латентность данного вида преступлений. Это происходит, в частности, потому, что, зачастую совершая нападения на сотрудников ИУ, осужденные пытаются совершить их захват в качестве заложников, но в последующем отказываются от продолжения совершения преступления по тем или иным причинам (рис. 9).

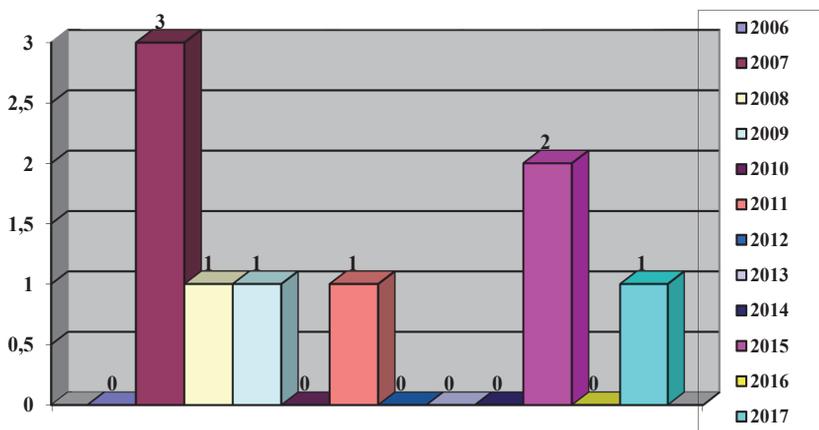

Рисунок 9 – Динамика захватов заложников в исправительных учреждениях в 2006–2017 гг.

Рассмотрим ряд практических примеров захватов заложников в ИУ за период 2015–2017 гг.

В августе 2015 года в ИК-7, расположенной в поселке Социалистический Щекинского района Тульской области, около 8:40 30-летний заключенный, отбывавший десятилетний срок за разбой и кражи (ч. 2 ст. 162 и ч. 2 ст. 158 УК РФ), находясь в кабинете замначальника колонии, захватил в заложники начальника отряда и дежурного помощника начальника ИК. Угрожая взорвать предмет, похожий на самодельную бомбу, и размахивая ножом, он приковал обоих сотрудников колонии к себе имевшимися у них наручниками. Осужденный требовал немедленного его освобождения. В ходе проведения спецоперации с участием спецназа «Гриф» осужденный, захвативший заложников, был нейтрализован. По данному факту СУ СКР по Туль-

ской области возбудил уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 206 УК РФ (захват заложника), ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности исправительного учреждения) и ст. 317 УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа).

А 23 апреля 2017 года был совершен захват заложника в КП-7 ОИУ-1 ОУХД ГУФСИН России по Пермскому краю, когда осужденный, отбывающий наказание в колонии-поселении, воспользовавшись правом свободного передвижения по территории поселка, совершил захват и удержание в качестве заложника находившейся на улице девочки 2004 года рождения. Угрожая потерпевшей ножом, злоумышленник усадил ее в стоящую неподалеку автомашину и начал высказывать угрозы применения насилия в адрес девочки и водителя автомобиля, требуя вывезти его с территории поселка и ИУ. Преступные действия осужденного были пресечены местными жителями.

На основе анализа захватов заложников как противоправных деяний, дестабилизирующих оперативную обстановку в ИУ, очевидна необходимость совершенствования правового регулирования деятельности правоохранительных органов по предупреждению и пресечению захватов заложников, в том числе и в местах лишения свободы. Представляется необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 85 УИК РФ: после слов «при массовых беспорядках» добавить слова «захвате заложников».

Такжестораживают статистические данные о стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера в районах дислокации ИУ.

В 1999 году в ИУ произошло 58 чрезвычайных ситуаций, повлекших человеческие жертвы. Значительную опасность представляет аварийное состояние зданий и сооружений УИС, часть из которых построена в XVII–XVIII веках. В частности, в 1999–2000 годах произошло обрушение конструкций режимных корпусов в Магаданской, Астраханской, Тамбовской областях¹; на ведомственном автотранспорте УИС только в 1999 году про-

¹ См.: Главное управление исполнения наказаний Минюста РФ. Оперативные сводки о преступлениях и чрезвычайных происшествиях в УИС за период с 1 января по 31 декабря 1999 года. 1994–2000 годы.

изошло 19 пожаров ¹. Статистика в другие годы выглядит не менее удручающе.

Так, по официальным данным МЧС России, по итогам 2017 года на территории РФ произошло 176 чрезвычайных ситуаций техногенного характера, из них 1 межрегионального и 1 федерального уровня (аварии на электроэнергетических системах) и 42 чрезвычайные ситуации природного характера, из которых 2 межрегионального и 3 федерального уровня (опасные гидрологические явления и крупные природные пожары).

Современное состояние человеческой цивилизации вызывает необходимость разработки и совершенствования форм и методов защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Среди таких форм и методов особое место и роль принадлежат правовому и организационному регулированию, включающему:

а) создание и развитие нормативной базы, регулирующей общественные отношения в сфере защиты от чрезвычайных ситуаций;

б) формирование, развитие и модернизацию единой государственной структуры, обеспечивающей эффективное реагирование личности, общества и государства на любые угрозы их безопасности.

При этом в отличие от действий в условиях чрезвычайных обстоятельств криминального характера существующая нормативная база, регламентирующая действия сотрудников УИС при чрезвычайных ситуациях, требует обновления и конкретизации.

Некоторые исследователи предлагают следующие редакции ст. 85 УИК РФ:

– В случае возникновения в исправительном учреждении массовых беспорядков, групповых неповиновений осужденных, которые могут привести к человеческим жертвам, нанести ущерб здоровью людей, имуществу или окружающей среде, повлечь значительные материальные потери и нарушение жизнедеятельности исправительного учреждения, начальник

¹ См.: Альховников Ю. Чтобы не горел автотранспорт // Преступление и наказание. 2001. № 10. С. 10–12.

исправительного учреждения вправе ввести режим особых условий¹.

– В случаях чрезвычайных ситуаций природного характера, введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, групповых неповиновениях осужденных, захвате заложников, при наличии реальной угрозы вооруженного нападения на места лишения свободы, побеге осужденного из мест лишения свободы, эпидемии, крупной аварии системы жизнеобеспечения, а также при обширном очаге возгорания в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий².

По нашему мнению, предложенная В. А. Антоновым диспозиция является более правильной, но с некоторой долей корректировки: в случаях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, режима контртеррористической операции, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных, групповых или вооруженных побегах, захвате заложников в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий.

Таким образом, современное регулирование и практика реализации режима особых условий в ИУ показывает, что данный режим вводится в большинстве случаев при массовых беспорядках и групповых неповиновениях осужденных. Помимо данных оснований, для введения режима особых условий современная практика деятельности ИУ диктует необходимость отнесения к ним групповых либо вооруженных побегов, а также захватов заложников.

¹ См.: Абышев В. А. Правоохранительная деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях чрезвычайных ситуаций криминального характера : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 150.

² См.: Антонов В. А. Правовое регулирование деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы по обеспечению безопасности и правопорядка на режимных объектах в условиях чрезвычайных ситуаций : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 164.

§ 1.4. Некоторые вопросы правового регулирования и применения режима особых условий в исправительных учреждениях

Норма о введении режима особых условий в ИТУ появилась впервые в исправительно-трудовом законодательстве (ст. 23¹ ИТК РСФСР в ред. Закона РФ от 12 июня 1992 г.). Первоначально она была рассчитана на случаи возникновения в местах лишения свободы массовых беспорядков, которые время от времени там происходят. Отсутствие подобной нормы существенно осложняло деятельность органов внутренних дел как непосредственно по ликвидации самих массовых беспорядков, так и по нормализации функционирования ИТУ после происшедших событий.

В отличие от ИТК РСФСР, УИК РФ существенно расширил основания, по которым может быть введен режим особых условий в ИУ. Если ранее таким основанием являлись лишь массовые беспорядки, создающие угрозу общественной безопасности, жизни и здоровью осужденных и персонала, то теперь кроме них в ст. 85 УИК называются также: стихийные бедствия; введение в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного, особого (позднее исключено ФЗ от 3.04.2006 г. № 46-ФЗ) или военного положения; групповые неповиновения осужденных. Стихийные бедствия могут быть как природного (землетрясения, наводнения, смерчи, ураганы и др.), так и техногенного характера (различного рода аварии и катастрофы). Масштабность и тяжесть последствий стихийных бедствий могут послужить основанием введения чрезвычайного или особого положения.

Право на введение режима особых условий в ИУ закреплено и в п. 13 ст. 14 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы». Администрация ИУ вправе временно ограничивать или запрещать движение транспорта на прилегающих к учреждениям территориях, на которых установлены режимные требования; не допускать граждан на эти территории или обязывать их там остаться либо покинуть эти территории с целью соблюдения режимных требований, защиты жизни и здоровья граждан.

Возможно также принятие таких мер, как:

- патрулирование территории, прилегающей к ИУ;
- активизация профилактической, разъяснительной и оперативной работы;
- привлечение отрядов специального назначения территориальных ОВД;
- повышение готовности противопожарных команд учреждения; и т. д.

Массовые беспорядки в целом выражаются в отказе выполнять предъявляемые требования со стороны больших групп осужденных, совершении поджогов и погромов, избиениях, убийствах неугодных осужденных и представителей персонала и иных лиц, применении холодного оружия и предметов, используемых в качестве оружия, а также в ряде аналогичных действий.

Несколько лет назад в воспитательных колониях России произошло три массовых выступления воспитанников, переросших в бунты, что свидетельствовало о неблагоприятной ситуации в учреждениях ФСИН для несовершеннолетних. Речь идет о массовых беспорядках в Белореченской воспитательной колонии Краснодарского края (18–19 июля 2011 г.), Атланской воспитательной колонии Челябинской области (18 августа 2011 г.), Алексинской воспитательной колонии Тульской области (10–11 сентября 2011 г.). Последнюю из вышеуказанных колоний автор данного параграфа (Ю. А. Кашуба – *прим. ред.*) посетил в 2017 году и может свидетельствовать о положительных переменах, произошедших на территории и в коллективе данного учреждения.

Примером введения режима особых условий в ИУ является случай в одной из исправительных колоний Республики Башкортостан, где группа осужденных в мае 2015 года устроила массовые беспорядки. Более ста заключенных исправительной колонии строгого режима ИК-2 в городе Салавате отказались выполнять законные требования администрации, забаррикадировались на крыше одного из отрядов и выдвигали требования на послабление режима. Начальник управления ФСИН России был вынужден ввести режим особых условий для данного

учреждения в связи с массовыми беспорядками на территории исправительной колонии.

Массовые беспорядки за рубежом также сопровождаются погромами и пожарами. К примеру, в декабре 2010 года заключенные, отбывающие наказание в тюрьме Сан-Мигель (Сантьяго), устроили бунт, явившийся последствием столкновения между преступными группировками. Участники массовых беспорядков подожгли матрасы, и возникший пожар быстро распространился по зданию тюрьмы. В результате погиб восемьдесят один человек из числа заключенных, еще шестнадцать серьезно пострадали, а более двухсот – были эвакуированы.

Групповые неповиновения осужденных обычно выражаются в отказе выполнять предъявляемые к ним требования (или их определенную часть), но они проявляются в менее агрессивной форме, не связаны с указанными выше действиями (погромами, поджогами, убийствами и т. п.) и участвуют в них значительно меньшие по количеству группы осужденных (хотя и не исключены случаи участия больших масс осужденных, как, например, при объявлении голодовок).

Режим особых условий может вводиться и по иным основаниям. Так, в июле 2002 года от наводнения пострадала колония-поселение в ауле Кошехабль Республики Адыгея. Вероятный материальный ущерб, нанесенный паводком, составил 3 млн 200 тыс. рублей, здания и сооружения колонии не пострадали, но были полностью затоплены сельскохозяйственные угодья площадью 104 га, на которых были высажены озимые зерновые, картофель, овощи и бахчевые культуры, а также нанесен ущерб зарыбленному пруду колонии.

За последний период появились обстоятельства, позволяющие расширить сферу применения режима особых условий в ИУ.

Во-первых, с 1 января 2017 года в России приступили к исполнению нового вида наказания – принудительных работ. Были введены в эксплуатацию четыре исправительных центра в Приморском и Ставропольском краях, Тамбовской и Тюменской областях. Созданы семь изолированных участков при ИУ, функционирующих как исправительные центры в республиках Башкортостан и Карелия, Забайкальском крае,

Архангельской, Новосибирской, Самарской и Смоленской областях. Планируется открыть еще семь исправительных центров – в Якутии, Татарстане, Волгоградской, Костромской, Оренбургской, Челябинской областях и Санкт-Петербурге, а также еще 8 участков при исправительных колониях и охватить таким видом наказания до пяти тыс. чел. в год. Поставлена задача – к 2019 году создать систему исправительных центров. Указанные в ст. 85 УИК обстоятельства вполне могут возникнуть в районе дислокации и исправительных центров, что потребует распространить и в их отношении режим особых условий.

Во-вторых, к числу учреждений уголовно-исполнительной системы относятся арестные дома, которые в соответствии с законодательством должны исполнять арест с содержанием в условиях строгой изоляции. На территориях, где могут располагаться эти учреждения, также возможно введение чрезвычайного или военного положения.

В главе 3 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» фактически отсутствуют нормы, непосредственно направленные на подготовку учреждений к действиям в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств. Возможно, данное положение необходимо изменить и в ст. 13 Закона включить обязанность по поддержанию постоянной готовности учреждений УИС к выполнению задач в условиях чрезвычайных обстоятельств. Данная норма позволит связать в единое целое право учреждения на введение усиленного варианта охраны и надзора или режима особых условий с обязанностью его реального поддержания, опираясь на собственные силы.

Регулирующая, дисциплинирующая и организующая роль права еще более усиливается в особых условиях. Без четкого правового регулирования значительно повышается риск принятия и реализации ошибочных решений, цена которых в данных условиях исключительно высока.

Выполнение ИУ сложных и ответственных задач в особых условиях требует от сотрудников УИС высокого профессионализма, умения хорошо ориентироваться в действующем законодательстве, принимать решения в рамках закона.

В подобной ситуации нередки просчеты при принятии управленческих решений, расстановке сил и средств, в организации защиты личного состава и осужденных от поражающих факторов чрезвычайных ситуаций. Такие упущения, как правило, отрицательно влияют и на качество проводимых мероприятий. В этих условиях, как никогда остро, стоит задача качественной подготовки сотрудников к действиям в чрезвычайных ситуациях.

Сказанное подтверждается также тем, что еще в 1999 году 59 % опрошенных сотрудников исправительных колоний, дислоцированных в Башкортостане, Оренбургской и Пермской областях, на вопрос «Считаете ли Вы вероятной возможность попадания Вашего исправительного учреждения в зону воздействия чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера?» ответили утвердительно ¹.

В случае необходимости эвакуации заключенных под стражу и осужденных, а также персонала соответствующих учреждений (например, при введении военного положения) целесообразно предусмотреть возможность, например, их транспортировки в безопасные места новой дислокации и освобождения от наказания лиц, совершивших преступления небольшой и (или) средней тяжести, если неотбытый срок наказания составляет менее 6 месяцев, а для совершивших тяжкие преступления – менее 2 месяцев.

В поддержку указанных предложений приведем несколько примеров.

С началом Великой Отечественной войны летом 1941 года осуществлялась эвакуация заключенных из тюрем и других учреждений западных областей СССР.

Главное препятствие в эвакуации заключенных из тюрем заключалось в отсутствии вагонов. Несмотря на наличие распоряжений, военные коменданты на станциях вагонов под заключенных не давали, так как таковых не хватало для перевозки раненых, членов семей и других воинских перевозок.

¹ См.: Фефелов В. В. Правовое регулирование деятельности исправительных учреждений в особых условиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2002. С. 16.

Кроме того, причиной несвоевременной эвакуации заключенных явилось и то, что в большинстве тюрем Западных областей местные органы НКВД не только не способствовали быстрой эвакуации заключенных из тюрем, а напротив, задерживали вывоз лиц, числящихся за ними до последнего момента отступления, возлагая потом всю ответственность на начальников тюрем.

Остававшиеся заключенные пешим порядком конвоировались в тыл. Безусловно, значительная их часть по вполне понятным причинам (бомбежки, обстрелы и др.) до цели не добиралась.

Так, быстрое продвижение немецких войск не позволило организовать эвакуацию учреждений, подведомственных УИТК НКВД БССР. Многие начальники учреждений растеряли при эвакуации большую часть личного состава и заключенных, не вывезли и не уничтожили личные дела заключенных, документы, имущество и ценности.

Следует отметить, что не все заключенные подлежали эвакуации. К лицам, впервые осужденным за прогулы, мелкие хищения на предприятиях, незначительные должностные и бытовые преступления, было применено досрочное освобождение. Поскольку значительную их часть составляли лица призывного возраста, они с учетом состояния здоровья через военкоматы направлялись в воинские соединения.

Таким же образом, только без призыва в армию, поступили и с несовершеннолетними правонарушителями. Эту категорию заключенных освобождали от наказания досрочно и отпускали домой, выдав им соответствующие документы. В частности, 4 июля 1941 года из Витебской трудовой колонии были освобождены с выдачей на руки справок о досрочном освобождении 350 человек, а личный состав колонии в количестве 45 человек, ее оборудование и 62 осужденных эвакуированы в Татарскую АССР.

Заключенных успели эвакуировать из тюрем следующих городов: Глубокое, Молодечно, Пинск, Столин, Дрогичин, Орша, Полоцк, Витебск, Могилев, Мозырь, Гомель, Червень, Вилейка, Столбцы. Из остальных учреждений эвакуировать

не представилось возможным. Заключенные либо были оставлены в тюрьмах при занятии городов немецкими войсками, либо разбежались в пути во время налетов на них немецких самолетов.

На 1 сентября 1941 года из учреждений Беларуси удалось эвакуировать 11 161 заключенного. Они были этапированы в учреждения НКВД Узбекской ССР, Татарской АССР, а также УНКВД Владимирской, Горьковской, Кировской, Омской, Рязанской, Свердловской, Тамбовской и Челябинской областей.

Освобождение части заключенных и эвакуация другой коснулись в основном содержащихся в местах лишения свободы восточных областей БССР. На ее западных территориях, в связи с быстрым продвижением вражеских войск, осуществить это не представилось возможным. Сотрудники мест лишения свободы, дислоцировавшихся в этих регионах, самостоятельно принимали решения исходя из складывающейся обстановки, порой под обстрелом и бомбежкой противника. В районе Брестской крепости фашисты выбросили десант на следственный изолятор, расположенный на Северном острове; его охрана, вооруженная только винтовками и пистолетами, храбро сражалась с противником и вся погибла в неравном бою.

Угрожающая обстановка первых дней войны, а порой и паника провоцировали руководство учреждений на принятие ошибочных решений. Так, с первых часов войны бомбардировке подверглось учреждение г. Гродно. Днем 22 июня одна из бомб упала на его главный корпус, разрушив его и похоронив под обломками большое количество заключенных. Во время ночной бомбардировки была разрушена часть второго корпуса и общежитие. Находившиеся в корпусе заключенные выбежали из него и устремились на улицу, а охрана не смогла их удержать. Не получив никаких распоряжений от руководства НКГБ и НКВД, начальник учреждения приказал оставить его и всему личному составу выбираться из города.

Нередко заключенные принимались по счету, без документов и лишь в пути происходил подбор документов. При приеме они не сортировались, а следовали одной колонной (следственные,

осужденные на различные сроки и иные лица, требующие усиленного надзора). Смена конвоев в пути не производилась; все конвои следовали до места назначения, независимо от расстояния. В этой ситуации до 1000 человек осужденных за маловажные преступления были освобождены в пути органами прокуратуры и НКВД, поскольку эта работа в некоторых учреждениях на местах проделана не была.

Таким образом, вывозу в тыл подлежали только заключенные, в отношении которых дальнейшее следствие было необходимо для раскрытия диверсионных, шпионских и террористических организаций, а также агентуры врага; женщины с детьми, беременные, несовершеннолетние заключенные (за исключением диверсантов, шпионов, бандитов и т. п. опасных преступников) подлежали освобождению; освобождались и осужденные по указам от 26 июня, 10 августа, 28 декабря 1940-го и от 9 апреля 1941-го, а также осужденные за маловажные, бытовые и служебные преступления, кто не считался социально опасным, с использованием их на работах оборонного характера по указанию военного командования с досрочным освобождением в момент эвакуации учреждения. Ко всем остальным заключенным (в том числе дезертирам) предлагалось применить высшую меру наказания – расстрел. Эти предложения 12 июля были законодательно оформлены Указом Президиума Верховного Совета СССР. Без сомнения, приведенные примеры носят исключительный характер, но уроки истории необходимо знать и помнить.

Проблеме обеспечения общественной безопасности в чрезвычайных ситуациях военного, техногенного и природного характера государство обязано придавать решающее значение; в современный период значительно возрос риск их возникновения. Указанная тенденция выражается как в нарастании частоты и масштабов чрезвычайных ситуаций, так и в близости от РФ регионов со сложной военно-политической обстановкой: Абхазии, ДНР, ЛНР, ПМР, Южной Осетии, Украины (на территории некоторых уже длительно продолжаются фактически боевые действия).

§ 1.5. Реализация принципов уголовно-исполнительного права в условиях введения чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации

Принципы уголовно-исполнительного законодательства, закрепленные в Общей части УИК РФ, составляют основу для реализации всех уголовно-исполнительных правоотношений, в связи с чем представляется актуальным рассмотреть их стабильность в плане функционирования в особых ситуациях, таких как введение военного положения, чрезвычайного положения или режима особых условий, стихийного бедствия на территории отдельного субъекта России или в целом по стране.

Статья 8 УИК РФ, в которой исчерпывающим образом перечислены принципы уголовно-исполнительного законодательства, включена в главу 1 «Общие положения». Верховенство и превалирующая роль их не вызывает сомнений и подтверждается закреплением их именно вначале УИК РФ. Однако если обратиться к общей теории права, то можно прийти к выводу, что в случае закрепления в одном нормативном акте общей и специальной нормы приоритет отдается последней. Наличие единственной статьи в УИК РФ – 85, где упоминается вообще о случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, не дает нам ответы на вопросы: как же действуют принципы в таких экстремальных ситуациях. Кроме того, ст. 85 УИК РФ ориентирована на регулирование отношений в таких ситуациях только в исправительных учреждениях. На наш взгляд, это является недопустимым и требует четкой регламентации на уровне закона.

В литературе по теории права принципы характеризуются в качестве общих сквозных идей, руководящих начал правовой системы, ведущих начал не только для создания, формирования правовой системы, но и для реализации, осуществления правовых норм¹. Принципы представляют собой основополагающие идеи, взгляды, мысли. Они отражают стратегические направле-

¹ См.: Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 90.

ния развития права, определяют его содержание, являются выражением, прежде всего, правовой политики государства. Само слово «принцип» происходит от латинского *principium*, означающего основу, первоначало. В толковых словарях русского языка принцип понимается как научное или нравственное начало, правило, *от которого не отступают*, исходное положение какой-либо теории, учения, науки и т. п.; основополагающее первоначало, основное положение, исходный пункт, предпосылка какой-либо теории, концепции ¹. Именно поэтому принципы должны носить общеобязательный характер, их исполнение должно быть безоговорочно.

Принципы права, равно как и принципы законодательства, в самом общем виде призваны отразить закономерности общественной жизни, преобразовав их в основу содержания права. Однако без типизации и обобщения конкретных жизненных обстоятельств, перевода их на уровень общих и неопределенных нормативных предписаний это сделать невозможно. Данное обстоятельство придает принципам права качество «центров» правового регулирования ².

Представляется целесообразным рассмотреть действие принципов в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения.

Чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, *допускающий установленные законом отдельные ограничения*

¹ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006. Т. 3. С. 431.

² См.: Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИНФРА-М, 2015. С. 73.

прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей¹.

Введение чрезвычайного положения – это временная мера, которая применяется исключительно для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Российской Федерации.

Нормы, закрепленные в названном федеральном конституционном законе, обладают высшей юридической силой по отношению к УИК РФ, как закону, имеющему статус федерального. Получается, что в случае введения чрезвычайного положения (как на всей территории Российской Федерации, так и в отдельных субъектах) осужденные могут быть ограничены в своих правах.

Срок действия чрезвычайного положения, вводимого на всей территории Российской Федерации, не может превышать 30 суток, а вводимого в ее отдельных местностях – 60 суток. Примечательно, что законодатель исчерпывающим образом закрепляет меры и временные ограничения, применяемые в условиях чрезвычайного положения (ст. 11–14 ФКЗ «О чрезвычайном положении»).

Так, например, в п. «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении» прописано, что возможно «продление срока содержания под стражей лиц, задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца». Думается, что это оправдано с позиции обеспечения безопасности населения и изменения формата работы правоохранительных и правоприменительных органов, в том числе судов. Однако подобные нормы отсутствуют в законе относительно осужденных.

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

Еще одна норма ФКЗ также может провоцировать сложные ситуации в уголовно-исполнительной системе. Так, в п. «а» ст. 13 ФКЗ «О чрезвычайном положении» предусмотрено, что в случае чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайной экологической ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшей в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, возможно *временное отселение жителей* в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений. Среди таких лиц могут быть и осужденные к наказаниям без изоляции от общества. В такой ситуации необходимо четко прописать порядок исполнения уголовного наказания в случае вынужденного изменения места жительства (особенно актуально это для тех осужденных, которым по приговору суда запрещено покидать или изменять место жительства).

Летом 2019 года в ряде регионов Дальнего Востока (Амурская область, Хабаровский край, Приморский край) в связи с обильными осадками был введен режим чрезвычайной ситуации. В Амурской области возникла необходимость из ушедшего под воду сельского поселения эвакуировать жителей. Тем не менее никаких особых указаний в плане изменения порядка отбывания наказаний осужденными в указанный период не поступало (и уголовно-исполнительные инспекции, и исправительные учреждения работали в обычном режиме). В 2013 году, когда в Амурской области было наводнение и регион находился в режиме объявления чрезвычайной ситуации, из лечебно-исправительного учреждения в г. Свободном осужденные были этапированы в аналогичное учреждение Приморского края.

Относительно ограничения прав осужденных в период действия чрезвычайной ситуации особых споров не возникает в связи с тем, что такие ограничения нормативно закреплены, но вот как реализуются принципы уголовно-исполнительного законодательства в указанный период, возникает вопрос.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием (ст. 8 УИК РФ).

Принцип законности является базовым, фундаментальным конституционным принципом, основной смысл которого сводится к тезису: «Все правоотношения должны регулироваться только в соответствии с законом». Он находит отражение в международных актах, Конституции РФ, Уголовно-исполнительном кодексе РФ, других федеральных законах.

В уголовно-исполнительном законодательстве, как утверждают А. В. Бриллиантов, С. И. Курганов¹, принцип законности означает верховенство Конституции РФ и федеральных законов, законов Российской Федерации, регулирующих вопросы, связанные с исполнением наказания, обязательность строгого и неукоснительного соблюдения законов осужденными, персоналом учреждений и органов, исполняющих наказания и иные меры уголовно-правового характера, должностными лицами, учреждениями и организациями, взаимодействующими с системой исполнения наказаний.

Применительно к уголовно-исполнительному праву, в отличие от некоторых других отраслей права, вопросы отбывания и исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера регламентируются только законодательством, действующим на момент их исполнения. Принцип законности нашел свое закрепление не только в ст. 8 УИК РФ, но и в ряде других статей данного закона (ст. ст. 10–22 УИК РФ).

¹ См.: Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. С. 312.

Может ли не работать этот принцип в экстремальных условиях? Думается, что нет. В период введения чрезвычайного положения все правоотношения, складывающиеся между различными субъектами, должны быть нормативно закреплены. Чтобы не было сомнений в превалировании данного принципа, можно в ФКЗ «О чрезвычайном положении» прописать, что в указанных условиях действует специальное законодательство, ориентированное на возможные ограничения и лишения, закрепленные в УИК РФ. Правоприменитель должен понимать, что в таких ситуациях все ограничения, лишения их прав, в том числе и конституционных, легальны.

Не менее важным принципом, провозглашенным в законодательстве, является принцип гуманизма. Он, в свою очередь, также имеет конституционное закрепление. Так, в ст. 2 Конституции РФ прописано, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Международные правовые акты особое внимание уделяют данному принципу. В частности, в ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. говорится, что «все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности»¹. В соответствии с ч. 2 ст. 12 УИК РФ «осужденные не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию. Меры принуждения к осужденным могут быть применены не иначе как на основании закона»².

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года среди основных целей определена «гуманизация условий содержания лиц, заключённых под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

и законных интересов в соответствии с международными стандартами»¹.

Рассматриваемый принцип выражается также в целях, которые ставит общество и государство при исполнении уголовных наказаний, – исправление осужденных. Он реализуется также в средствах исправления, которые перечислены в ст. 9 УИК РФ.

Гуманизм как принцип уголовно-исполнительного права – это совокупность идей о том, что человек является высшей ценностью в демократическом обществе и правовом государстве и в случае применения к нему средств принуждения за совершение преступления государство в лице сотрудников правоохранительных органов не имеет целью причинить ему физические страдания или унижить человеческое достоинство.

В условиях введения чрезвычайного положения этот принцип также остается незыблемым. Целями введения чрезвычайного положения являются устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, *обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина*, защиты конституционного строя Российской Федерации, поэтому любые отклонения, ориентированные на корректировку реализации названного принципа, будут диссонировать с положениями ФКЗ «О чрезвычайном положении», чего допускать нельзя.

Следующий общеправовой принцип, закрепленный в ст. 8 УИК РФ, – демократизм. В юридической литературе его часто называют принципом народного правления. Смысл демократизма сводится к возможности общества принимать участие в работе с осужденными гражданами. Кроме того, нормативно закреплены различные формы контроля органов государственной власти и органов местного самоуправления за деятельностью пенитенциарных учреждений. УИК РФ закрепляет также судебный, ведомственный и общественный контроль и прокурорский

¹ Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (с изм. и доп.) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 25.10.2010. № 43. Ст. 5544.

надзор за деятельностью уголовно-исполнительной системы, что также является проявлением демократизма.

Субъекты Российской Федерации и органы местного самоуправления наделены широкими правами в отношении расположенных на их территориях учреждений и органов, исполняющих наказания. Это и финансовая помощь учреждениям и органам, исполняющим наказание (например, приобретение продовольствия, строительство зданий и сооружений, освобождение от налогов и т. п.), и организационная помощь.

Принцип демократизма проявляется и в порядке беспрепятственной подачи и разрешения в установленные сроки жалоб и заявлений осужденных, в свободе выбора ими языка обращения и переписки.

Содержание и действие этого принципа, обобщая мнения большинства российских пенитенциаристов, следует усматривать в том, что, во-первых, учитывается общественное мнение при совершенствовании уголовно-исполнительного законодательства и деятельности уголовно-исполнительной системы; во-вторых, задачи уголовно-исполнительного законодательства формулируются в интересах народа; в-третьих, осужденные признаются субъектами уголовно-исполнительного права при гарантировании им прав и свобод с установленными в законе ограничениями; в-четвертых, оказывается содействие общественных объединений учреждениям и органам, исполняющим уголовные наказания, и осуществляется общественный контроль за их деятельностью; в-пятых, представители гражданского общества участвуют в принятии ряда решений администрацией исправительных учреждений; в-шестых, предусмотрена открытость и гласность деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания.

Относительно принципа демократизма ФКЗ «О чрезвычайном положении» говорит следующее: «Указом Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения на период действия чрезвычайного положения может предусматриваться введение таких временных ограничений, как полное или частичное приостановление на территории,

на которой введено чрезвычайное положение, полномочий органов исполнительной власти субъекта (субъектов) Российской Федерации, а также органов местного самоуправления» (п. «а» ст. 11 ФКЗ); запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий (п. «е» ст. 11 ФКЗ); приостановление деятельности политических партий и иных общественных объединений, которые препятствуют устранению обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения (п. «в» ст. 12 ФКЗ). Кроме того, на территории, на которой введено чрезвычайное положение, выборы и референдумы не проводятся в течение всего периода действия чрезвычайного положения (ст. 14 ФКЗ «О чрезвычайном положении»).

Следует уточнить, что в данном случае речь идет именно об установлении режима *чрезвычайного положения*. Если же говорить о *чрезвычайной ситуации*, то таких ограничений не предусмотрено. Чрезвычайная ситуация является лишь обстоятельством, при наличии которого вводится чрезвычайное положение. Тем не менее если Президент Российской Федерации принимает решение о введении чрезвычайного положения и оформляет это в виде соответствующего указа, то принцип демократизма не может в полном объеме быть реализован в уголовно-исполнительных правоотношениях.

Важно отметить, что установление на территории отдельного субъекта режима чрезвычайной ситуации, оформленное в виде распорядительного акта высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (как правило, губернатора) не порождает таких правовых последствий, как установление режима чрезвычайной ситуации на федеральном уровне.

Так, при введении режима чрезвычайной ситуации принимаются дополнительные меры по защите населения, среди которых обозначена такая, как «осуществление мер, обусловленных развитием чрезвычайной ситуации, *не ограничивающих прав и свобод человека и гражданина* и направленных на защиту населения и территорий от чрезвычайной ситуации, создание не-

обходимых условий для предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации и минимизации ее негативного воздействия» (п. «д» ч. 10 ст. 4. 1 Федерального закона от 21. 12. 1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера») ¹.

Получается, что введение режима чрезвычайной ситуации на региональном уровне не предусматривает тех ограничений прав граждан и иных лиц, которые закреплены в ФКЗ «О чрезвычайном положении».

Таким образом, принцип демократизма, закрепленный в УИК РФ, в случае введения чрезвычайной ситуации, а не чрезвычайного положения реализуется в полном объеме. Тем не менее необходимо акцентировать внимание на проблеме введения режима чрезвычайного положения. Думается, что надо разобраться с приоритетностью категорий: с одной стороны, положения ФКЗ по юридической силе выше, чем положения, закрепленные на уровне федерального закона (в том числе и УИК РФ), но если говорить о такой категории как «принципы», то, имея основополагающее значение для общественных отношений, они должны быть стабильны. На наш взгляд, общеправовые принципы законодательства (законность, гуманизм, демократизм), которые красной нитью проходят через все национальное законодательство, должны оставаться непоколебимыми.

Принцип равенства осужденных перед законом имеет также конституционную основу, где акцент сделан на равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения. Много споров идет в юридической литературе относительно того, к какой группе принципов относится «равенство осужденных перед законом» (к общеправовым или межотраслевым). Думается, что правильно этот принцип рассматривать среди межотраслевых принципов, так как изме-

¹ Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

нение статуса человека (он становится *осужденным*) говорит о том, что указанный принцип находит проявление не во всех отраслях права.

В период отбывания уголовного наказания отсутствуют различные преимущества у одних осужденных перед другими в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности запрещены. Однако законом предусмотрена возможность установления различий с учетом иных обстоятельств – возраста, состояния здоровья, поведения осужденного в период отбывания наказания. Эти факторы служат основаниями установления различного правового положения осужденных разных категорий. Так, например, осужденные женщины не отбывают наказание в колониях строгого и особого режима и им устанавливаются более мягкие условия в период отбывания наказания, особенно если вместе с ней находится в колонии ребенок (это является проявлением гуманизма по отношению к женщинам и не может расцениваться как нарушение конституционных прав иных категорий осужденных).

В экстремальных условиях реализация данного принципа должна сохраняться. Тем не менее с целью обеспечения безопасности населения возможно возникновение ситуаций, когда одни осужденные получают преимущества перед другими (например, женщины с детьми по отношению к женщинам, не имеющим детей), в связи с чем возникает необходимость нормативной детализации данного принципа в условиях чрезвычайного положения.

Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания ориентирует на установление разных условий отбывания наказания, различного правового положения осужденных применительно к их группам и конкретным лицам. Дифференциация – это разделение осужденных на категории, которые

имеют различный правовой статус в зависимости от ряда факторов. Для осужденных каждой группы УИК РФ устанавливает определенный объем прав и обязанностей, правоограничений и льгот. Одним из методов реализации принципа дифференциации наказания является классификация осужденных к лишению свободы в зависимости от видов условий содержания осужденных в колонии. Так, в колониях общего, строгого и особого режима предусмотрены обычные, строгие и облегченные условия отбывания наказания. В воспитательных колониях, кроме названных выше, есть еще и льготные условия. В зависимости от ряда факторов осужденный помещается в те или иные условия, что является проявлением принципа дифференциации исполнения наказания.

Индивидуализация предполагает учет характеристики конкретного осужденного. Принцип индивидуализации выражается в требовании индивидуального подхода к каждому осужденному. Это предопределяет выбор нужных именно данному осужденному средств исправления (зачисление в общеобразовательную школу, привлечение к профессиональному обучению и т. п.).

Индивидуализация наказания на стадии его исполнения, как справедливо замечает В. Б. Малинин¹, означает, «во-первых, изменение объема кары в зависимости от поведения осужденного, во-вторых, изменение содержания исправительного воздействия».

Основу дифференциации исполнения наказания составляют правовые критерии, а основу индивидуализации – личностные критерии (поведение, отношение к труду и прочее)².

В исправительном учреждении, как правило, действуют единые режимные и педагогические требования, которые

¹ См.: Малинин В. Б., Смирнов Л. Б. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: науч.-практ. коммент. (постатейный). М. : КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2011. С. 96.

² См.: Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. С. 201.

предъявляются к осужденным. Эти требования дифференцируются в зависимости от классификации и стратификации осужденных.

В условиях чрезвычайного положения применительно к осужденным, которым назначено наказание с изоляцией от общества, данный принцип может не соблюдаться. Связано это с необходимостью, например, эвакуации людей в такое учреждение, где обеспечить пребывание их в различных условиях не представляется возможным. Можно ли приостановить действие принципа в указанный период времени? Представляется, что более корректно говорить не о приостановлении принципа уголовно-исполнительного законодательства на период введения чрезвычайного положения, а о приостановлении исполнения уголовных наказаний, которые основаны на закрепленных в законе принципах.

К отраслевым принципам уголовно-исполнительного законодательства относятся: принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения и принцип соединения наказания с исправительным воздействием. Названные принципы также закреплены в ст. 8 УИК РФ.

Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения заключается в установлении различных мер принуждения, определения средств исправления осужденных, которые будут достаточны для достижения целей наказания. В этой связи уголовно-исполнительный закон устанавливает различные меры взыскания и поощрения, закрепляет возможность изменения правового положения осужденных (причем как в лучшую сторону, так и в худшую), тем самым демонстрируя осужденному последствия антисоциального поведения и стимулируя правопослушное поведение.

Рациональность применения мер принуждения главным образом заключается, с одной стороны, в минимальности и мягкости репрессии, с другой стороны, в ее достаточности и соразмерности. Каждому виду наказания свойственен свой набор

средств исправления осужденных, применяемых в конкретных условиях исполнения наказания. Рациональность – это достижение поставленной цели с наименьшими затратами и более быстрым способом, при этом однозначно – эффективным. В этом контексте можно говорить о том, что при исправлении осужденных должны быть использованы различные средства, которые в совокупности будут ориентированы на достижение цели уголовного наказания – исправление осужденного¹.

Если говорить об экстремальных обстоятельствах, таких как введение режима чрезвычайной ситуации или чрезвычайного положения, то можно спрогнозировать возникновение трудностей при реализации названного принципа. Например, не представляется возможным организовать обучение осужденных на затопленной территории исправительного учреждения и тем самым использовать при достижении цели исправления такое средство, как получение общего образования или профессиональное обучение.

Стимулирование правопослушного поведения предполагает применение правовых стимулов, которые регулируют изменение условий содержания. Определяющее значение в стимулировании правопослушного поведения имеют поощрительные нормы, улучшающие правовое положение осужденных.

И. В. Шмаров стимулирование правопослушного поведения осужденных выделил в качестве самостоятельного принципа и отметил, что реализуется он, прежде всего, в нормах, поощряющих осужденных к хорошему поведению и добросовестному отношению к труду, в изменении вида исправительного учреждения, в возможности улучшения условий отбывания наказания².

Следует сказать, что проблеме стимулирования правопослушного поведения в настоящее время в науке уголовно-

¹ См.: Бутенко Т. П. Отраслевые принципы уголовно-исполнительного законодательства / Т. П. Бутенко // Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Вып. 68. С. 58.

² См.: Шмаров И. В. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. С. В. Степашина. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Юрист, 1999. С. 62.

исполнительного права уделяется все больше внимания. В связи с этим весьма популярным в теории права является принцип сочетания стимулирования и ограничений. Безусловно, данный принцип выступает стержнем всей воспитательной работы с осужденными. Льготы и поощрения, с одной стороны, и запреты, наказания, с другой, являются мощным регулятором поведения осужденных, потому что воздействуют на их внутреннюю мотивацию.

Принцип соединения наказания с исправительным воздействием также является отраслевым и выражается в том, что наказание должно всегда сопровождаться исправительным воздействием. Если с осужденным не проводить никаких мероприятий – результата в виде исправления не будет. Принцип соединения наказания с исправительным воздействием – это урегулированный нормами уголовно-исполнительного законодательства карательно-воспитательный процесс, который реализуется в период исполнения (отбывания) уголовного наказания посредством применения средств исправления осужденных.

Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ).

В качестве основных средств исправления осужденных УИК РФ определяет установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательную работу, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие (ч. 2 ст. 9 УИК РФ).

В условиях чрезвычайного положения не представляется возможным использовать все средства исправления. Как правило, наиболее активно можно использовать общественно полезный труд осужденных, который будет способствовать ликвидации неблагоприятных последствий, которые явились причиной введения соответствующего режима. Относительно других средств исправления целесообразно говорить о временном приостановлении.

На наш взгляд, при наступлении различных чрезвычайных ситуаций актуальным видится введение межотраслевого института в виде приостановления исполнения всех видов уголовных наказаний, а также создание соответствующей нормативной основы по стимулированию привлечения осужденных к участию в ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, возникла необходимость в рассмотрении вопроса относительно дополнительного регулирования процесса исполнения уголовных наказаний в условиях введения режима чрезвычайного положения, где особым образом следует закрепить реализацию принципов уголовно-исполнительного законодательства в названный период. Предлагаем ранжировать принципы в зависимости от значимости и отражения их в международных актах и отраслях национального законодательства, в связи с чем общеправовые принципы (законность, гуманизм, демократизм) в экстремальных ситуациях действуют без ограничений, а межотраслевые и отраслевые приостанавливают свое действие на период введения режима чрезвычайного положения.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ

§ 2.1. Теоретико-методологические основы модели уголовного наказания в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения

Вопросы надлежащего обеспечения уголовной политики государства в отношении лиц, преступивших закон, являются актуальными. Они не теряют своей значимости в обычных условиях и приобретают особое значение в экстремальных условиях введения чрезвычайного или военного положения, что обусловлено основаниями их введения.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона «О военном положении» военное положение вводится в целях создания условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации. Основания введения военного положения регламентируются ст. 3 данного закона – агрессия против Российской Федерации или непосредственная угроза агрессии, исходящая от вооруженных сил иностранного государства или группы государств. Таким образом, указанный акт регламентирует защиту страны от внешних угроз насильственного характера.

В свою очередь, на основании ст. 1 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» чрезвычайное положение вводится в целях устранения обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя Российской Федерации. Среди оснований его введения ст. 3 закона выделяются:

– попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления;

– чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ.

Содержание указанных оснований введения чрезвычайного положения позволяет говорить о направленности данного закона – защита государства от внутренних угроз насильственного характера, а также природного и техногенного характера.

Данные акты в своей совокупности призваны обеспечить защиту общества и государственных институтов от различного рода экстремальных ситуаций. Условно целями указанных законов можно назвать создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации от внешних и внутренних угроз насильственного характера, а также угроз природного или техногенного характера.

О важности создания надлежащих условий в вышеуказанных сферах свидетельствует отечественный опыт ведения войн и деятельности государства в условиях чрезвычайных ситуаций, когда большинство ресурсов страны и общества должны быть направлены на достижение целей сохранения суверенитета и самой государственности. Между тем внешних и внутрен-

них угроз немало; достаточно вспомнить отечественные войны XX столетия (гражданская война, Великая Отечественная война и пр.) или аварии техногенного характера (например, на Чернобыльской АЭС, на химкомбинате «МАЯК», расположенном в закрытом городе «Челябинск-40» (г. Озерск)) либо природного характера (землетрясение в Армении 1988 года, аномальная жара в России 2010 года и т. п.). Более того, военные специалисты активно обсуждают появление климатического оружия, что будет способствовать смещению оснований введения чрезвычайного и военного положений ввиду сложностей выявления причин таких ситуаций.

Эффективность реализации уголовной политики напрямую влияет на организацию реакции государства в связи с нарушением норм уголовного закона. Государственное воздействие на лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, выражается в применении к ним мер уголовно-правового воздействия на основании уголовного законодательства. Среди таковых мер, по общему признанию, первостепенное значение традиционно уделяется уголовным наказаниям.

Организация применения наказаний при введении военного или чрезвычайного положений должна быть полностью адаптирована к таким экстремальным условиям. Появление угрозы суверенитету, политической независимости и территориальной целостности Российской Федерации, ее конституционному строю, а также внутренней безопасности в целом ставит их сохранность в качестве приоритетных целей. В противном случае при их отсутствии или подрыве становится невозможным нормальная жизнедеятельность всего общества и существование государства в целом и, в частности, осуществление им уголовной политики.

Таким образом, в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, ставящего под угрозу государственность, цели уголовного наказания должны быть подчинены противодействию появившимся угрозам. При этом следует помнить, что цели, возникающие в период таких особых условий, превалируют над иными целями, в том числе достигаемыми при применении уголовных наказаний в «обычное» время. Однако полный отказ от последних также не представляет

ся допустимым; в данном случае возможна и необходима только их корректировка на определенный промежуток времени действия чрезвычайного или военного положений. Такой подход позволит соблюсти требования уголовного законодательства в рассматриваемых особых условиях.

Цель восстановления социальной справедливости в общих чертах представляет из себя некую компенсацию вреда, причиненного преступлением, осуществляемую посредством лишения или ограничения прав виновного, соответствующего тяжести совершенного им деяния и его личности¹. В обычных условиях данная цель достигается путем применения к осужденным правоограничений, не реализуемых в отношении правопослушной части общества. По общему признанию, все наказания в большей или меньшей степени соответствуют условиям достижения данной цели по следующей логике: наказали – восстановили справедливость.

Однако в период действия военного или чрезвычайного положения предусмотрено применение правоограничений в отношении всех лиц, находящихся на соответствующей территории. Такое положение дел может способствовать некоему «размыванию» разницы между правовым положением осужденных, особенно к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, и несудимых лиц, что, по нашему мнению, несправедливо в отношении последних. Может возникнуть вопрос: в чем же тогда состоит наказание, если правоограничения, предусмотренные его содержанием, применяются в отношении всех лиц в рамках введенного особого положения?

Одним из возможных решений данной проблемы является следующее: в данных экстремальных условиях представляется возможным и даже целесообразным применение дополнительных ограничений и лишений к осужденным, особенно к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества.

Цель исправления осужденного достигается изменением у него негативных морально-нравственных качеств с одновременным формированием уважительного отношения к общепри-

¹ См.: Уголовно-правовое воздействие : монография / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог и др. ; под ред. А. И. Рарога. М. : Проспект, 2012. С. 144.

нятым общественным ценностям¹. Ее юридическое значение состоит в недопущении последующего преступного поведения и совершения новых преступлений, а моральное – в позитивном изменении морально-нравственных взглядов осужденного².

Достижение этой цели характеризуется субъективизмом, если вообще возможна оценка результатов ее достижения, тем более в экстремальных условиях.

Так, в условиях введения военного или чрезвычайного положений проведение мероприятий, направленных на исправление осужденных, становится в большой степени затруднительным, что обусловлено множеством факторов как объективного, так и субъективного характера: сложностью передвижения по территории, задействованием сотрудников системы исполнения наказаний в рамках других мероприятий, обусловленных введенным положением, психологическое давление экстремальной ситуации на лиц, в том числе и осужденных, и т. д.

В этом случае реализация подхода о возможности введения дополнительных правоограничений в отношении осужденных приобретает дополнительную актуальность. Они могут быть направлены не только на осуществление контроля, но и на проведение мероприятий по исправлению осужденных. Необходимо помнить, что исправление представляет собой активный процесс фактического его доказывания осужденным, а не пассивного выжидания окончания установленного срока наказания.

Цель предупреждения совершения новых преступлений представлена в виде общей и частной превенции. Если в части первой составляющей ситуация коренным образом не изменяется и реализуется прежними методами, то при введении военного или чрезвычайного положения сама обстановка на территории их введения негативно изменяется, в результате чего проведение мероприятий частной превенции совершения новых преступлений становится затруднительным, в том числе по вышеуказанным причинам.

¹ См.: Уголовное право Российской Федерации. Части Общая и Особенная : учеб. пособ. Владимир : ВИТ-принт, 2013. 2-е изд., испр. и доп. С. 89.

² См.: Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов : СГУ, 1962. С. 41.

Следует помнить, что осужденные представляют особую категорию лиц, нуждающихся в специальном контроле, в связи с этим необходимо ограничить их или даже лишить физической возможности совершения ими новых преступлений, чему будут способствовать, в частности, ограничения в свободе передвижения. К тому же неразбериха, появление которой свойственно экстремальным условиям, будет лишь препятствовать достижению всех целей уголовных наказаний.

Исходя из целей, возникающих в связи с экстремальными условиями, должна формироваться и система уголовных наказаний, имеющая большое уголовно-правовое и иное значение, которое состоит в реализации задач уголовного законодательства, установленных ч. 1 ст. 2 УК РФ, и целей уголовного наказания, закрепленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Однако если в обычных условиях они могут быть реализованы, то экстремальные условия требуют принятия неординарных решений, обуславливающих в том числе функционирование системы уголовных наказаний.

В целом система уголовных наказаний является сложным уголовно-правовым явлением, содержащим уголовные наказания, объединенные связями как между собой, так и с иными правовыми институтами¹. В связи с этим необходимо ее рассмотрение по следующим двум направлениям: перечень видов наказания и их взаимодействие.

В части первого вопроса – перечня уголовных наказаний – следует отметить, что в настоящее время ст. 44 УК РФ предусмотрено 13 видов уголовных наказаний: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы и смертная казнь.

Данные наказания назначаются в большей или меньше степени в практике деятельности судов: за 2017 год лишение свободы

¹ См. подробнее: Звонов А. В. Терминология системы уголовных наказаний: краткий анализ // Бизнес в законе. 2014. № 6. С. 43–46.

на определенный срок назначено в отношении 200,2 тыс. человек, или 28,7 % от 697,2 тыс. всех осужденных, условно с испытательным сроком – 189,9 тыс., что составило уже 27,2 %, обязательные работы – 128,3 тыс. человек, или 18,4 %, штраф как основное наказание – 90,4 тыс., или 13 % осужденных, исправительные работы – 54,8 тыс., или 7,9 %, ограничение свободы – 25,1 тыс., или 3,6 %, иные уголовные наказания применялись крайне редко в структуре судимости (рис. 10).

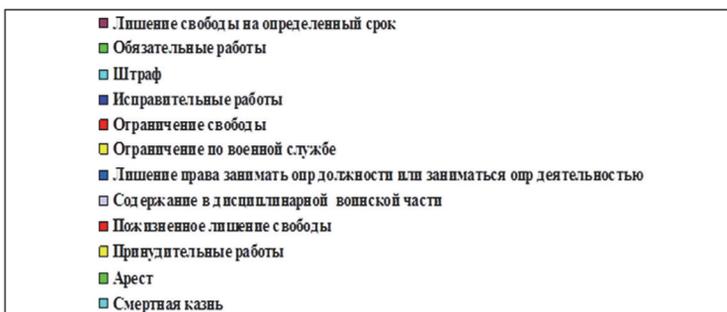
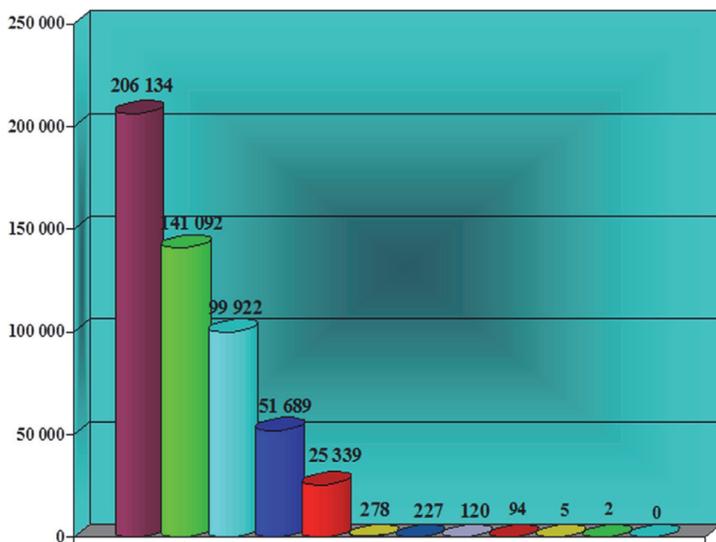

Рисунок 10 – Практика деятельности судов за 2017 г.

Кроме того, из перечня наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, два уголовных наказания не подлежат применению в практической деятельности субъектов правоприменения: арест и смертная казнь.

При этом не стоит забывать и об условном осуждении, которое, не являясь уголовным наказанием, занимает значительную нишу (рис. 11)

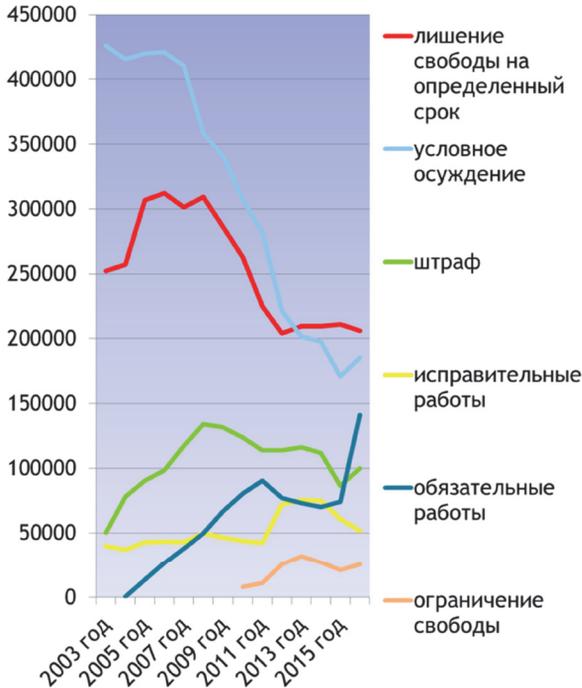

Рисунок 11 – Динамика применения наказаний и условного осуждения

Таким образом, в настоящее время фактически применяются лишь 5 уголовных наказаний из 13 закрепленных в законе, что свойственно отечественной правоприменительной практике последних десятилетий. Такая структура судимости обусловлена множеством факторов объективного характера, т. е. не состоящих в зависимости от волеизъявления субъектов осуществления

политики и находящихся проявление в экономическом потенциале государства, политических и правовых явлениях и факторах, а также в отношениях нравственно-культурного и идеологического содержания; кроме того, имеют место также субъективные факторы, т. е. состоящие в зависимости от волеизъявления субъектов политики, которые проявляются в их потребностях и интересах, а также в правовой идеологии¹.

В обычных условиях развития общественных отношений данные факторы повседневно оказывают свое влияние на функционирование системы уголовных наказаний в рамках поставленных перед уголовным законодательством целей и задач. Однако экстремальные условия способны внести дополнительные существенные коррективы, что обуславливается необходимостью достижения новых целей.

Так, например, изменение системы применения наказаний на практике обусловлено правовыми, политическими и иными факторами, что не представляется возможным без финансовых возможностей государства. В связи с этим влияние экономического фактора является базовым по отношению к остальным. Как нельзя лучше его влияние на систему наказаний в России отражается на примере реализации ареста, отсроченного по причине отсутствия арестных домов и финансирования на их строительство, а также ограничения свободы (нынешних принудительных работ), не применявшихся длительное время по аналогичным причинам, в том числе из-за отсутствия средств дистанционного контроля.

Экономические трудности негативно влияют на жизнеспособность отдельных видов наказаний в обычное время, несмотря на заложенный в них законодателем положительный потенциал. В экстремальных условиях экономические трудности проявляются еще в большей степени, что связано с необходимостью дополнительных затрат на устранение вышеуказанных оснований введения военного и чрезвычайного положений.

¹ См. подробнее: Звонов А. В., Дядькин О. Н. Факторы формирования системы уголовных наказаний в современных условиях: краткий аналитический обзор // Криминол. журн. Байк. гос. ун-та экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 82–89.

В этих целях предусмотрена возможность осуществления целого ряда мероприятий, особенно связанных с обеспечением трудоустройства осужденных (не умаляя значимости других мер):

– привлечение граждан в порядке, установленном Правительством РФ, к выполнению работ для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановлению поврежденных (разрушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, а также к участию в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями;

– мобилизация трудоспособного населения для проведения и обеспечения аварийно-спасательных и других неотложных работ.

В данном случае также наблюдаются дополнительные правоограничения, применяемые в отношении правоупослушной части населения в экстремальных условиях. Кроме указанного, на территории введения военного и чрезвычайного положений в соответствии с указанными федеральными законами от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ и от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ могут быть применены и ряд иных правоограничений, например:

1) меры, применяемые на территории, на которой введено военное положение:

– «усиление охраны общественного порядка и обеспечение общественной безопасности...»;

– «введение и обеспечение особого режима въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезда с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней»;

– «запрещение или ограничение выбора места пребывания либо места жительства»;

– «запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий»;

– «запрещение нахождения граждан на улицах и в иных общественных местах в определенное время суток...»;

– «интернирование (изоляция) в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права граждан иностранного государства, воюющего с Российской Федерацией»;

– «запрещение или ограничение выезда граждан за пределы территории Российской Федерации»;

– и другие.

2) меры и временные ограничения, применяемые при введении чрезвычайного положения:

– «установление ограничений на свободу передвижения по территории...»;

– «усиление охраны общественного порядка...»;

– «запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий»;

– «запрещение забастовок и иных способов приостановления или прекращения деятельности организаций»;

– «ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра»;

– и другие.

Анализ указанных мер позволяет говорить об их существенном объеме, а также некотором совмещении правоограничений, предусмотренных как для осужденных, так и для граждан, не имеющих судимости.

В целом аналогичные обязанности и ограничения в отношении осужденных применяются при назначении ограничения свободы, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ, условного осуждения и других уголовно-правовых мер.

Применение одинаковых правоограничений как в отношении правопослушной части общества на основании указанных нормативных актов и к осужденным – дополнительно по приговору суда, ставит их в одинаковое положение по объему ограничений и лишений. Таким образом, если соотношение правоограничений данных категорий лиц в обычное время достаточно различно, то в экстремальных условиях оно частично выравнивается по отношению к осужденным без изоляции от общества.

В обычных условиях свобода человека ограничивается там, где начинаются законные интересы и свободы другого человека или государства. При осуждении ее пределы сдвигаются, что

также зависит от примененного уголовного наказания. Такие же сдвиги происходят и при введении военного или чрезвычайного положений по отношению ко всему населению, тем самым выравнивая объем правоограничений лиц, не имеющих судимость, относительно осужденных.

Такое положение дел, по нашему убеждению, как минимум, не справедливо по отношению к правопослушным гражданам. Встает вопрос: а в чем же проявляется уголовное наказание, в данном случае не связанное с изоляцией от общества, если все общество вынуждено жить в аналогичных условиях?

На наш взгляд, в обоих возможных условиях обычной и экстремальной жизнедеятельности вопрос стоит в относительности реализуемых ограничений и лишений, которая должна основываться на обычных условиях. Правоограничения, применяемые к осужденным, должны быть большими по объему в сравнении с правопослушной частью общества как в обычных условиях, так и в экстремальных, что будет правильным по отношению к лицам, не преступившим уголовный закон.

Кроме того, экстремальные условия могут породить чувство безнаказанности ввиду ослабления властных государственных структур, а условия военного положения – надежду на смену власти у осужденных, являющихся противниками действующей власти.

Следует учитывать, что представители именно государственных структур, представляющих страну, осуждающих лицо от имени государства, у большей части осужденных вызывают негативные эмоции. Примеры такого поведения можно было наблюдать на территории Чеченской Республики в 90-е годы прошлого столетия, Ливии и Сирии после начала гражданских войн XXI столетия, при которых осужденные зачастую вставали в ряды противников власти и оказывали активное противодействие ей, в том числе вооруженное. Конечно, аналогичное поведение свойственно и при отсутствии военного или чрезвычайного положений, чему примером может служить поведение и действия осужденных на территории Украины после событий 2014 года, но все же в экстремальных условиях они проявляются в обязательном порядке, в связи с чем и интерес к таким

условиям является повышенным. Уже в данном контексте также встает вопрос о необходимости соотношения объема правоограничений правопослушной части общества и осужденных.

В связи с изложенным приходим к выводу о необходимости повышенного внимания к осужденным в экстремальных условиях, что может быть реализовано путем возложения дополнительных правоограничений на данную категорию лиц. Это будет способствовать реализации цели предупреждения противоправного поведения осужденных и их исправления.

В рамках рассмотрения уголовных наказаний также интерес представляет вопрос о целесообразности применения конкретных видов уголовных наказаний при введении режимов военного или чрезвычайного положения под воздействием указанных факторов. В данном случае не оспаривается потребность применения уголовных наказаний вообще, вопрос стоит о применении конкретных их видов.

Необходимость такого вопроса поднимается ввиду экстремальности условий, предполагающих введение существенного дополнительного объема правоограничений по отношению к населению, в том числе к осужденным. Такие условия предполагают сложности реализации некоторых правоограничений, предусмотренных уголовными наказаниями, и потребность государства в широком применении других правоограничений, которые будут способствовать достижению целей введения военного или чрезвычайного положения. В связи с этим приведем высказывание И. М. Гальперина, отмечавшего, что при подборе уголовных наказаний следует учитывать объективную значимость и важность соответствующих благ, а также интересов с позиций большей части общества¹. Данное высказывание актуально как в обычных, так и при экстремальных условиях.

Вообще, в науке уголовного права существует множество подходов к выделению лишений и ограничений осужденных при применении уголовных наказаний. Наиболее оптимальной в аспекте рассматриваемого вопроса является классификация, согласно которой уголовные наказания дифференцируют

¹ См.: Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М. : Юрид. лит., 1983. С. 53.

ся в зависимости от объекта прав и свобод, которыми обладает человек: морально-психологическое воздействие, финансово-имущественные лишения и ограничения, лишения и ограничения в трудовой сфере, ограничение свободы и лишение свободы, лишение жизни человека¹.

Условием отнесения ограничений и лишений при применении конкретных видов уголовных наказаний является весомость таких правоограничений осужденных. Полученные сведения позволяют согласиться с В. Н. Орловым, утверждающим, что для каждого наказания характерна совокупность рассмотренных категорических элементов, определяющих их содержание².

Рассмотрим их с позиций вероятности введения военного или чрезвычайного положений.

1. Морально-психологическое воздействие присуще каждому уголовному наказанию. Как отмечает К. А. Сыч, «наказание, рассматриваемое как социально-правовая категория, несомненно, включает в свое содержание страх как психологическое переживание человека»³. Так, и В. Н. Орлов подчеркивает, что «сам факт осуждения может вызывать у осужденного определенные морально-психологические переживания: угрызения совести, разочарование, раскаяние, сожаление и т. д.»⁴.

Данная составляющая уголовного наказания имеет большое значение, ведь реакция государства и общества на совершенное преступление должна иметь отрицательную оценку совершенного деяния. Однако возведение морально-психологического воздействия в ранг основы в настоящее время не представляется целесообразным.

¹ См. подробнее: Звонов А. В. Система ограничений и лишений, предусмотренных отечественными уголовными наказаниями // Вестн. Рос. правовой акад. 2017. № 2. С. 29–32.

² См.: Орлов В. Н. К вопросу о сущности уголовного наказания // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2006. № 1. С. 93.

³ Сыч К. А. Относительные теории наказания классической школы уголовного права и их востребованность современной доктриной // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4. С. 7.

⁴ Орлов В. Н. Содержание уголовного наказания в виде исправительных работ // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2005. № 4. С. 142.

В связи с этим в целом его применение как основополагающего последствия уголовного наказания не представляется целесообразным в обычных и экстремальных условиях. Такое воздействие, напомним, заложено в основу такого наказания как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, и является основополагающим, другие же наказания включают данное воздействие лишь только в качестве дополнения.

2. Финансово-имущественные лишения и ограничения также в той или иной мере свойственны всем наказаниям. Они заложены в основу лишь одного наказания – штрафа, а другие уголовные наказания включают подобные правоограничения только как дополнение или как следствие их применения.

К указанному наказанию имеются проблемные вопросы, обуславливающие сомнительность закрепления данной меры воздействия в качестве наказания. В первую очередь, они связаны с сомнительностью достижения целей уголовного наказания: если цель восстановления справедливости можно достигнуть лишь самим фактом осуждения, то для достижения других целей требуется более или менее длительный процесс, предполагающий осуществление комплекса мероприятий, нельзя исправить лицо или предупредить совершение новых преступлений одним фактом осуждения.

Как утверждает В. Н. Орлов, цель «исправления» ближе к процессу исполнения наказания¹. В свою очередь, В. И. Зубкова отмечает важность стадии непосредственного исполнения уголовного наказания, процесса его отбывания, в течение которого осужденный претерпевает воздействие наказания через ограничения и лишения прав и свобод². Кстати, В. Н. Орлов к признакам уголовного наказания относит и «порядок и условия применения (назначения и исполнения) и отбывания»³, что актуализиру-

¹ См.: Орлов В. Н. О некоторых целях уголовного наказания // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2007. № 2. С. 88.

² См.: Зубкова В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М. : Издательство НОРМА, 2002. С. 30-31.

³ Орлов В. Н. О понятии уголовного наказания // Человек: преступление и наказание. 2009. № 4. С. 27–28; Орлов В. Н. Применение и отбывание уголовного наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 62.

ет поднятый вопрос. Важность учета целей исправления и предупреждения совершения осужденным новых преступлений отмечают и другие ученые: А. А. Арямов и И. С. Ной отмечают эти цели в качестве признака уголовного наказания¹; Т. Ю. Погосян подчеркивает широкое содержание уголовного наказания, включающее не только кару, но и указанные исправительные и предупредительные его аспекты²; Д. А. Шестаков предлагает понимать под сущностью уголовного наказания именно предупредительное воздействие, а под его содержанием – суровость условий наказания, которые опять же способствуют предупреждению совершения новых преступлений³ и т. д.

Представленные позиции позволяют говорить о том, что уголовное наказание не может быть одномоментным, оно должно происходить на протяжении определенного времени, в течение которого и достигаются цели наказания.

В этом случае ценность штрафа как вида уголовного наказания, применяемого в качестве основного, ставится под сомнение и в обычное время. Более того, в условиях экстремального положения его значение дополнительно обесценивается ввиду усложняющейся экономической обстановки в стране, связанной с протеканием инфляционных процессов (военное или чрезвычайное положение всегда влечет рост инфляции) и уменьшением реальной денежной массы у населения.

Изложенное позволяет говорить о нецелесообразности назначения уголовных наказаний, предусматривающих финансово-имущественные правоограничения в качестве основы меры воздействия, в условиях чрезвычайного и военного положения, что в рассматриваемом случае относится к штрафу.

¹ См.: Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов : СГУ, 1962. С. 55 (156); Арямов А. А. Общетеоретические основы учения об уголовном наказании : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 21.

² См.: Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. С. 439.

³ См.: Уголовное право на современном этапе: Проблемы преступления и наказания / Беляев Н. А., Глистин В. К., Орехов В. В. и др. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992. С. 471.

3. Лишения и ограничения в трудовой сфере лежат в основе таких наказаний, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (предполагающее соответствующий запрет), ограничение по военной службе (предусматривающее «замирание» карьерного роста военнослужащего), а также обязательные и исправительные работы (предполагающие необходимость осуществления таковых на разных условиях). Условно их можно дополнительно дифференцировать на пассивные, предполагающие соответствующий запрет, и активные, предусматривающие осуществление принудительной трудовой деятельности.

Целесообразность применения активной части данных наказаний даже не может подвергаться сомнению. Потребность государства в рабочей силе в период экстремальных условий очень высока, низкоквалифицированную часть ее можно было бы компенсировать за счет данной категории осужденных.

В свою очередь, указанные пассивные наказания имеют как плюсы, так и минусы в условиях военного или чрезвычайного положения. Так, например, неудачным видится не запретить правонарушителю-военнослужащему карьерный рост, предполагающий повышение в должности и звании после совершения преступления, особенно в экстремальных условиях. В свою очередь, условия военного положения предполагают возможную замену личного состава в связи с боевыми потерями, что предполагает необходимость смены командного состава, в условиях чего данный вид наказания может помешать повышению в должности квалифицированных кадров надлежащего уровня. Аналогично и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может иметь как ограничения, имеющие смысл в условиях военного и чрезвычайного положения, так и не имеющие такового на фоне необходимости мобилизации людских ресурсов для осуществления различного рода работ. В связи с этим мы не можем дать им ни отрицательной, ни положительной оценки в экстремальных условиях.

В целом же применение в практической деятельности уголовных наказаний, в своей основе предусматривающих право-

ограничения в трудовой сфере, являются весьма перспективными при введении режимов военного или чрезвычайного положения, что, в первую очередь, относится к наказаниям, предусматривающим привлечение к принудительному труду осужденных.

4. Ограничение свободы и лишение свободы предусматривают необходимость территориального нахождения осужденного в определенном месте в определенное время.

Если в отношении наказаний, связанных с изоляцией от общества, вопросов не возникает, как правило, они всегда востребованы, несмотря на критику в их отношении как наказаний, способствующих во многом дальнейшей криминальной деформации личности, то относительно ограничения свободы как вида уголовного наказания могут возникать вопросы в части достижения целей введения военного или чрезвычайного положения.

Уголовное наказание в виде ограничения свободы не предполагает возможности привлечения осужденных к труду по сравнению, например, с условным осуждением; оно направлено лишь на ограничение прав и свобод осужденного, в первую очередь права находиться в определенное время в определенном месте¹. Более того, ограничения могут препятствовать привлечению лица в рамках решения задач экстремальных условий, например, к проведению работ за пределами муниципального образования. Таким образом, правопослушная часть общества может быть поставлена в неравные условия в сравнении с осужденными лицами.

В связи с изложенным назначение ограничения свободы и его реализация в экстремальных условиях признаются как несоответствующие целям введения военного или чрезвычайного положения.

Однако опыт применения данного наказания весьма интересен в части ограничения передвижения осужденных. На наш взгляд, он должен быть реализован при введении дополнительных правоограничений к осужденным без изоляции от общества в период экстремальных условий.

¹ См. подробнее: Звонов А. В. Соотношение условного осуждения и наказаний, альтернативных изоляции от общества // Юрид. наука и правоохранит. практика. 2016. № 4. С. 106–111.

Дополним, что в соответствии с ч. 1 ст. 103 УИК РФ осужденные к лишению свободы обязаны трудиться, что предполагает возможность привлечения их к выполнению работ для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановлению поврежденных или разрушенных объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, а также к участию в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями, проведению и обеспечению аварийно-спасательных и других неотложных работ с учетом соблюдения режимных требований.

5. Еще одно правоограничение – лишение жизни человека, реализуется в виде смертной казни, не применяемой в России продолжительное время в связи с подписанием Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако содержание все того же протокола предполагает исполнение данного наказания в случае совершения специально указанных в национальном законодательстве преступлений во время войны или при неизбежной угрозе войны.

Учитывая отечественный опыт ведения войн и указание в международных документах на возможность применения смертной казни, считаем, что данный вид наказания может быть весьма востребованным в условиях военного положения.

Таким образом, реализация всех видов правоограничений, закрепленных в действующей системе уголовных наказаний, является нелогичной в экстремальных условиях. Для достижения целей введения военного и чрезвычайного положения целесообразным было бы применение наказаний, в основе которых заложены законодателем правоограничения в трудовой сфере, а также в виде лишения свободы. Применение иных наказаний не будет способствовать решению наиболее важных задач государства, а, следовательно, следует признать их назначение нецелесообразным с позиций достижения целей введения военного и чрезвычайного положения.

Подводя итоги рассмотрения уголовного наказания в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, мы можем сделать ряд наиболее важных выводов.

Во-первых, считаем целесообразным в условиях военного или чрезвычайного положения введение дополнительных правоограничений, предусмотренных для осужденных. Это обусловлено необходимостью как усиления контроля за данной категорией лиц, так и обозначения разделения правового статуса осужденных и правопослушной части общества, размываемого введением правоограничений, обусловленных экстремальными условиями.

Во-вторых, полученные результаты позволяют говорить и о целесообразности применения в экстремальных условиях лишь некоторых уголовных наказаний, способствующих достижению соответствующих целей, среди которых обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы. Кроме того, представляется необходимым реанимировать назначение смертной казни, возможность чего соответствует международно-правовым обязательствам России.

§ 2.2. Экстремальные условия как фактор, определяющий развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства

Одним из актуальных вопросов в настоящее время как в теории права, так и в отраслевых юридических науках является вопрос анализа всевозможных причин и условий, определяющих развитие и функционирование системы права. Применяя факторный подход к оценке правовых явлений, можно выявить сущность права, повысить эффективность правотворчества и, в конечном счете, реализации правовых норм.

Факторный подход в гораздо большей степени анализируется в трудах ученых по философии и общей теории права. В то же время идеи детерминизма все чаще звучат и в отраслевых юридических науках, поскольку исследование системы отрасли права на этой методологической основе способствует познанию ее внутреннего содержания, образующих ее структурных элемен-

тов, их взаимосвязи и взаимозависимости, выявлению внутренних противоречий и, следовательно, созданию условий для эффективной модернизации конкретной отрасли права.

Уголовно-исполнительная политика представляет собой основу, на которой формируется и развивается уголовно-исполнительное законодательство (далее в этом параграфе – УИЗ), а также осуществляется практическая деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера. При этом уголовно-исполнительная политика является частью общегосударственной, а также уголовной политики, что дает основание говорить о многообразии определяющих ее формирование и развитие факторов, проявляющихся на различных уровнях. Еще Н. Д. Сергеевский отмечал, что «установление и организация карательных мер по содержанию, а равно определение размеров за отдельные преступления слагаются весьма различно в исторической жизни народов, подчиняясь влиянию многочисленных и многообразных факторов или условий – политических, этических и экономических. Сообразно этим условиям, каждая из эпох вырабатывает свои наказания, которые для другой эпохи оказываются неудовлетворительными, несостоятельными или даже невозможными»¹.

Современные процессы, происходящие в сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, позволяют с высокой долей уверенности предполагать, что применение факторного подхода крайне необходимо и в рассматриваемой отрасли права и законодательства.

Принимая во внимание современные реалии как в правовом регулировании, так и в практической реализации исполнения уголовных наказаний, напрашивается вывод о том, что большинство изменений, принятых государством в рассматриваемой сфере, проводятся без надлежащего учета существующей системы факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и УИЗ.

В результате с достаточно высокой долей вероятности можно сделать следующие выводы:

¹ См.: Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб. : типография Министерства путей сообщения, 1887. С. 3.

- а) развитие УИЗ проходит хаотично и без учета всех имеющихся факторов;
- б) требуется внесение существенных изменений в действующее УИЗ в целом и в УИК РФ в частности;
- в) внесение изменений в УИЗ должно проходить с учетом существующей системы факторов.

Полагаем, что система факторов, влияющих на развитие уголовно-исполнительной политики и УИЗ, заслуживает гораздо большего внимания по следующим причинам.

Во-первых, любые изменения в УИЗ, как, впрочем, и в любом другом, происходят под влиянием тех или иных факторов. Следовательно, комплексный системный анализ данных факторов позволит выявить закономерности, причины, особенности и недостатки развития действующего УИЗ и, в конечном итоге, повысить эффективность исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Во-вторых, факторы воздействуют не только на уголовно-исполнительную политику, но и, в конечном счете, на УИЗ, которое является частью (главной формой выражения) уголовно-исполнительной политики. При этом факторы воздействуют на разные стадии уголовно-исполнительной политики. На наш взгляд, для более эффективного анализа необходимо рассматривать влияние факторов в комплексе. То есть необходимо рассматривать весь механизм влияния – начиная от формирования уголовно-исполнительной политики и заканчивая ее реализацией.

В-третьих, простое сведение всех факторов только к их отдельным видам в корне не верно, так как упрощает существующую систему и не позволяет получить должного эффекта от ее анализа. Совокупность этих факторов образует определенную разветвленную систему.

В-четвертых, система факторов оказывает принципиальное влияние на принятие решений в уголовно-исполнительной сфере. В результате принятие тех или иных правовых новелл без учета существующих в настоящий момент факторов, может привести к негативным последствиям. И наоборот, решения, принятые с учетом всех имеющихся факторов, приводят к по-

вышению эффективности в сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

В-пятых, научное познание общественных явлений и процессов возможно с различных позиций. Реализация факторного подхода к формированию уголовно-исполнительной политики и УИЗ позволяет решить комплекс задач, значимых для определения основных направлений совершенствования деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Все факторы находятся в постоянном взаимодействии друг с другом и оказывают взаимное влияние. Например, внешняя политика учитывает общественное мнение, внутренняя – соотносится с состоянием экономики государства, духовное развитие общества находится под воздействием всех факторов и т. д.

Приведенные выше доводы позволяют утверждать о существовании системы факторов – совокупности групп факторов, которые, в свою очередь, состоят из отдельных факторов и оказывают взаимное влияние друг на друга.

Под фактором, определяющим развитие уголовно-исполнительной политики и УИЗ, следует понимать объективное или субъективное событие или обстоятельство, вследствие влияния которого уголовно-исполнительная политика и (или) УИЗ либо изменяются, либо остаются без изменений.

Данное определение носит достаточно общий характер, чтобы уяснить особенности тех или иных факторов, а также определить степень их значения и взаимосвязь, необходимо провести классификацию факторов. И так, на наш взгляд, все многообразие факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и законодательства, можно разделить в зависимости от:

1) происхождения источника влияния на:

а) объективные (климатический, масштаб территории, деятельность международных неправительственных организаций и др.) и субъективные (уголовная политика государства, общественное мнение, нравственное состояние общества и др.),

б) внутренние (состояние экономики, наука, образование и др.) и внешние (экономические и политические санкции, меж-

дународные стандарты обращения с осужденными, правоприменительная практика международных организаций и др.);

2) механизма их воздействия, позволяющего выделить факторы, оказывающие прямое (уголовная политика, уголовно-исполнительная наука, судебная практика, состояние экономики и др.) или косвенное (политические и экономические санкции, духовное состояние общества, уровень образования граждан и др.) влияние;

3) значимости для исследуемых процессов и явлений, дающей основание различать основные и второстепенные факторы. По данному критерию факторы можно разделить в зависимости от конкретной ситуации. Например, на норму, предусматривающую, что осужденные к лишению свободы, как правило, должны отбывать наказание по месту жительства, оказывают основное влияние такие факторы, как общественное мнение, международные стандарты обращения с осужденными, структура территории, масштаб территории и др., а второстепенное влияние – уровень жизни населения, политический режим, демографический фактор и др.;

4) конечного результата воздействия на уголовно-исполнительную политику и УИЗ, позволяющего выделить позитивные (улучшение состояния экономики, повышение уровня образования населения и др.) или негативные (ухудшение состояния экономики, ухудшение уровня образования населения, санкции и др.) факторы. Кроме того, по данному критерию можно выделить факторы-катализаторы и факторы-ингибиторы. Факторы-катализаторы способствуют внесению изменений в уголовно-исполнительную политику и УИЗ (например, климатический фактор и фактор структуры территории способствуют внесению изменений в нормы вещевого довольствия и питания осужденных в зависимости от климата и региона в месте отбывания наказания). Факторы-ингибиторы, наоборот, препятствуют внесению изменений в уголовно-исполнительную политику и УИЗ (например, состояние экономики государства препятствует полноценной реализации таких уголовных наказаний, как арест и принудительные работы, а также внедрению тюремной системы отбывания лишения свободы). При этом надо пони-

мать, что в разные периоды времени один и тот же фактор может быть и катализатором, и ингибитором (например, состояние экономики в зависимости от ее развития, может как способствовать внесению изменений в уголовно-исполнительную политику и УИЗ, так и препятствовать им). В свою очередь, факторы-катализаторы можно еще разделить на три вида: факторы, влияющие на отмену нормы (например, отмена нормы, предусматривавшей, что питание неработающих осужденных во время их содержания в штрафном изоляторе осуществляется по пониженным нормам); факторы, влияющие на изменение нормы (например, изменение порядка обращения с ходатайством об условно-досрочном освобождении осужденного к лишению свободы) и факторы, влияющие на появление новых норм (например, норма, предусматривающая возможность применения к осужденным к ограничению свободы электронных средств контроля);

5) продолжительности воздействия, дающей основания выделять постоянно действующие (состояние рынка труда, правовые факторы, нравственное состояние общества и др.) и временные факторы (войны, локальные конфликты, санкции и др.);

б) особенностей системных связей между ними, дающих основания различать:

а) общие (форма правления, политический режим, уровень образования населения и др.) и специфические (судебная практика, лоббизм, юридико-технические факторы и др.),

б) первичные (уровень образования населения в целом) и вторичные (производные) (уровень образования осужденных) факторы;

7) формы проявления: факторы-обстоятельства (масштаб территории, международные стандарты обращения с осужденными, природноресурсные факторы и др.) и факторы-события (изменение политического режима, формы государственного устройства, санкции, война и др.);

8) направленности влияния на ту или иную стадию уголовно-исполнительной политики: факторы, влияющие на формирование, установление или реализацию уголовно-исполнительной политики;

9) сферы проявления, позволяющей выделить экономические (состояние экономики, уровень жизни населения, структура территории и др.), политические (политическая система государства, политический режим, партийная система государства, деятельность международных неправительственных организаций и др.), социальные (демографическая ситуация, наука, образование, преступность и др.) и духовные (нравственное состояние общества, религиозное воздействие, правосознание и др.) факторы.

Одной из разновидностей факторов, оказывающих влияние на уголовно-исполнительную политику и УИЗ, являются так называемые экстремальные условия – группа факторов, которые могут проявляться в самых разнообразных формах – начиная от пожаров и наводнений и заканчивая, например, локальными войнами и конфликтами.

Данные факторы могут быть как объективными (природные пожары, наводнения), так и субъективными (поджоги, локальные войны); внутренними (групповые неповиновения осужденных) и внешними (войны); оказывающими прямое или косвенное влияние. В то же время не может быть позитивных факторов среди экстремальных условий, а также постоянно действующих и факторов-обстоятельств.

Полагаем возможным разделить экстремальные условия на две большие группы: природные факторы и субъективные факторы.

Природные факторы. Принимая во внимание, что природно-климатические условия формируют внешнюю среду функционирования исправительных учреждений, их необходимо учитывать при реализации мер, направленных на обеспечение безопасного существования исправительных учреждений, предупреждение и ликвидацию ситуаций, угрожающих жизни и здоровью сотрудников исправительных учреждений, осужденных, а также их имуществу. Чрезвычайные ситуации природного характера, к которым традиционно относят землетрясения, извержения вулканов, наводнения и цунами, ураганы и смерчи, сильные и продолжительные дожди (ливни), снегопады, метели, морозы, засухи, обвалы, лавины, оползни, сели и природные пожары, своеобразно отражаются на организации управления

деятельностью исправительных учреждений, осуществление которого связано: с необходимостью соблюдения режимных ограничений; особой планировкой их производственно-жилого комплекса, вызванной необходимостью изоляции осужденных; возможностью осложнения оперативной обстановки и возникновения массовых противоправных действий с их стороны; ограниченными возможностями проведения аварийно-спасательных работ силами, не входящими в систему ФСИН России, а также сложностью проведения эвакуации осужденных из исправительных учреждений при возникновении такой необходимости и т. п.¹

Очевидно, что среди факторов природного характера особо угрожающими выглядят наводнения и пожары.

Ежегодно в зону подтопления попадают десятки учреждений и объектов УИС. Не меньшую угрозу создают и лесные пожары, которые среди чрезвычайных ситуаций природного характера получили наибольшее распространение, поскольку многие учреждения УИС изначально размещаются вблизи лесных массивов. Гораздо реже угрозу безопасности исправительным учреждениям создают землетрясения. Так, в результате землетрясения силой 9 баллов по шкале Рихтера, произошедшего в период с 18 ч 45 мин 27 сентября 2003 г. до 4 ч 28 сентября 2003 года в Республике Алтай, пострадали подразделения ФСИН России, находившиеся на этой территории². При этом даже незначительное число пострадавших в исправительном учреждении способно привести к перерастанию чрезвычайной ситуации в региональную, если эвакуация осуществляется в подразделения УИС нескольких субъектов Федерации. Указанные обстоятельства требуют, с одной стороны, своевременной разработки противопаводковых, противопожарных и т. п. ме-

¹ См.: Руденко А. С. Организация и правовые основы функционирования исправительных учреждений при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 10.

² См.: Действия персонала уголовно-исполнительной системы в чрезвычайных ситуациях : учебник / науч. ред. Б. Б. Казак, А. М. Киселев. Рязань, 2005. С. 61.

роприятий, включая подготовку резервных источников электроснабжения, создание запасов продуктов питания, товарно-материальных ценностей, горюче-смазочных материалов, разработку планов эвакуации, с другой – учета данных факторов при планировании размещения новых объектов УИС.

Комплексный подход к решению данной проблемы позволяет осуществить Положение об организации и ведении гражданской обороны в Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное приказом ФСИН России № 491 от 25 сентября 2014 года, а также организационно-методические указания по подготовке учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в области гражданской обороны, защиты от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности на 2011–2015 годы (исх. ФСИН России от 18.05.2011 № 4-9196-01).

Субъективные факторы. Можно выделить субъективные факторы, влияние которых прослеживается в зависимости от складывающихся условий в тот или иной период времени. К таким факторам, по нашему мнению, относятся: войны, локальные международные конфликты, поджоги.

В целом данные факторы крайне негативно влияют практически на все сферы деятельности государства, в том числе и на уголовно-исполнительную, так как приводят к ограничениям по многим направлениям, связанным с исполнением уголовных наказаний.

Кроме того, к субъективным факторам возможно отнести случаи оказания осужденными сопротивления персоналу исправительных учреждений, злостное неповиновение законным требованиям персонала, проявление буйства, участие в массовых беспорядках, захват заложников, нападение на граждан или совершение иных общественно опасных действий, а также побегов осужденных.

Данные факторы привели к появлению в УИК РФ таких норм, как «режим особых условий в исправительных учреждениях» (ст. 85) и «меры безопасности и основания их применения» (ст. 86). Кроме того, эти факторы косвенно повлияли на появление такой нормы, как установление запрета для осужденных к лишению свободы на получение, приобретение, хра-

нение и распространение изданий, пропагандирующих войну, разжигание национальной и религиозной вражды, культ насилия или жестокости, изданий порнографического характера, а также подписка на них (ч. 2 ст. 95 УИК РФ).

Наиболее радикально уголовно-исполнительная политика и законодательство меняются в том случае, если государство находится в состоянии войны. В результате такие принципы УИЗ, как гуманизм, законность, равенство осужденных перед законом и другие зачастую отходят на второй план, а на первый план выходит достижение основной цели – победа в войне.

Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 года «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений» из мест лишения свободы были досрочно освобождены определенные категории заключённых с направлением их в Красную Армию. Также в качестве примера можно привести Постановление СНК СССР от 15 июня 1943 года «Об усилении борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», в соответствии с которым в закрытые колонии с особым режимом помещались несовершеннолетние в возрасте до 16 лет, совершившие незначительные по степени вины преступления, за которые возбуждать уголовное дело в условиях Великой Отечественной войны считалось нецелесообразным¹.

В качестве наиболее негативного влияния войны на уголовно-исполнительную политику можно привести примеры с расстрелом части заключенных при эвакуации из прифронтовых территорий в 1941 году. Только в тюрьмах Львовской области было расстреляно 2464 человека².

¹ См.: Михеенков Е. Г. Историко-правовые аспекты отбывания лишения свободы несовершеннолетними преступниками в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1935–1945 гг.) // Уголовно-исполнительная система в годы Великой Отечественной войны : сборник материалов научно-практической конференции, посвящённой 68-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (г. Новокузнецк, 26 апреля 2013 г.). Новокузнецк : ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2013. С. 55.

² См., например: Луканин В. В. Система мест лишения свободы СССР в годы Второй мировой войны : монография / под общ. ред. Н. И. Полищука. Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2015. С. 43.

В меньшей степени, хотя также негативно, на проводимой государством уголовно-исполнительной политике сказываются и локальные международные конфликты. Например, это может привести к ограничению некоторых прав осужденных, переполненности исправительных учреждений и следственных изоляторов, находящихся в районе конфликта.

Достаточно существенно, хотя и опосредовано, влияют на уголовно-исполнительную политику и законодательство такие факторы, как внешнеполитические кризисы, санкции. Весьма показательна ситуация, связанная с обострением межгосударственных отношений России с западными странами, вызванная конфликтом на Украине. В результате снижается уровень межгосударственного сотрудничества, участие России в некоторых международных организациях приостанавливается (например, Россия была лишена значительной части своих полномочий в рамках работы ПАСЕ в конце 2014 года и после этого отказалась участвовать в ее заседаниях).

В свете данных политических событий сокращаются контакты в различных межгосударственных сферах, в том числе и представителей пенитенциарных служб государств.

Ограничиваются также полномочия международных правозащитных институтов. Так, в частности, в России могут снизиться полномочия Европейского Суда по правам человека в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года № 21-П¹.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

Таким образом, экстремальные условия хоть и не являются ключевым фактором, определяющим развитие уголовно-исполнительной политики и УИЗ, но в то же время могут оказать существенное влияние на проводимую государством политику в сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

§ 2.3. Стихийное бедствие, чрезвычайное и военное положение как основания введения режима особых условий в исправительных учреждениях

Режим особых условий в ИУ вводится по различным основаниям, которые, с одной стороны, частично дублируют друг друга, с другой – представляют собой кардинально отличающиеся события и явления, существенно влияющие на нормальное функционирование УИС.

Актуальность рассмотрения заявленной проблемы обусловлена рядом значимых факторов.

Во-первых, отсутствием нормативного определения режима особых условий в ИУ.

Во-вторых, имеет место неразработанность теоретических положений, определяющих порядок его реализации.

В-третьих, очевидно постоянно увеличивающееся количество стихийных бедствий и чрезвычайных положений как на территории Российской Федерации, так и в сопредельных государствах, а также иные внутренние и внешние угрозы (экстремизм, терроризм и т. д.).

В-четвертых, налицо потребность создания специализированных нормативных правовых актов, закрепляющих особенности исполнения наказаний в такие периоды.

Разрешение поставленных проблем возможно путем проведения исследования доктрины, а также федерального и ведомственного законодательства в целях выработки предложений по установлению четких условий деятельности учреждений УИС при стихийных бедствиях, введении чрезвычайного или военного положения.

В настоящее время в науке не сформировано общего подхода к содержанию режима особых условий, его отождествляют с процессами техногенного, природного, социального характера, порождающими введение специфического режима функционирования государственных и иных органов¹.

Нормативно-правовой базис в рассматриваемом вопросе представляет собой система нормативных правовых актов федерального уровня: Конституция РФ, Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее в данном параграфе – Закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»), Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» (далее в данном параграфе – Закон «О чрезвычайном положении»); Федеральный конституционный закон «О военном положении» (далее в данном параграфе – Закон «О военном положении»); Уголовно-исполнительный кодекс РФ и т. д.

Установление режима особых условий в ИУ регламентировано ст. 85 УИК РФ. В императивной форме данная норма определяет основания введения режима особых условий в ИУ, к которым отнесены случаи:

- стихийного бедствия;
- введения в районе расположения ИУ чрезвычайного положения;
- введения в районе расположения ИУ военного положения;
- массовых беспорядков;
- групповых неповиновений осужденных в ИУ.

В данной работе остановимся на исследовании первых трех условий, относящихся к внешним факторам введения особых условий в ИУ.

Первым основанием является стихийное бедствие, являющееся частной разновидностью чрезвычайной ситуации. В соот-

¹ См.: Максимов В. А. Применение специальной техники в деятельности уголовно-исполнительной системы по предупреждению и пресечению чрезвычайных происшествий. М., 1989. С. 17; Громов М. А. Правовые основы обеспечения деятельности органов внутренних дел в особых условиях. М., 1988. С. 3.

ветствии с Законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» ликвидация стихийных бедствий осуществляется органами государственной власти, на территориях которых сложилась чрезвычайная ситуация, в их состав в том числе входит и уголовно-исполнительная система¹.

Введение чрезвычайной ситуации, что регламентировано ст. ст. 56 и 88 Конституции РФ, дает право Президенту России вводить на данных территориях режим чрезвычайного положения, что также является одним из условий введения в ИУ режима особых условий. Поэтому в качестве основания введения режима особых условий в ИУ должно выступать не только стихийное бедствие, но и любая иная чрезвычайная ситуация техногенного или природного характера.

При дальнейшем рассмотрении данной проблемы считаем методологически обоснованным остановиться на понятийном инструментарии, определяющем базис рассматриваемой статьи: «чрезвычайное положение», «военное положение», «режим особых условий», «безопасность», «терроризм». По их содержанию в настоящее время не сформировано единой точки зрения, а от этого зависит обеспечение прав и законных интересов осужденных при режиме особых условий².

Конституционно-правовой основой для введения чрезвычайного положения является ст. 56 Конституции РФ. Главной идеей данной конституционной нормы является обеспечение безопасности граждан и защиты конституционного строя.

Безопасность как юридико-технический феномен представляет собой достаточно сложную категорию.

¹ См.: Упоров А. Г. Сущность режима особых условий и основания его введения в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы научно-практической конференции / ответственный редактор А. Г. Антонов. Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2015. С. 27–37.

² См.: Кулешов М. А. Режим особых условий в исправительном учреждении: основные понятия // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2 (93). С. 82–85.

Идея безопасности является одним из центральных звеньев устойчивого развития любого государства, то есть такого развития, которое не ставит под угрозу будущие поколения в рамках удовлетворения своих потребностей.

Причем вышеизложенная идея признана центральным звеном в рамках развития всего мирового сообщества, о чем свидетельствуют постоянные упоминания о ней в принимаемых на международном уровне документах: Декларации ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 1963 года; Декларации ООН о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами от 1965 года и т. д.

Учитывая, что обеспечение безопасности является одним из инструментов организации нормального функционирования Российской Федерации, на что постоянно указывает в своих выступлениях лидер нашей страны ¹, считаем необходимым акцентировать внимание на существующих законодательных и доктринальных подходах, раскрывающих ее содержание, предназначение и сущность.

Так, Федеральный закон «О безопасности», являющийся профильным в этой области, не закрепляет дефиниции «безопасность», что, с нашей точки зрения, является существенным пробелом рассматриваемого нормативно-правового акта. Однако в рамках данного закона была предпринята попытка определения спектра общественных отношений, являющихся составной частью безопасности государства в целом.

В соответствии со ст. 1 рассматриваемого Федерального закона, к таковым относятся общественные отношения, непосредственно направленные на обеспечение безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности и безопасности личности.

Анализируемая статья содержит в себе ряд специфических особенностей. Так, указывая на наиболее значимые виды безо-

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>.

пасности, законодатель при этом не определяет их исчерпывающего перечня, указывая на возможное наличие и иных ее видов.

Реализация данного приема, по нашему мнению, может быть оценена не однозначно. С одной стороны, наличие открытого перечня может способствовать более качественному обеспечению безопасности государства в целом, с другой стороны, это также может свидетельствовать о неосознанности в полном объеме содержания безопасности, к чему и склоняется автор.

В то же время предшествующий Федеральный закон от 5.03.1992 № 2464-1 «О безопасности» в ст. 1 определял безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Считаем это существенным достижением данного Федерального закона, определившего две конструктивные особенности безопасности в целом: во-первых, на нормативном уровне было закреплено, что безопасность – это состояние, статически меняющееся в зависимости от влияния внешних и внутренних факторов, и, во-вторых, был определен круг общественных отношений, определяющих состояние безопасности.

Однако пришедший на смену Федеральный закон № 390-ФЗ от 28.12.2010 «О безопасности» не закрепил схожую дефиницию, лишь предлагая использовать как взаимозаменяемые термины «безопасность» и «национальная безопасность». На основании вышеизложенного для определения критериев «безопасности» считаем целесообразным обратиться к Указу Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

Данный Указ также не закрепил понятия «национальная безопасность», при этом указав лишь на основные направления обеспечения национальной безопасности РФ. В соответствии с п. 2 Общих положений рассматриваемой Стратегии, «основными направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются стратегические национальные приоритеты, которыми определяются задачи важнейших социальных, политических и экономических преобразований

для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства».

Доктринальные подходы, существующие в современном научном пространстве, к определению национальной безопасности также не однозначны.

Полагаем, что для определения концептуальных признаков исследуемой дефиниции, в первую очередь, целесообразно обратиться к этимологии этого понятия.

В соответствии с этимологическим значением термина «безопасность», он включает в себя надежность, сохранность ¹, что, с нашей точки зрения, и должно отражать сущность современной национальной безопасности, в первую очередь, выражающуюся в надежности инструментов, ее обеспечивающих и направленных на сохранность уже существующих национальных достижений в наиболее значимых областях деятельности общества и государства.

В доктрине, как и в существовавших или существующих законодательных подходах, также нет единого мнения о содержании рассматриваемого понятия.

Основная масса ученых, предлагающих авторские дефиниции безопасности, в качестве основной концептуальной особенности исследуемого явления рассматривают ее как статическое состояние, при этом беря за основу понятие, ранее закрепленное в Федеральном законе № 2464-1 от 05.03.1992 «О безопасности».

Так, Н. Д. Казаков определяет безопасность как деятельность по защите от внешних и внутренних угроз, направленная на создание условий для стабильного сосуществования общества и государства. При этом автор отмечает, что критерием, определяющим эффективность обеспечения безопасности, является ее динамически устойчивое состояние ².

¹ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1. С. 67.

² См.: Казаков Н. Д. Безопасность синергетика (опыт философского осмысления) // Безопасность. 1994. № 4 (20). С. 62–63.

Полагаем, что данная дефиниция заслуживает внимания в связи с тем, что автор рассматривает безопасность не только как осуществляемую деятельность, но и как определенное состояние. При этом придание безопасности динамике указывает на потребность постоянного мониторинга этого состояния в целях незамедлительного и эффективного реагирования на существующие и вновь возникающие угрозы.

По мнению О. А. Белькова, являющегося также представителем данной концепции, безопасность – состояние развития общества, при котором обеспечивается сохранность его нормального функционирования¹. Размытость границ, в рамках которых осуществляется обеспечение безопасности, с нашей точки зрения, является недостатком предлагаемой дефиниции.

Однако ряд ученых высказывают иные, отличные от общепринятого подходы к определению безопасности. Так, например, Л. И. Шершенев считает, что ключевой особенностью национальной безопасности, выражающейся в целях, жизненно важных интересах и основных ценностях России, должен выступать человек как элемент ноосферного устройства².

Полагаем, что предлагаемая дефиниция слишком широко определяет содержание национальной безопасности, используя при этом словосочетание «жизненно важные», что непосредственно не отражает ее критериев.

Признавая безопасность как определенное состояние, считаем, что немаловажным при ее определении является установление объектов безопасности, чему в рамках проанализированных дефиниций не уделялось особого внимания, что еще раз подтверждает их частичную несостоятельность.

Например, В. П. Малков характеризует безопасность как отсутствие для общества опасности и непосредственно указывает на то, что объектом ее обеспечения является исключительно

¹ См.: Бельков О. А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность. 1994. № 3. С. 91.

² См.: Шершенев Л. И. Безопасность: государственные и общественные устои // Безопасность. 1994. № 4. С. 12–13.

только общество¹. Признавая и не оспаривая при этом особую роль общества в рамках обеспечения безопасности, считаем, что концентрирование внимания только на обществе не может свидетельствовать о ее состоянии в целом, так как от обеспечения безопасности личности и в целом всего государства непосредственно зависит и состояние защищенности общества. По мнению В. И. Булавина, в качестве таковых должны выступать личность, общество и государство².

Учитывая предлагаемый подход, хотелось бы согласиться с мнением В. И. Булавина, который определяет безопасность как «состояние общественных отношений, при котором развиваются способности и реализуются социально значимые потребности человека и гражданина (личности), надежно защищены от внутренних и внешних угроз его права и свободы; обеспечивается сохранность и развитие материальных и духовных ценностей общества, территориальная целостность и суверенитет, функционирование и развитие конституционного строя правового государства»³.

Считаем, что рассматриваемая дефиниция отражает концептуальные особенности безопасности с учетом ее статического состояния и значимости общественных отношений, в рамках которых она обеспечивается. При этом, определяя вышеуказанный спектр общественных отношений, хотелось бы согласиться с мнением С. В. Изосимова и А. П. Кузнецова, отметивших, что в качестве таковых должны выступать не все отношения, обеспечивающие нормальное функционирование личности, общества и государства, а лишь те потребности, «удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства»⁴.

¹ См.: Малков В. П. Хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ. М., 1971. С. 6.

² См.: Булавин В. И. Национальная безопасность современной России : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 16.

³ Там же. С. 18.

⁴ Российская и европейская правовозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. д-ра юрид. наук, проф., академика РАЕН и ПАНИ, засл. деятеля науки РФ В. М. Баранова. Н. Новгород, 2003. С. 412.

Хотя в качестве незначительного критического замечания к предложенному определению можно выделить незакрепление в предлагаемой дефиниции инструментов, обеспечивающих безопасность. Считаем, что в качестве таковых должны выступать исключительно легитимные механизмы, что непосредственно и должно найти свое отражение в предлагаемых дефинициях.

Безопасность – достаточно сложный правовой институт, который должен включать в себя механизмы экономического, политического, правового, социального, организационного характера¹.

Завершая анализ законодательно-доктринальных подходов по вопросу определения «безопасности», считаем необходимым констатировать, что государство в лице законодательных органов, как и научное сообщество в настоящее время не определились с содержанием государственной безопасности, что, с нашей точки зрения, является существенным недостатком деятельности всего государственного аппарата по направлению обеспечения безопасности РФ в целом.

Принимая во внимание вышесказанное, представляется, что *безопасность* следует определить как *обеспеченное арсеналом легитимных сил, средств и инструментов состояние общественных отношений, при котором реализуются социально значимые потребности человека и гражданина (личности), надежно защищены от внутренних и внешних угроз его личные права и свободы, обеспечивается развитие материальных и духовных ценностей общества, гарантируется территориальная целостность и суверенитет, а также функционирование и развитие конституционного строя правового государства.*

Считаем, что данная дефиниция отражает концептуальные особенности безопасности с учетом ее статического состояния и значимости общественных отношений, в рамках которых она обеспечивается.

Дальнейшее развитие рассматриваемые в ст. 56 Конституции РФ предписания получили в Законе «О чрезвычайном положении».

¹ См.: Степашин С. В. Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1994. С. 78.

Обратившись к нему, видим, что он не содержит понятия такого положения, хотя закладывает базис в определение его признаков.

Во-первых, законодатель соотносит его с особым правовым режимом (ст. 1 Закона).

Во-вторых, закрепляет двоякую цель – обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Российской Федерации (ст. 2 Закона).

В-третьих, определяет обстоятельства криминального и природно-техногенного характера, устранение которых невозможно без введения чрезвычайного положения. К противоправным обстоятельствам отнесены: попытки насильственного изменения конституционного строя РФ, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Природно-техногенными обстоятельствами считаются: чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ (ст. 3 Закона).

В-четвертых, устанавливает субъектный состав и регламентирует процедуру введения чрезвычайного положения (вводится указом Президента РФ с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации РФ и Государственной Думе РФ (ст. 4 Закона)).

Кроме вышеотмеченных базисных положений, в нем определены сроки действия чрезвычайного положения, а также процедура его отмены, меры и временные применяемые ограничения, силы и средства для обеспечения этого режима, особое управление соответствующей территорией, гарантии прав граждан и ответственность граждан и должностных лиц в условиях действия чрезвычайного положения.

При введении чрезвычайного положения все силы и средства УИС направляются на обеспечение режима чрезвычайного положения и правопорядка.

Такая широкомасштабная форма Закона «О чрезвычайном положении» порождает споры по содержанию чрезвычайной ситуации в ИУ.

Например, одна группа ученых относит к ней только ситуации криминального толка, происходящие непосредственно в ИУ, сопровождающиеся совершением преступлений против личности, общественной безопасности и порядка управления¹.

Полагаем, что представленная точка зрения соответствует положениям ст. 85 УИК РФ, в рамках которой изложен исчерпывающий перечень таких деяний; но таким образом излишне и необоснованно ограничивается содержание Закона «О чрезвычайном положении».

Между тем, по мнению другой группы исследователей, расширительное толкование условий с выходом за рамки УИК РФ создаст основания для нарушения прав и законных интересов осужденных².

Все это требует уточнения понятия «чрезвычайное положение» в одноименном нормативном правовом акте. Было бы так-

¹ См.: Барабанов Н. П. Предупреждение и пресечение чрезвычайных ситуаций криминального характера в исправительных учреждениях : монография: в 2 ч. Рязань, 1994. Ч. 1; Гришин Д. А. Организация профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при чрезвычайных обстоятельствах : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.

² См.: Кулешов М. А. Режим особых условий в исправительном учреждении: основные понятия // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2 (93). С. 82–85.

же правильным закрепить в нем более четкий перечень чрезвычайных ситуаций и обстоятельств в ИУ, при которых должен вводиться режим особых условий.

Особого закрепления в данном перечне должна получить опасность, исходящая от терроризма. Обусловлено это тем, что реально имеющаяся террористическая угроза за пределами ИУ может негативно повлиять на нормальное его функционирование и оперативную обстановку.

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» на территории проведения контртеррористической операции вводится особый правовой режим на время ее проведения. Поэтому в случае нахождения на данной территории ИУ в нем также должен быть введен режим особых условий. Однако действующая редакция ст. 85 УИК РФ данную позицию не разделяет.

Отметим, что терроризм – понятие аксиологическое, поэтому оно отражает не только сущностные особенности самого явления, но зачастую отождествляет его с борьбой за ложные ценности.

В современных политико-правовых условиях существуют некоторые трудности, связанные с выработкой адекватного теоретического определения терроризма. К их числу, в частности, можно отнести как сложность самого феномена и его историческую значимость, так и идеологическое содержание современной террористической деятельности.

Чтобы понять особенности терроризма, в первую очередь необходимо обратиться к его этимологическому содержанию.

Слово «террор» происходит от латинского «*terror*», что означает «страх», «ужас».

В Толковом словаре В. И. Даля терроризм соотносится с методами преступной деятельности, связанными с устрашением, смертью либо казнью ¹.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова под ним понимается применение физического насилия, включая и физическое уничтожение политических противников ².

¹ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1985. Т. 4. С. 401.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988.

Принимая во внимание вышеуказанные этимологические особенности рассматриваемого понятия, целесообразно отметить, что конструктивными признаками терроризма выступают методы борьбы, связанные с посягательствами на жизнь и здоровье и порождающие страх у неограниченного числа лиц, а также соответствующая мотивация.

Основополагающим документом является, на наш взгляд, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года. Само название документа предполагает существование рассматриваемых дефиниций как самостоятельных, различающихся между собой.

В частности, в терроризм вкладываются следующие концептуальные признаки. Во-первых, терроризм, в отличие от экстремизма, – это исключительно преступная форма деятельности. Во-вторых, одной из основных целей терроризма является причинение смерти или вреда здоровью оппонента, а также его имуществу. В-третьих, это, конечно же, основная цель терроризма; в частности, в качестве таковой выделяют: запугивание населения, нарушение общественной безопасности или принуждение органов власти либо международных организаций к совершению интересующих террористов действий или воздержание от их совершения. В-четвертых, непосредственно к терроризму также рекомендовано относить и подготовительную деятельность, выражающуюся в организации, планировании такого деяния, пособничестве его совершению, подстрекательстве к нему.

Однако на основе положений, закрепленных в ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», мы приходим к выводу о том, что в рамках российского правового поля терроризм рассматривается как разновидность экстремизма.

Здесь важно не забывать и о том, что на нормативном уровне принят ряд самостоятельных правовых актов, направленных на борьбу с ним (например, 15 февраля 2006 года подписан Указ Президента РФ № 116 «О мерах по противодействию терроризму», а 6 марта 2006 года принят Федеральный закон «О противодействии терроризму», Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» и др.).

Хотя определение терроризма, закрепленное в Федеральном законе «О противодействии терроризму», является, на наш взгляд, весьма спорным, однако в нем закреплена его концептуальная особенность – указание на цель (воздействие на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями), что придает ему политический оттенок и делает схожим с экстремизмом.

Политический характер терроризма нашел свое отражение и в ряде научных исследований по данной проблематике. Это четко прослеживается в исследованиях, проведенных, например, А. Э. Жалинским¹, А. И. Долговой², Ю. И. Авдеевым³, Е. П. Сергуном⁴, А. В. Ростокинским и К. А. Толпекиным⁵, а также другими авторами.

Но, соглашаясь с мнением ученых, необходимо отметить, что одним из отличительных признаков терроризма является форма такой деятельности, выражающаяся в состоянии насилия и практике воздействия на принятие решения органами государ-

¹ А. Э. Жалинский считает, что терроризм – это насильственный способ изменения существующего порядка. См.: *Круглый стол журнала «Государство и право»: Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. № 4. С. 23–24.*

² А. И. Долгова полагает, что терроризм – это один из специфических видов насилия, используемых в процессе экстремистской деятельности, направленной на подрыв конституционного строя в двух аспектах: против конституционных прав и свобод человека и гражданина и конституционной власти. См.: Долгова А. И., Гуськов А. Я., Чуганов Е. Г. *Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики*. М., 2010. С. 80.

³ По мнению Ю. И. Авдеева, терроризм – особое общественно-политическое явление. См.: Авдеев Ю. И. *Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е. И. Степанова*. М., 2000. С. 41–42.

⁴ Е. П. Сергун указывает, что терроризм присущ исключительно сфере политических отношений. См.: Сергун Е. П. *Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук*. Тамбов, 2009. С. 39.

⁵ См.: Ростокин А. В., Толпекин К. А. *Еще раз о признаках терроризма, предметах посягательства и террористической тактике // Российский следователь*. 2014. № 9. С. 36–39.

ственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями.

Еще одной отличительной чертой терроризма как самостоятельной разновидности экстремистских проявлений является особенность объектов психофизического насилия. Последние не участвуют в возникших противоречиях между террористами и «третьей стороной» и даже не знают о них. Жертвы непосредственно террористического насилия всегда неповинны в террористическом преступлении ¹. По этой причине считаем, что следующим признаком терроризма является устрашение населения в форме совершения преступлений, направленных на подрыв общественной безопасности, конституционного строя и мира и безопасности человечества.

Терроризм, как и экстремизм, не заканчивается лишь выдвинутыми идеологиями. Он включает в себя и совершение соответствующих действий, направленных на достижение выдвинутых целей. Причем, по нашему мнению, основными целями современного терроризма являются борьба за власть и передел экономических ресурсов, что и должно рассматриваться в качестве еще одного его признака ². Терроризм можно представить как неотъемлемую часть экстремистской деятельности, как его наиболее радикальное и эффективное проявление в социально-политической и экономической жизни общества и государства ³.

Учитывая специфический характер террористической деятельности, доминирующее множество ученых, частично вкладывающих в анализируемые дефиниции отличающиеся признаки, едины в одном. Они определяют терроризм как крайнюю форму экстремизма. Например, этой точки зрения придерживается Ю. С. Гор-

¹ См.: Долгова А. И., Гуськов А. Я., Чуганов Е. Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. М., 2010. С. 76.

² См.: Петрянин А. В. Соотношение экстремизма и терроризма: законодательство и доктрина // Противодействие терроризму: информационно-аналитический и научно-практический журнал. 2012. № 2. С. 30–36.

³ См.: Тамаев Р. С. Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия экстремизму : монография. М., 2008. 2-е изд. С. 40.

бунов¹, В. А. Мальцев², С. Н. Фридинский³, А. Ф. Истомин и Д. А. Лопаткин⁴, А. А. Хоровинников⁵ и другие ученые.

Вышеуказанные обстоятельства определяют возможность соотношения терроризма и экстремизма как части и целого, так как экстремизм значительно шире понятия «терроризм». Террор является лишь одним из инструментов достижения поставленных политических целей.

Рассматривая терроризм как наиболее радикальное проявление экстремизма, полагаем, что следует задаться вопросом по определению пределов его крайности.

Если сам феномен экстремизма рассматривается как крайность, то терроризм должен определяться как крайность крайности, выступающая скорее логическим, но не обязательным развитием экстремизма⁶. Поэтому современные дефиниции, отражающие сущность терроризма, включают в себя критерии его крайности, определяющие присущие ему специфические черты с учетом целей и средств их достижения.

Из вышеизложенного следует, что терроризм является лишь одним из инструментов экстремистской деятельности и должен рассматриваться как разновидность экстремизма.

В подтверждение сделанного умозаключения хотелось бы подчеркнуть, что, говоря о терроризме, мы имеем в виду не только ст. 205 УК РФ, устанавливающую ответственность за непосредственное совершение террористического акта, но и другие деяния, содержащие его признаки. Причем в этом вопросе у за-

¹ См.: Горбунов Ю. С. К вопросу о правовом регулировании противодействия терроризму // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 38–44.

² См.: Мальцев В. А. Основы политологии : учебник для вузов. М., 1997. С. 237.

³ См.: Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 24–25.

⁴ См.: Истомин А. Ф., Лопаткин Д. А. К вопросу об экстремизме // Современное право. 2005. № 7. С. 9.

⁵ См.: Хоровинников А. А. Экстремизм как социальное явление: философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. С. 11.

⁶ См.: Бояр-Созонович Т. С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. Киев; Одесса, 1991. С. 28.

конодателя и Верховного Суда Российской Федерации разработана общая концепция, раскрывающая содержание преступлений террористической направленности. Так, по мнению законодателя, закрепленному в примечании к ст. 205¹ «Содействие террористической деятельности», к рассматриваемой группе деяний, в отличие от экстремистских ¹, относится исчерпывающий перечень преступлений, закрепленных в ст. ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» в преамбуле также указывает на вышеуказанный перечень, за исключением норм (ст. ст. 205³, 205⁴, 205⁵ УК РФ), криминализованных после принятия анализируемого Пленума. Предлагаемый перечень, конечно же, является дискуссионным по причине внесения в него деяний (ст. ст. 211, 220 и 221 УК РФ), не отражающих, по нашему мнению, даже частично специфику терроризма ². Однако ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму», также закрепляющая перечень этих преступлений, частично не соответствует той концепции, которая закреплена как в ст. 205¹ УК РФ, так и в акте Верховного Суда РФ. В частности, анализируемый Федеральный закон в присущей ему императивной форме причисляет к преступлениям, причастным к терроризму, в том числе и деяния, указанные в ст. ст. 282¹, 282² и 282³ УК РФ. Хотя это и показывает наличие коллизии, однако эти деяния, безусловно, являются пре-

¹ Законодательная концепция в области определения преступлений экстремистской направленности является принципиально иной. В частности, в соответствии с примечанием к ст. 282.1 УК РФ под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и п. «е» ч. 1 ст. 63 настоящего Кодекса.

² Именно по этой причине вышеуказанные деяния должны быть исключены из перечня преступлений террористической направленности, что будет нами отмечено в выводах по главе при авторском определении понятия «терроризм».

ступлениями экстремистской направленности, что может выступать в качестве еще одного аргумента, указывающего на неразрывную связь экстремизма и терроризма.

Представляется, что без законодательного разграничения понятий «терроризм» и «экстремизм», в том числе в рамках УК РФ, сложно будет преодолеть существующее расширительное толкование отдельных насильственных актов политической направленности как проявлений терроризма¹. В этой связи нами предложено авторское определение терроризма, представляющего собой *состояние насилия, направленное на устрашение населения в форме совершения преступлений, подрывающих общественную безопасность, конституционный строй, а также мир и безопасность человечества, выражающееся в воздействии на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями.*

Следующим основанием объявления режима особых условий является введение военного положения, регламентированного Законом «О военном положении», устанавливаемого в следующих случаях:

- агрессии против РФ;
- непосредственной угрозы агрессии против РФ.

Подчеркнем, что задачи по обеспечению военного положения выполняет и уголовно-исполнительная система наравне с иными государственными органами².

В рамках рассматриваемого документа также установлено содержание режима военного положения и его обеспечение, полномочия органов государственной власти в области обеспечения режима военного положения и особенности их функционирования в период действия военного положения, а также правовое положение граждан и организаций в период действия военного положения.

Для определения правового статуса органов ФСИН РФ в условиях военного времени необходим Федеральный закон

¹ См.: Устинов В. В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. 2002. № 5. С. 34–36.

² См.: Кузьмин В. А. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (постатейный) // СПС Консультант Плюс. 2018.

«Об обороне», где в ст. 19 отмечено, что органы и формирования уголовно-исполнительной системы в период действия военного положения применяются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента РФ и нормативными правовыми актами РФ.

Вместе с тем в УИК РФ при этом отсутствуют предписания, регламентирующие деятельность УИС в военное время. Показательным является содержание ст. 85 УИК РФ; так, она имеет свое распространение только на лиц, наказание у которых связано с лишением свободы. Исполнение иных видов наказаний в военное время вообще не регламентировано ¹.

Введение военного положения – это основание установления особых условий в ИУ и является не обязанностью, а лишь правом должностных лиц уголовно-исполнительной системы, что прямо закреплено в ст. 14 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Считаем, что порядок исполнения наказаний в военное время должен иметь нормативно-правовое определение, и в первую очередь в рамках УИК РФ. Обусловливается это существенными изменениями, касающимися как правового положения сотрудников и учреждений, исполняющих наказание, так и непосредственно самих осужденных. В частности, введение рассматриваемого режима представляет легитимное основание для ограничения ряда прав осужденных, закрепленных в ст. ст. 88–97 УИК РФ:

- введение усиленного варианта охраны и надзора;
- введение особого порядка допуска на объекты;
- изменение распорядка дня;
- ограничение деятельности производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных.

¹ См.: Скиба А. П. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях военного положения: изложение проблемы // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1. С. 32–37.

Анализ положений УИК РФ и Закона «О военном положении» дает основание констатировать, что в уголовно-исполнительном законодательстве не только не учтены все положения Федерального конституционного закона, но и в ряде случаев излишне ограничиваются права осужденных. В частности, это касается возможного введения запрета на переписку или телефонные переговоры. Полагаем, что наложение такого ограничения при введении военного положения может показать обратный отрицательный эффект влияния на оперативную обстановку в ИУ, так как отсутствие продолжительного общения с родственниками усложняет психологический климат среди осужденных и может стать причиной возникновения конфликтов, перерастающих в беспорядки. Да и запрет на просмотр телепередач или прослушивание радиопередач исключает получение осужденными объективной информации о ситуации в стране либо регионе, что также может повлечь за собой вышеотмеченные последствия. В разрешении этого вопроса мы полностью разделяем мнение А. П. Скибы о том, что необходимо усиление цензуры представляемых программ, но не полное их исключение. Причем предлагаемый подход не противоречит положениям Закона «О военном положении»¹.

В этой связи критике может быть подвергнута ч. 2 ст. 85 УК РФ и в части, касающейся производственной деятельности. Рассматриваемая норма предлагает ее ограничить. Полагаем, что ее ограничение не будет соответствовать потребностям военного времени. Поэтому она должна быть не ограничена, а реорганизована, то есть переориентирована, исходя их конкретных потребностей государства. Предлагаемая позиция вытекает из содержания ст. 7 Закона «О военном положении», позволяющей привлекать осужденных к работам и за пределами исправительных учреждений:

- для нужд обороны;
- ликвидации последствий применения противником оружия;

¹ См.: Скиба А. П. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях военного положения: изложение проблемы // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1. С. 32–37.

– восстановления поврежденных (разрушенных) объектов экономики;

– участия в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями.

Игнорирование закрепленных в анализируемом законе положений ставит под угрозу решение задач военно-чрезвычайного характера.

Нужно не забывать и об усилении режимного, а особо оперативно-розыскного обеспечения безопасности осужденных. Продиктовано это тем, что в ИУ содержатся и граждане иностранных государств, в том числе являющиеся представителями страны-агрессора. Для предупреждения распространения насилия в отношении них, основанного на «военном синдроме»¹, необходима модернизация института обеспечения личной безопасности осужденных.

Другие нормативно-правовые акты, например Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, Правила внутреннего распорядка воспитательных колоний УИС, также детально не регламентируют деятельность исправительных учреждений при введении режима особых условий.

Учитывая правовую значимость введения режима особых условий, в ч. 3 ст. 85 УИК РФ регламентирована процедура их введения. В частности, определен срок – до 30 суток, субъектный состав принятия такого решения (соответствующий руководитель либо начальник территориального органа УИС субъекта РФ; решение согласовывается с Генеральным прокурором РФ либо соответствующим прокурором). Но при этом в изучаемой норме не содержится указания на форму принятия такого решения, что, безусловно, является ее пробелом. По нашему мнению, это может быть только письменная форма, с участием в ее подписании всех должностных лиц, указанных в ч. 3 ст. 85 УИК РФ.

Методологически не точным видится положение, закрепленное в ч. 4 ст. 85 УИК РФ, относительно территориальных осо-

¹ См.: Ромашов Р. А. Война, военный синдром, социальный конфликт // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 7–14.

бенностей. Так, если стихийное бедствие или чрезвычайное положение вводится в тех территориальных границах, где может быть расположено и ИУ, применение предложенного в ч. 4 ст. 85 УИК РФ подхода логично. Однако это вряд ли может быть приемлемым при введении военного положения, так как оно распространяется на всю территорию России либо на отдельные ее местности. Вышеизложенное актуализирует вопрос о корректировке положений ст. 85 УИК РФ.

Не раскрыт в законодательстве и вопрос об исполнении иных видов наказаний, не связанных с лишением свободы, при введении чрезвычайного или военного положения.

Не можем обойти стороной и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», также являющийся регулятором общественных отношений при введении режима особых условий. Внимания заслуживает содержание ст. 48 «Режим особых условий в местах содержания под стражей» этого нормативного акта. В частности, в ней, в отличие от ст. 85 УИК РФ, дан более широкий перечень основания для введения такого режима. К ним в том числе отнесены: эпидемии, эпизоотии, обширные очаги возгораний, крупные аварии систем жизнеобеспечения, захваты заложников и другие террористические акты, что соответствует Закону «О чрезвычайном положении».

Вышеизложенное актуализирует вопрос о разработке специализированного уголовно-исполнительного законодательства, действующего в условиях чрезвычайной ситуации или военного положения, позволяющего снять выявленные межотраслевые и внутриотраслевые коллизии.

§ 2.4. Взаимодействие учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с организациями, осуществляющими общественный контроль, в период действия режима особых условий в исправительных учреждениях: некоторые правовые аспекты

Роль организаций, осуществляющих общественный пенитенциарный контроль (этот термин употребляется в контексте осуществления общественного контроля за обеспечением прав осужденных к лишению свободы), важна и разнообразна; помимо обеспечения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания (далее – МПС), особенно осужденных к лишению свободы, такие организации реализуют в их отношении средства исправления (особенно общественное воздействие ¹), рассматривают их предложения, заявления и жалобы, оказывают содействие и помощь администрациям МПС, в том числе в ресоциализации этих лиц, и т. п. (более подобно это излагается исследователями ²).

¹ См.: Малолеткина Н. С. Правовые основы общественного воздействия как средства исправления осужденных в России и ряде стран // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14. № 4. С. 362–366; Матвеевко В. Е. Становление и развитие общественного воздействия в системе основных средств исправления осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 2. С. 31–33; Попова Е. Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных: историко-правовые аспекты и современные тенденции развития : монография. М., 2015.

² См.: Александров А. С. К вопросу о социально-правовом назначении института общественного контроля за обеспечением прав несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2013. № 4 (17). С. 103–107; Белик В. Н. К вопросу об эффективности общественного контроля в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 5. С. 95–97; Селиверстов В. И. Общественный контроль за исполнением наказаний // Уголовная и уголовно-исполнительная политика современной России: проблемы формирования и реализации. Тезисы Международной научно-практической конференции (Вологда, 14–15 декабря 2006 г.): В 2-х частях. Ч. 1. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2006. С. 54–57; Скиба А. П., Мосиенко В. П. Институт общественного

Субъектами общественного контроля выступают многочисленные органы и организации: общественные наблюдательные комиссии (далее – ОНК), Общественная палата РФ, общественные палаты, действующие в субъектах РФ, общественные советы, функционирующие при ФСИН России и других государственных органах, и пр.¹

В рамках взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) с различными организациями большую роль играют ОНК, которые, благодаря своим представителям из различных слоев населения и имеющим разные профессиональные навыки (юридические, педагогические, медицинские, духовно-нравственные и т. п.), осуществляют функции по общественному контролю.

ОНК – это не государственно-властная структура, а институт гражданского общества. ОНК состоит из «обычных» граждан – неравнодушных членов нашего общества, при этом не получающих какое-либо вознаграждение за свою общественную деятельность. В отличие от органов власти и должностных лиц сами ОНК и их члены властными полномочиями не обладают.

Правовую основу деятельности ОНК образуют многочисленные нормативно-правовые акты: УИК РФ, Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее – ФЗ «Об общественном контроле...»), Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях

контроля за деятельностью мест принудительного содержания : монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. Я. Гришко, д-ра юрид. наук, проф. Ю. А. Кашубы. Ростов-на-Дону : Рост. гос. экон. ун-т (РИНХ), 2012.

¹ См.: Потапов А. М., Александров А. С. Субъектный состав общественного контроля за соблюдением прав осужденных в местах лишения свободы: проблема определения // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1 (30). С. 57–59; Скиба А. П. К вопросу о перечне субъектов общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания и эффективности его осуществления // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 112–115.

и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и т. д.

Вышеобозначенные аспекты общественного пенитенциарного контроля в той или иной степени закреплены в ФЗ «Об общественном контроле...», согласно которому:

– основными задачами общественной наблюдательной комиссии являются, помимо прочего: осуществление общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, расположенных на территории субъекта РФ, в котором образована общественная наблюдательная комиссия; содействие сотрудничеству общественных объединений, социально ориентированных некоммерческих организаций, администраций МПС, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, иных органов, осуществляющих в пределах территории субъекта РФ полномочия по обеспечению законных прав и свобод, а также условий содержания лиц, находящихся в МПС (ч. 3 ст. 6);

– основными формами деятельности общественной наблюдательной комиссии являются в том числе: посещение МПС для осуществления общественного контроля; рассмотрение предложений, заявлений и жалоб лиц, находящихся в МПС, иных лиц, которым стало известно о нарушении прав лиц, находящихся в МПС (ч. 1 ст. 15);

– члены ОНК осуществляют контроль с соблюдением требований законодательства РФ об охране здоровья граждан за обеспечением права лиц, находящихся в МПС, на охрану здоровья при их нахождении в МПС, при временном помещении их в медицинские учреждения (ч. 1 ст. 16. 1);

– члены ОНК принимают участие в решении вопросов их трудового, жилищно-бытового устройства, а также в решении вопросов, связанных с оказанием им медицинской помощи и предоставлением иных гарантий, установленных законодательством в сфере охраны здоровья и законодательством РФ о социальном обслуживании; участие в обустройстве осужденных к лишению свободы, в случаях, если указанных лиц необходимо поместить в медицинские организации или организации со-

циального обслуживания либо они нуждаются в постороннем уходе; участие в обеспечении их свободы совести и вероисповедания; оказание содействия администрации МПС в создании новых рабочих мест для осужденных к лишению свободы, размещении производственных заказов в исправительных учреждениях и на их предприятиях; оказание помощи администрации МПС в получении содержащимися лицами общего образования, профессионального обучения, среднего профессионального и высшего образования; оказание помощи администрации воспитательной колонии в организации учебно-воспитательного процесса; и т. п. (ч. 1 ст. 22);

– и т. д.

Кроме того, общественный пенитенциарный контроль основывается на ст. 23 УИК РФ, где говорится о том, что:

– общественный контроль за обеспечением прав человека в исправительных центрах, исправительных учреждениях и дисциплинарных воинских частях осуществляют ОНК и их члены;

– члены ОНК при осуществлении общественного контроля за обеспечением прав человека в исправительных центрах, исправительных учреждениях и дисциплинарных воинских частях вправе беседовать с осужденными в условиях, позволяющих представителям администраций исправительных учреждений или представителям дисциплинарных воинских частей видеть их, но не слышать;

– общественные объединения оказывают содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, принимают участие в исправлении осужденных;

– и т. п.

При очевидной значимости необходимости осуществления общественного пенитенциарного контроля практика его осуществления противоречива и обычно исходит из того, что в законодательстве различные вопросы его реализации надлежаще не урегулированы. Это касается в основном:

– определения предмета контроля;

– прав и обязанностей как ОНК и иных субъектов общественного контроля, так и администраций исправительных учреждений и других МПС;

– и т. д.¹

Отдельно укажем, что установленный в п. 4 ст. 15 ФЗ «Об общественном контроле...» механизм уведомления соответствующего территориального органа федерального органа исполнительной власти, в ведении которого находятся соответствующие МПС, о планируемом посещении МПС не предполагает, во-первых, «заблаговременность» такого уведомления, а, во-вторых, что уведомлять должен исключительно председатель ОНК либо иное утвержденное в ОНК лицо (см., например, Решение Советского районного суда г. Орска Оренбургской области от 11 марта 2017 г., Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 14 мая 2015 г., Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 13 октября 2011 г.).

В результате на практике нередко возникает ситуация, когда субъекты общественного пенитенциарного контроля стараются свои полномочия расширить, а подконтрольные учреждения и органы, наоборот, сузить, что приводит к возникновению различного рода недоразумений, приводящих к необходимости вмешательства органов прокуратуры, вышестоящих органов

¹ См.: Александров А. С. Некоторые проблемы взаимодействия исправительных учреждений с общественными формированиями // Союз криминалистов и кримиологов. 2016. № 1–4. С. 154–156; Общественный контроль за деятельностью мест принудительного содержания: теоретические вопросы совершенствования законодательства : монография / под ред. А. П. Скибы. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮРИУФ РАНХиГС, 2015; Скиба А. П., Скорик Е. Н. Взаимодействие субъектов общественного контроля и учреждений уголовно-исполнительной системы: проблемы правового регулирования // Юрист Юга России и Закавказья. 2015. № 1–2. С. 11–14; Скиба А. П., Пятакова А. И. К вопросу об уточнении предмета общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания // Криминалистика в системе уголовно-правовых наук: актуальные направления развития теории и практики : материалы Третьего Всероссийского «круглого стола». 20 мая 2011 года. Ростов-на-Дону : ДЮИ, 2011. С. 249–252.

управления учреждений и органов, исполняющих наказания, и др. инстанций для обеспечения нормального взаимодействия учреждений и органов УИС с организациями, осуществляющими общественный контроль.

Указанные и иные проблемы осуществления общественного пенитенциарного контроля в той или иной степени или осложняются, или нивелируются при возникновении определенных экстремальных ситуаций.

Так, в соответствии с ФКЗ «О военном положении» при введении военного положения вообще не предусматривается общественный контроль за деятельностью соответствующих государственных органов. Более того, этот нормативный правовой акт содержит ряд иных концептуальных положений:

– на основании указов Президента РФ на территории, на которой введено военное положение, происходит в том числе приостановление деятельности политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений, ведущих пропаганду и (или) агитацию, а равно иную деятельность, подрывающую в условиях военного положения оборону и безопасность РФ (ч. 2 ст. 7);

– Президент РФ приостанавливает деятельность политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений, ведущих пропаганду и (или) агитацию, а равно иную деятельность, подрывающую в условиях военного положения оборону и безопасность Российской Федерации (п. 6 ст. 11);

– федеральными органами исполнительной власти, помимо прочего, обеспечивается исполнение указов Президента РФ о приостановлении деятельности политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений, ведущих пропаганду и (или) агитацию, а равно иную деятельность, подрывающую в условиях военного положения оборону и безопасность Российской Федерации (ч. 2 ст. 14).

Ввиду расплывчатости формулировки относительно «ведения пропаганды и (или) агитации, а равно иной деятельности, подрывающей в условиях военного положения обо-

рону и безопасность РФ» фактически любая организация, в том числе осуществляющая общественный контроль, может быть ограничена в своей деятельности (что в принципе обосновано в таких экстремальных условиях). В этом случае можно говорить о практической невозможности и в целом нецелесообразности общественного контроля в военное время за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, которые при этом будут выполнять дополнительные задачи, связанные с обеспечением внешней безопасности нашей страны.

Похожая ситуация имеет место и при введении чрезвычайного положения.

В ФКЗ «О чрезвычайном положении» также имеются определенные ограничения в части деятельности общественных организаций:

– в указе Президента РФ о введении чрезвычайного положения должен быть определен в том числе перечень чрезвычайных мер и пределы их действия, исчерпывающий перечень временных ограничений прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений (ст. 5);

– в случае введения чрезвычайного положения указом Президента РФ о введении чрезвычайного положения может быть предусмотрено и ограничение в виде приостановления деятельности политических партий и иных общественных объединений, которые препятствуют устранению обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения (ст. 12);

– меры, применяемые в условиях чрезвычайного положения и влекущие за собой изменение (ограничение) установленных Конституцией РФ, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ полномочий федеральных органов исполнительной власти, законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, прав организаций и общественных объединений, прав и свобод человека и гражданина, должны осущест-

вляться в тех пределах, которых требует острота создавшегося положения (ст. 28).

Таким образом, очевидно, что при введении военного или чрезвычайного положения деятельность любых общественных организаций, в том числе осуществляющих общественный контроль, может быть ограничена в зависимости от оснований и условий введения указанных правовых режимов.

По общему правилу, при допуске членов ОНК в МПС имеют место следующие ограничения:

1. Член ОНК – близкий родственник лица, содержащегося в МПС.

В силу ч. 1 ст. 17 ФЗ «Об общественном контроле...» член ОНК не вправе осуществлять общественный контроль в МПС в случае, если там содержится его близкий родственник (супруг (супруга), родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки).

2. Член ОНК – участник уголовно-процессуальных отношений в рамках одного уголовного дела с заключенным, содержащимся в МПС.

С учетом ч. 1 ст. 17 ФЗ «Об общественном контроле...» член ОНК не вправе осуществлять общественный контроль в МПС также в случае, если он является потерпевшим, свидетелем, защитником или иным лицом, участвующим в производстве по уголовному делу, к которому причастно лицо, находящееся в МПС.

Кроме того, дополнительное ограничение заложено в ФЗ «Об общественном контроле...», согласно ст. 16 которого в период действия режима особых условий в исправительных учреждениях и других МПС полномочия членов ОНК посещать указанные места осуществляются с согласия руководителя федерального органа исполнительной власти или его территориального органа, в ведении которого находятся соответствующие места принудительного содержания.

Данное положение является логичным, так как основаниями введения режима особых условий в исправительных учрежде-

ниях, согласно ч. 1 ст. 85 УИК РФ, являются введение в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, а соответствующими указами Президента РФ могут быть введены соответствующие ограничения для деятельности общественных организаций.

В то же время налицо и расплывчатость вышеуказанной формулировки ст. 16 ФЗ «Об общественном контроле...» (относительно того, что члены ОНК могут посещать указанные места с согласия руководителя федерального органа исполнительной власти или его территориального органа), практически все оставляющей на усмотрение соответствующего должностного лица; это, с одной стороны, позволяет максимально учитывать им обстоятельства введения режима особых условий, но, с другой – оставляет его практически «беззащитным» при реализации в его отношении надзорных или контрольных мероприятий со стороны органов прокуратуры и других государственных органов.

В то же время основаниями введения режима особых условий в исправительных учреждениях являются также стихийное бедствие, массовые беспорядки и групповые неповиновения осужденных в исправительном учреждении, которые не предусмотрены в ФКЗ «О военном положении» и ФКЗ «О чрезвычайном положении», что предопределяет уголовно-исполнительное регулирование особенностей взаимодействия учреждений и органов УИС с организациями, осуществляющими общественный контроль. Однако в УИК РФ это не урегулировано.

В этом случае приходится исходить из положения ч. 2 ст. 85 УИК РФ о том, что в период действия режима особых условий в исправительном учреждении может быть приостановлено осуществление некоторых прав осужденных, предусмотренных ст. ст. 88–97 УИК РФ (приобретение осужденными к лишению свободы продуктов питания и предметов первой необходимости, их свидания, получение ими посылок, передач и бандеролей, их переписка и т. п.), введен усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты (любых

лиц, в том числе представителей общественности), изменен распорядок дня, ограничена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных. Вместе с тем очевидно, что подобная формулировка не учитывает особенности оснований введения режима особых условий в исправительном учреждении (например, стихийного бедствия или военного положения).

В этом случае роль ОНК резко сокращается до возможного обеспечения только прав осужденных на охрану здоровья. Вместе с тем представляется это трудноосуществимым ввиду введения усиленного варианта охраны и надзора, а также особого порядка допуска на объекты в исправительном учреждении. Кроме того, посещение конкретного исправительного учреждения может быть затруднено членами ОНК ввиду объективных обстоятельств, в том числе природного характера (наводнения и т. п.).

В целом аналогичные проблемы возникают и при взаимодействии в период действия режима особых условий в исправительных учреждениях учреждений и органов УИС с другими организациями, осуществляющими общественный контроль (Общественной палатой РФ, общественными палатами, действующими в субъектах РФ, общественными советами, функционирующими при ФСИН России и других государственных органах, и др.), что требует изучения соответствующих нормативно-правовых актов.

Получается, что необходимо дополнительное регулирование взаимодействия учреждений и органов УИС с организациями, осуществляющими общественный контроль с учетом особенностей введения режима особых условий в исправительном учреждении, включая дальнейшую корректировку положений УИК РФ.

§ 2.5. Эпидемия как основание проведения профилактических мероприятий в отношении осужденных к лишению свободы: некоторые правовые проблемы

Уголовно-исполнительное и иное законодательство недостаточно учитывает возможность появления эпидемии среди населения, которая к тому же может затронуть и лиц, содержащихся в учреждениях УИС. Это представляется крайне актуальным в настоящее время ввиду распространения эпидемии коронавируса во многих странах мира (Китае и др.), в том числе и в России (об этом в марте 2020 г. неоднократно говорил Президент Российской Федерации В. В. Путин и другие должностные лица ¹), а также того, что осужденных к лишению свободы и подследственных, находящихся в СИЗО, стабильно насчитывается в нашей стране несколько сотен тысяч человек. Они находятся в закрытых помещениях и условиях изоляции, что в принципе при появлении массовых инфекционных заболеваний требует принятия профилактических мер для недопущения распространения инфекции среди основной части содержащихся лиц ² (подобное предназначение профилактических мероприятий, направленных на предупреждение факторов риска развития заболеваний и на их раннее выявление, дается в ч. 2 ст. 79 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

В Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» не дается определения ни профилактических, ни санитарно-противоэпидемических мероприя-

¹ См.: <https://www.youtube.com/watch?v=nHKZ5PcF0Lg>; <https://www.bing.com/videos/search?q=путин+говорит+о+коронавирусе&docid=608022374943032164&mid=BD559A457E692E9E84B2BD559A457E692E9E84B2&view=detail&FORM=VIRE>; и др.

² См.: Цуканова Т. Г., Мишнина Е. И. Проблемы обеспечения медицинской безопасности в пенитенциарной системе России // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2015. № 3. С. 190–193; Загдын З. М. ВИЧ/туберкулез в местах лишения свободы на северо-западе России // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2019. № 1. С. 123–143.

тий. Вместе с тем ст. 12 этого нормативного правового акта содержит словосочетание «...санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий...», что фактически ставит знак равенства между этими терминами.

Аналогичная позиция закреплена и в ст. 1 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», согласно которому «санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия – организационные, административные, инженерно-технические, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на устранение или уменьшение вредного воздействия на человека факторов среды обитания, предотвращение возникновения и распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений) и их ликвидацию».

Рассмотрим кратко уголовно-исполнительное и иное законодательство, регулирующие основания проведения профилактических мероприятий в отношении осужденных к лишению свободы и подследственных в следственных изоляторах (далее – СИЗО) на примере эпидемий (исходя из сложившейся сегодня негативной ситуации в стране и мире).

В ч. 5 ст. 80 УИК РФ предусмотрено, что осужденные, больные разными инфекционными заболеваниями, содержатся раздельно и отдельно от здоровых осужденных (аналогичное положение – в ст. 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», по которой отдельно от других подозреваемых и обвиняемых содержатся, помимо прочего, больные инфекционными заболеваниями или нуждающиеся в особом медицинском уходе и наблюдении). Это подразумевает, что осужденные, больные инфекционными заболеваниями, изолируются в отдельных помещениях (например, в медицинской части исправительного учреждения (далее – ИУ)), чтобы они не инфицировали остальных содержащихся лиц. Эта профилактическая мера, по всей видимости, эффективна в случае, когда количество таких больных относительно незначительно (например, несколько десятков случаев в учреждении), однако при эпидемии актуален во-

прос о том, как и куда изолировать большое число заболевших (хотя бы несколько сотен) от основной части осужденных, ведь обычно медицинские части не рассчитаны на стационарное лечение значительного числа лиц такой категории.

Фактически медицинская часть ИУ в этом случае выполняет роль карантина (в общеупотребимом медицинском значении этого слова) в качестве основы для проведения и других профилактических (противоэпидемических) мероприятий по ограничению контактов (изоляция) инфицированных осужденных (по возможности как между собой, так и с иными лицами).

Вместе с тем логично было бы также предусмотреть изоляцию таких больных осужденных в каком-либо отдельном отряде, максимально изолированном от остальных жилых помещений ИУ, в случае их массового инфицирования. Представляется, что у администрации каждого ИУ должно быть понимание и фактическая возможность того, куда можно оперативно помещать таких осужденных для недопущения распространения инфекции среди основной части осужденных. Возможно, подобный подход целесообразен и на региональном уровне в части определения, например, учреждения, которое могло бы выполнять функции «карантина» в данном субъекте РФ при выявлении эпидемии среди осужденных к лишению свободы (возможно, следует также предусмотреть конкретное лечебно-профилактическое учреждение, в которое в срочном порядке этапировались бы больные осужденные (или с подозрением на инфекционное заболевание) из этого и других субъектов РФ в случае затруднений последними выполнить вышеуказанные рекомендации по изоляции таких осужденных).

В этом случае значение оперативно-режимных подразделений УИС состоит в первую очередь в том, чтобы выявить круг лиц, с которыми общался больной (или с подозрением на инфекционное заболевание), для последующего принятия в их отношении медицинских и иных мер. В дальнейшем этим сотрудникам следует:

– обеспечивать изоляцию больных осужденных (или с подозрением на инфекционное заболевание) для недопущения их общения с другими осужденными, в том числе при приеме пищи, отбывании взысканий в штрафном изоляторе и т. д.;

– определить совместно с медицинской службой УИС перечень сотрудников ИУ, которые вправе контактировать с такими осужденными;

– отслеживать совместно с врачами-специалистами выполнение больными медицинских, режимных, санитарно-гигиенических и иных требований для недопущения ухудшения ими состояния своего здоровья;

– уточнить особенности проведения обысковых и иных оперативно-режимных мероприятий в отношении этих осужденных;

– и т. п.

Не менее значима будет деятельность и других подразделений ИУ:

– воспитательного отдела, на который целесообразно возложить проведение воспитательных и иных мероприятий со всеми категориями осужденных в ИУ, в том числе по предупреждению о недопустимости контактов изолированных лиц с основной частью осужденных под угрозой привлечения к дисциплинарной ответственности вплоть до водворения в штрафной изолятор, а также информирование о том, что ряд действий могут повлечь привлечение лица к уголовной ответственности (например, за нарушение санитарно-эпидемиологических правил по ст. 236 УК РФ);

– тыловых подразделений – по поводу организации питания таких осужденных по соответствующим нормам и пр., а также в целом обеспечения особенностей деятельности коммунально-бытовых объектов (бани, прачечной и т. д.);

– психологической группы – для акцентирования внимания на изолированных осужденных с целью недопущения у них нервных срывов и иных подобных негативных проявлений в связи с выявлением инфекционных заболеваний;

– производственных служб – в части непривлечения таких осужденных к оплачиваемым работам;

– и пр.

В то же время наиважнейшая роль в части предотвращения распространения инфекционных заболеваний принадлежит медицинским подразделениям УИС, которые, в частности, во взаимодействии с соответствующими постоянными или временно действующими региональными учреждениями, созданными при органах здравоохранения, по вопросам диагностики и лечения инфекционных заболеваний должны определить:

– симптомы конкретных болезней (например, в случае с коронавирусом – наличие острой респираторной вирусной инфекции, бронхита, пневмонии и пр.);

– перечень данных, сроки и правила информирования указанных региональных учреждений о выявлении инфекций у осужденных, включая общие сведения о деятельности медицинских частей ИУ по выявлению инфекционных заболеваний;

– правила диагностики и лечения таких больных, в том числе путем консультаций со специалистами из указанных региональных учреждений;

– правила обращения с лицами, контактировавшими с больными;

– основание и порядок проведения мероприятий по оказанию неотложной и экстренной помощи осужденным с подозрением на инфекционное заболевание;

– порядок перевода в случае необходимости больных осужденных в территориальные медицинские учреждения органов здравоохранения;

– порядок выписки пациентов;

– порядок действий после констатации биологической смерти больного;

– и т. п.

Кроме того, на медицинские подразделения УИС возлагается целый комплекс дополнительных мероприятий:

– иметь запас средств индивидуальной защиты (респираторов, перчаток и др.), соответствующих медикаментов, рас-

ходных материалов и пр. для обеспечения защиты медицинского персонала УИС и иных лиц, контактирующих с больными осужденными (или с подозрением на инфекционное заболевание);

- определить основания и порядок перевода деятельности медицинской части ИУ (или лечебно-профилактического учреждения УИС) на строгий противоэпидемический режим работы;

- информировать основную часть осужденных о профилактике инфекции, включая соблюдение правил личной гигиены и т. п.;

- организовать дежурства соответствующих врачей-специалистов (инфекционистов и др.) в круглосуточном режиме;

- усилить медицинское наблюдение за основной частью осужденных;

- и т. д.

Подобное изменение деятельности всей администрации ИУ должно быть на ежедневном особом контроле путем создания, например, соответствующего штаба при начальнике ИУ (заместителе начальника ИУ по безопасности и оперативной работе), который лично (или через начальника медицинской части ИУ) будет на постоянной связи по вышеуказанным вопросам с соответствующими постоянными или временно действующими региональными учреждениями, созданными при органах здравоохранения. Кроме того, такие должностные лица должны рассматривать вопросы о формулировании предложений в вышестоящие органы управления УИС для принятия последними соответствующих решений по ограничению конкретных прав больных осужденных (или с подозрением на инфекционные заболевания), например о приостановлении предоставления больным длительных свиданий, получения посылок, передач или бандеролей и т. п., а также проведении дезинфекций помещений ИУ, которые посещали больные осужденные, соответствующих транспортных средств, а также других необходимых профилактических мероприятий.

Еще один важный вопрос заключается в максимальном информировании всех сотрудников УИС (особенно врачей-специалистов, сотрудников оперативно-режимных подразделений и др.) о симптомах конкретных болезней, правилах общения с больными осужденными и пр. для недопущения распространения среди них инфекции. Это можно реализовывать через размещение соответствующей информации на сайтах учреждений и органов УИС, путем повышения квалификации сотрудников УИС, проведения с ними занятий по служебной подготовке и иных подобных мероприятий. При этом должен быть определен особый порядок обращения сотрудников УИС в соответствующие ведомственные медицинские учреждения с целью оперативного исследования состояния их здоровья при наличии подозрений на появление симптомов инфекционных заболеваний.

Можно констатировать, что деятельность практически всех подразделений конкретного ИУ и в целом территориального органа УИС должна быть скорректирована с учетом необходимости реализации системных мер по предотвращению распространения инфекционных заболеваний, включая осуществление ограничительных мероприятий (карантина).

Однако в УИК РФ под карантинным отделением понимается другое – не ограничительная мера в отношении больных лиц по предотвращению распространения инфекционных заболеваний, а место для помещения на срок до 15 суток осужденных, прибывших в ИУ ¹ (ч. 2 ст. 79) без четкого законодательного

¹ См.: Матвеев В. Е., Полянин Н. А. Изучение личности осужденных в карантине // NovaInfo. Ru. 2015. Т. 1. № 30. С. 359–364; Новиков Е. Е. Основные направления работы с осужденными с суицидальным поведением, страдающими алкоголизмом и наркоманией, ВИЧ-инфицированными в карантинных отделениях: теоретический и организационный аспекты // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 108–117; Давыдова Н. В., Дикопольцев Д. Е. Проведение медицинского обследования и наблюдения несовершеннолетних осужденных в карантине ВК // Информация как двигатель научного прогресса : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2017. С. 6–9.

обозначения его медицинского предназначения. Более того, как таковой карантин (в общеупотребимом медицинском значении этого слова), порядок организации изоляции больных и последствия его введения для осужденных и др. вопросы в уголовно-исполнительном законодательстве также не урегулированы. Это свидетельствует об отсутствии у законодателя понимания необходимости решения на законодательном уровне проблемы профилактики эпидемии среди осужденных путем их изоляции в качестве профилактического (или ограничительного) мероприятия.

Это же проявляется и на подзаконном уровне. Так, в соответствии с Приказом Минюста России от 16.12.2016 № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» при выявлении у только прибывших или же уже в карантинном отделении инфекционных заболеваний у осужденных, они немедленно изолируются в медицинскую часть (п. п. 5 и 8), а в ИУ проводится комплекс противоэпидемических мероприятий (п. 8).

Между тем такая изоляция осужденных, как и другие профилактические мероприятия, для недопущения распространения инфекционного заболевания могут в том числе влечь за собой установление различных правоограничений в их отношении. Однако на уровне закона отсутствуют соответствующие нормативные положения и вообще лишь дважды вскользь говорится по поводу проведения противоэпидемических мероприятий:

– администрация ИУ несет ответственность за выполнение установленных санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований, обеспечивающих охрану здоровья осужденных (ч. 3 ст. 101 УИК РФ), т. е. в принципе она может принимать определенные профилактические меры, в том числе направленные на ограничение прав осужденных. Аналогичная ситуация – в ст. 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», согласно которой оказание медицинской помощи и обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия в местах содержания под стражей организуются в соответствии

с законодательством в сфере охраны здоровья, и администрация указанных мест обязана выполнять санитарно-гигиенические требования, обеспечивающие охрану здоровья подозреваемых и обвиняемых;

– выезды осужденных за пределы ИУ не разрешаются, помимо прочего, в случаях проведения противоэпидемических мероприятий (ч. 3 ст. 97 УК РФ).

Вместе с тем представляется, что регулирование профилактических (противоэпидемических) мероприятий, ограничивающих права осужденных, должно осуществляться преимущественно на уровне закона, т. е. в УИК РФ и законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (хотя в последнем нормативном правовом акте вообще ничего по рассматриваемому вопросу не говорится).

Так, по ч. 3 ст. 18 УИК РФ к осужденным к принудительным работам, аресту, лишению свободы, больным алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, ВИЧ-инфицированным осужденным, а также осужденным, больным открытой формой туберкулеза или не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания, учреждением, исполняющим указанные виды наказаний, по решению медицинской комиссии применяется обязательное лечение¹. В целом это законодательное положение обоснованно, так как ориентирует администрации учреждений

¹ См.: Шишков С. Н. Обязательное лечение осужденных, страдающих алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией // Закон и право. 2004. № 9. С. 62; Датий А. В., Трифонов О. И., Хохлов И. В. Обязательное и добровольное лечение подследственных и осужденных, больных наркоманиями и алкоголизмом, в учреждениях уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ. М., 2004; Масленникова Е. А. Применение к осужденным, больным алкоголизмом, мер медицинского характера: общее и особенное // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24). С. 67–74; Адылин Д. М. Правовое положение ВИЧ-инфицированных осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Черные дыры в Российском законодательстве. 2017. № 5. С. 55–57; Скиба А. П., Скорик Е. Н. Об основных и факультативных средствах исправления больных осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 34–38.

и органов, исполняющих наказания, на осуществление профилактических мероприятий в отношении указанных больных осужденных. Их реализация ограничивает права этих осужденных, вплоть до того, что уклонение от обязательного лечения является злостным нарушением осужденными к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания (ч. 1 ст. 116 УИК РФ).

Однако не понятен выбор законодателем указанных болезней в качестве основания для применения обязательного лечения, так как также имеется достаточно большое число других инфекционных заболеваний, представляющих эпидемическую опасность для окружающих, но не требующих по ч. 3 ст. 18 УИК РФ обязательного лечения (коронавирус, сибирская язва, дифтерия, пневмония, тиф, корь, лихорадка и др.).

С точки зрения законодательного ограничения прав осужденных к лишению свободы важное значение имеет режим особых условий по ст. 85 УИК РФ, который вводится в случаях стихийного бедствия, введения в районе расположения ИУ чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных¹. В этом случае может быть приостановлено осуществление некоторых прав осужденных (передвижения осужденных без конвоя или сопровождения, их выездов за пределы ИУ, получения краткосрочных и длительных свиданий, получения посылок, передач и бандеролей и т. п.), введен усиленный вариант охраны и над-

¹ См.: Фефелов В. В. Режим особых условий как элемент обеспечения безопасности в исправительном учреждении. Уфа, 2005; Кулешов М. А. Режим особых условий в исправительном учреждении: основные понятия // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2 (93). С. 82–85; Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / Д. В. Горбань, Ф. В. Грушин, И. А. Давыдова и др.; под общ. ред. А. А. Крымова ; под науч. ред. А. П. Скибы ; Акад. права и управления Фед. службы исполнения наказаний ; журнал «Российский криминологический взгляд». 2-е изд., исправл. и доп. М. : Криминологическая библиотека, 2018; Дергачев А. В., Скиба А. П. Принудительное питание осужденных к лишению свободы: постановка проблемы // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4. С. 119–123.

зора, особый порядок допуска на объекты, изменен распорядок дня, ограничена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных (ч. 2 ст. 85 УИК РФ). Отсутствие ограничения в деятельности медико-санитарных служб УИС в вышеуказанной норме закона свидетельствует о понимании законодателем необходимости поддержания здоровья осужденных и нормальной эпидемиологической обстановки среди них.

Режим особых условий вводится на срок до 30 суток по решению руководителя федерального органа исполнительной власти, осуществляющего правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, либо начальника территориального органа УИС субъекта РФ, согласованному с Генеральным прокурором РФ либо соответствующим прокурором, а в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала или иных лиц начальник ИУ может вводить вышеуказанные меры самостоятельно с немедленным уведомлением должностного лица, правомочного принимать такое решение (ч. ч. 3 и 4 ст. 85 УИК РФ).

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что эпидемия не указана в качестве основания для введения режима особых условий в ИУ, в отличие от СИЗО, согласно ст. 48 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Это позволило, по данным ФСИН России, из-за имеющейся инфекции коронавируса в СИЗО г. Москвы с 31 марта 2020 г. ввести режим особых условий, который состоит в том, что: прием подозреваемых, обвиняемых и осужденных будет осуществлять только СИЗО-7 УФСИН России по г. Москве, во всех СИЗО устанавливаются ограничения на допуск адвокатов и других посетителей, приостанавливается прием посылок и передач, вывоз подозреваемых, обвиняемых и осужденных на судебно-следственные действия и т. п. ¹

¹ См.: http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=503889 (официальный сайт ФСИН России).

В соответствии с указанной нормой данного закона, в случаях стихийных бедствий, эпидемий, эпизоотий, обширных очагов возгораний, крупных аварий систем жизнеобеспечения, массовых беспорядков, захвата заложников и других террористических актов или неповиновения подозреваемых и обвиняемых либо при наличии реальной угрозы вооруженного нападения на места содержания под стражей по решению руководителя федерального органа исполнительной власти, осуществляющего правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, согласованному с Генеральным прокурором Российской Федерации или соответствующими прокурорами, в местах содержания под стражей вводится режим особых условий на срок не более тридцати суток. При введении режима особых условий могут быть ограничены или приостановлены все мероприятия, проводимые с участием подозреваемых и обвиняемых, усиливаются их охрана, пропускной режим и надзор за подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, прекращается прием посылок и передач, а также принимаются другие меры, предусмотренные законом (абз. 2 ст. 48 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»). В случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью подозреваемых и обвиняемых и иных лиц начальник места содержания под стражей может самостоятельно вводить вышеуказанные меры с немедленным уведомлением в зависимости от подчиненности места содержания под стражей руководителя федерального органа исполнительной власти, осуществляющего правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, на территории которого расположено место содержания под стражей, а также соответствующего прокурора.

Обращает также на себя внимание тот факт, что в ст. 48 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматри-

вается возможность принятия других мер, предусмотренных законом (а не законодательством, т. е. в том числе подзаконными актами). Это также подтверждает необходимость определения подобных мер, в первую очередь на законодательном уровне.

Другим же основанием установления режима особых условий в ИУ является введение в районе расположения ИУ чрезвычайного положения.

В соответствии с Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» одним из обстоятельств введения чрезвычайного положения являются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии (ст. 3).

При введении чрезвычайного положение возможно, в соответствии со ст. ст. 11 и 13 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», установление ряда мер и ограничений: введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других мероприятий; усиление охраны общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта; и т. п.

В то же время, если по каким-либо причинам чрезвычайное положение не введено, то режим особых условий в ИУ в случае наступления эпидемии среди населения в районе расположения ИУ введен быть не может и установление соответствующих ограничений, а также проведение профилактических мероприятий в отношении осужденных трудноосуществимо.

В этом случае на уровне уголовно-исполнительного закона отсутствуют необходимые предпосылки эффективного и оперативного реагирования на подобные негативные ситуации со стороны учреждений и органов УИС (что также требует корректировки ст. 85 УИК РФ). При этом неприменение соответствующих мер со стороны сотрудников УИС может привести к ухудшению эпидемиологической ситуации в ИУ, и наоборот – их осуществление позволяет ограничить права осужденных

с возложением на них дополнительных обязанностей, не предусмотренных законом (обе ситуации могут негативно сказаться на нормальной деятельности ИУ).

Поэтому представляется, что основы проведения профилактических (или ограничительных) мероприятий в отношении осужденных к лишению свободы для недопущения дальнейшего распространения эпидемии должны быть закреплены в УИК РФ.

Между тем в отношении лиц, содержащихся в учреждениях УИС, регулирование основных профилактических мер отнесено на подзаконный уровень.

Так, по Приказу Минюста России от 16.12.2016 № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» осужденные обязаны проходить медицинские осмотры и необходимые обследования с целью своевременного обнаружения инфекционных заболеваний (п. 16), осужденные, содержащиеся в карантинном отделении, принимают пищу в общезитии карантина либо в столовой ИУ отдельно от остальных осужденных, а в помещении медико-санитарной части – в специально отведенных для этого местах с учетом их заболевания (п. 32), на период проведения в ИУ противоэпидемических мероприятий или действий ограничительных мероприятий в случаях, предусмотренных ст. 85 УИК РФ, выезды осужденных за его пределы не разрешаются (п. 122), осужденные в карантинных отделениях проходят обязательное медицинское обследование, включающее в себя осмотр врачами-специалистами, рентгено-флюорографическое и лабораторное исследования (п. 126), осужденные, больные инфекционными заболеваниями, содержатся раздельно по видам инфекций и отдельно от больных, проходящих лечение по поводу неинфекционных заболеваний (п. 133) и т. п. Отдельно в указанном акте выделяется дополнительное ограничение права осужденного: при карантине начальник лечебно-профилактического учреждения по письменному заключению лечащего врача и начальника отделения временно приостанавливает предоставление с ним свиданий с иными лицами, кро-

ме адвокатов и лиц, имеющих право на оказание юридической помощи (п. 134).

Таким образом, на подзаконном уровне устанавливаются соответствующая обязанность и дополнительные правоограничения в отношении осужденных при отсутствии соответствующих законодательных положений. Представляется, что эпидемия как основание введения дополнительных правоограничений при проведении противоэпидемических мероприятий и «при карантине», должна быть, в первую очередь, закреплена на уровне закона (т. е. в УИК РФ).

В частности, норма, похожая на одну из вышеуказанных, имеется и в п. 19 Приказа Минюста России от 14.10.2005 № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы», согласно которому больные инфекционными заболеваниями или нуждающиеся в особом медицинском уходе и наблюдении размещаются отдельно от других подозреваемых и обвиняемых, а при выявлении у лиц, поступивших в СИЗО, инфекционных или паразитарных заболеваний, им безотлагательно проводится комплекс противоэпидемических и лечебно-профилактических мероприятий.

Приказ Министерства юстиции РФ от 28 декабря 2017 г. № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» также содержит ряд положений в изучаемой области: лица, заключенные под стражу, или осужденные, прибывшие в СИЗО, при поступлении осматриваются медицинским работником с целью выявления лиц, представляющих эпидемическую опасность для окружающих или нуждающихся в медицинской помощи (п. 23), лица, доставленные в СИЗО, с подозрением на инфекционное заболевание, представляющие эпидемическую опасность для окружающих, после осмотра медицинским работником изолируются в предназначенные для этих целей помещения медицинской части или здравпункта (п. 25), осужденные при поступлении в учреждения УИС осматриваются медицинским работником с целью вы-

явления лиц, представляющих эпидемическую опасность для окружающих или нуждающихся в медицинской помощи (п. 30), лица, заключенные под стражу, или осужденные с инфекционными заболеваниями, представляющие эпидемическую опасность, лица, страдающие заболеваниями, передающимися половым путем, заразными формами паразитарных кожных заболеваний, не завершившие курс лечения, из одного учреждения УИС в другое не переводятся, за исключением перевода для оказания медицинской помощи в медицинских организациях УИС или медицинских организациях (п. 39) и т. п.

В этом случае на подзаконном уровне устанавливается возможность изоляции содержащихся лиц при наличии эпидемической опасности для окружающих в предназначенных для этих целей помещениях медицинской части или в медицинских организациях, в том числе УИС; в этом случае такие помещения выступают неким «карантином» в отношении осужденных.

В определенной мере вышеуказанные и иные недостатки уголовно-исполнительного законодательства частично выполняются положениями Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», по ч. 2 ст. 50 которого при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний должностные лица, осуществляющие федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, имеют право давать гражданам и юридическим лицам предписания, обязательные для исполнения ими в установленные сроки, в том числе о проведении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий.

Кроме того, ст. 1 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» предусмотрены ограничительные мероприятия (карантин), представляющие собой административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств,

грузов, товаров и животных. При этом, согласно ст. 31 данного закона, такие мероприятия (без указания даже их примерного перечня) реализуются в случае угрозы возникновения и распространения инфекционных заболеваний, что регламентируется санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами.

Так, это реализовано и на уровне ФСИН России путем вынесения главным государственным санитарным врачом ФСИН России постановления «О введении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мер, направленных на недопущение возникновения и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», согласно которому с 16 марта 2020 г. в учреждениях территориальных органов ФСИН России и следственных изоляторах ФСИН России запрещен допуск посетителей и сотрудников УИС с повышенной температурой тела, приостановлено предоставление длительных и краткосрочных свиданий, а также введен ряд иных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мер¹.

Однако вышеуказанные нормы Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» лишь создают общую основу (без какой-либо конкретизации) в области проведения санитарно-противоэпидемических (профилактических) и иных мероприятий, в том числе без учета особенностей деятельности учреждений и органов УИС.

В итоге, несмотря на наличие вышеуказанных нормативных положений, по-прежнему открытыми остаются вопросы о возможности введения режима особых условий в ИУ при эпидемии, о как таковом применении карантина в условиях деятельности учреждений УИС (в общеупотребимом медицинском значении этого слова), о возможности осуществления обязательного лечения при выявлении соответствующего инфекционного заболевания, представляющего эпидемическую опасность, об особенностях правового положения таких осужденных, в том

¹ См.: http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=502612 (официальный сайт ФСИН России).

числе возможном ограничении их прав и возложении на них дополнительных обязанностей при изоляции и реализации других профилактических мероприятий, и т. д.

Представляется, что до урегулирования указанных вопросов в уголовно-исполнительном законодательстве соответствующие учреждения и органы УИС должны быть потенциально готовы к массовому применению соответствующих профилактических мероприятий, в том числе путем реализации вышеприведенных рекомендаций практического характера в деятельности оперативно-режимных, медицинских и иных подразделений УИС, включая изоляцию осужденных с инфекционными заболеваниями, представляющими эпидемическую опасность для окружающих, в отдельных отрядах или же конкретных учреждениях для недопущения дальнейшего распространения эпидемии.

ГЛАВА 3. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ И ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

§ 3.1. Международные правовые акты о правах человека в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения

В настоящее время уголовно-исполнительное законодательство России предусматривает следующие основания введения режима особых условий, в рамках которого возможно ограничение некоторых субъективных прав осужденных (предусмотренных ст. ст. 88–97 УИК РФ):

- в случаях стихийного бедствия;
- введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения;
- при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осуждённых в исправительном учреждении.

В целом правовой режим чрезвычайного положения заключается в расширении круга обязанностей и пределов компетенции существующих органов государственной власти и управления по охране общественного порядка и нормализации обстановки либо возложении этих обязанностей и предоставленных прав на специально создаваемые для этого органы, а также в усилении ответственности граждан и должностных лиц за неисполнение обязанностей, которые возлагаются на них с введением чрезвычайного положения. При этом отступления от существующего правового режима допускаются лишь в определенных рамках, не противоречащих международно-правовым актам, а также вытекающих из сущности и назначения чрезвычайного положения.

Введение отдельных видов правовых режимов, определенным образом ограничивающих правовое положение граждан, в том числе чрезвычайного положения, регламентируется как на уровне международного, так и национального законодательства. Так, один из основополагающих международных правовых актов «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) содержит следующие положения относительно ограничений основных прав: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Осуществление этих прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций».

В Международном пакте о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) определено, что «во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участвующие в настоящем Пакте государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящему Пакту только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения».

Даже во время чрезвычайного положения в государстве никто не может быть признан виновным в совершении уголовного преступления, которое согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или по международному праву не являлось уголовным преступлением. Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на

признание его правосубъектности. Сохраняется право на свободу мысли, совести и религии.

Любое участвующее в Пакте государство, использующее право отступления, должно немедленно информировать другие государства, участвующие в Пакте, через посредство Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о положениях, от которых оно отступило, и о причинах, побудивших к такому решению. Также должно быть сделано сообщение через того же посредника о той дате, когда оно прекращает такое отступление».

Определенное внимание отступлению от обязательств в период чрезвычайных ситуаций уделено в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950). В данном международном правовом акте отмечается: «В случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от ее обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву».

Это положение не может служить основанием для какого бы то ни было отступления от положений тех статей Конвенции, в которых гарантируется право на жизнь, защита от пыток, рабства и принудительного труда, а также применение наказания исключительно на основании закона.

Любая из Высоких Договаривающихся Сторон, использующая право отступления, исчерпывающим образом информирует Генерального секретаря Совета Европы о введенных ею мерах и о причинах их принятия. Она также ставит в известность Генерального секретаря Совета Европы о дате прекращения действия таких мер и возобновлении осуществления положений Конвенции в полном объеме.

В отдельных международных правовых документах имеется четкое указание на невозможность отклонения от предусмотренных в них положений, касающихся защиты осужденных. Так, например, в Принципах медицинской этики, отно-

сящихся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Приняты резолюцией 37/194 Генеральной Ассамблеи от 18.12.1982), напрямую указано, что «не может быть никаких отклонений от вышеизложенных принципов ни на каких основаниях, включая чрезвычайное положение».

В Конвенции «О правах инвалидов» (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 № 61/106) закреплена отдельная статья «Ситуации риска и чрезвычайные гуманитарные ситуации», в которой дополнительно гарантируется защита и обеспечение безопасности инвалидов в рассматриваемых ситуациях: «Государства-участники принимают в соответствии со своими обязательствами по международному праву, включая международное гуманитарное право и международное право прав человека, все необходимые меры для обеспечения защиты и безопасности инвалидов в ситуациях риска, включая вооруженные конфликты, чрезвычайные гуманитарные ситуации и стихийные бедствия».

В ратифицированных международных нормативных правовых актах институт чрезвычайного положения затронут лишь частично. Большую роль в раскрытии его содержания играют иные документы, хотя и не имеющие официального статуса, но пользующиеся авторитетом в мировом сообществе.

К таким документам относятся «Минимальные стандарты норм об основных правах человека при исключительном положении» (приняты в 1984 г. на Парижской конференции Международной ассоциации юристов), «Принципы защиты прав и свобод граждан в условиях действия чрезвычайного законодательства» (сформулированные в 1982 г. на заседании Экономического и Социального Совета ООН), «Сиракузские принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политических правах» (приняты по итогам Конференции, проведенной ООН в 1984 году в городе Сиракузы).

Так, Минимальные стандарты норм об основных правах человека при исключительном положении отражают практически все стороны института чрезвычайного положения. Можно выделить следующие основные принципы:

- провозглашение чрезвычайного положения, которое официально объявляется и в зависимости от обстановки распространяется на всю территорию государства или ее часть, может быть оправдано лишь действительным наличием критической ситуации для государства или общества, угрожающей жизни нации;

- все нормы, регулирующие чрезвычайное положение, должны быть закреплены в национальном законодательстве заранее, до объявления чрезвычайного положения;

- в конституции каждого государства должна быть определена процедура объявления чрезвычайного положения. В случае если исполнительная власть имеет возможность компетентно объявлять о введении чрезвычайного положения, подтверждение об этом законодательной властью должно быть осуществлено в возможно короткие сроки;

- заявление о сроках чрезвычайного положения никогда не должно переходить границы того периода, строго требуемого для восстановления нормальной обстановки, причем максимальный срок действия чрезвычайного положения (исключая случаи военной агрессии) узаконивается конституцией;

- законодательная власть должна в равной степени иметь право аннулировать как решение о введении чрезвычайного положения, так и возможность изменить срок его действия. Каждое продление срока чрезвычайного положения должно утверждаться органом законодательной власти и декларироваться до момента истечения первоначально определенного срока;

- в период чрезвычайного положения законодательные функции должны оставаться нетронутыми, независимо от применения ограничительных мер. Если подошел срок перевыборов, то он переносится до нормализации обстановки и возможности организации выборов, согласно конституции;

- чрезвычайное положение не может служить основанием для отступления государства от положений ст. 6–8 (п. 1 и 2), 11,

15, 16 и 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (принцип недопустимости посягательств на «абсолютные права и свободы»);

– высшие судебные органы (органы конституционного контроля) должны обладать соответствующими полномочиями для того, чтобы решить: соответствует ли законодательство о чрезвычайном положении конституции государства; соответствует ли акт о введении чрезвычайного положения и принимаемых мерах национальному законодательству. Названные органы должны обеспечить недопустимость вторжения в сферу «абсолютных прав» граждан и соблюдение принципа пропорциональности в отношении мер, ущемляющих права и свободы;

– у органа конституционного контроля должны быть широкие полномочия по объявлению какой-либо чрезвычайной меры (законодательного или исполнительного характера) или какого-либо акта по их применению потерявшими законную силу, если они не отвечают требованиям конституции или законодательству о чрезвычайном положении;

– акты, принятые для обеспечения режима чрезвычайного положения, должны утрачивать силу одновременно с его прекращением без специального о том уведомления;

– отмена чрезвычайного положения влечет за собой автоматическое восстановление всех прав и свобод, которые были отменены (ограничены), и никакие чрезвычайные меры не должны сохраняться.

Что касается содержания Сиракузских принципов, то следует обратить внимание на общие принципы толкования, касающиеся допустимости ограничений:

1. Никакие ограничения или основания для применения их в отношении прав, гарантированных Международным пактом о гражданских и политических правах (далее – Пакт), недопустимы, кроме тех, которые содержатся в самом Пакте.

2. Степень ограничения, предусмотренная в Пакте, не должна толковаться таким образом, чтобы угрожать тем самым существованию соответствующего права.

3. Всякая ограничительная оговорка должна толковаться в установленных пределах и в пользу соответствующего права.

4. Всекие ограничения должны толковаться в свете и в контексте того отдельного права, о котором идет речь.

5. Всекие ограничения права, признанные Пактом, должны быть предусмотрены в законе и должны соответствовать объекту и целям Пакта.

6. Никакие ограничения, предусмотренные в Пакте, не должны применяться с иной целью, чем та, для которой они введены.

7. Ни одно ограничение не должно применяться произвольно.

8. Любое ограничение должно предусматривать возможность обжалования и применения средств судебной защиты против злоупотребления в ее применении.

9. Никакое ограничение права, признанного в Пакте, не должно умалять значение п. 1 ст. 2 Пакта (о запрете дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических убеждений и др.).

10. Если в соответствии с Пактом ограничение «необходимо», то этот термин означает, что ограничение: а) базируется на одном из обоснованных ограничений, предусмотренных соответствующей статьей Пакта; б) вызвано общественной или социальной потребностью; в) преследует законную цель; г) соразмерно с такой целью.

11. Государство, применяя ограничение, не должно идти дальше того, чем это требуется для достижения цели ограничения.

12. Бремя доказывания правомерности ограничения в пользовании правом, гарантированного Пактом, лежит на государстве.

13. Требования, содержащиеся в ст. 12 Пакта, о том, что всякое ограничение должно быть совместимо с признаваемыми в Пакте другими правами, распространяются на ограничения других прав, предусмотренных в Пакте.

14. Ограничительные оговорки Пакта не должны толковаться как ограничивающие пользование любым другим правом, предоставляемым в большем объеме другим международным обязательством государства.

По мнению ряда авторов, в Сиракузских принципах «лишь обобщаются действующие международно-правовые нормы, регламентирующие возможность ограничения прав человека. К тому же вопрос этот имеет столь принципиальное значение, что нуждается в конвенциональной разработке¹. В развитие этой мысли С. В. Лебедем высказано предложение о подготовке международной конвенции «О правах человека в условиях чрезвычайного положения»².

Если говорить о международных правовых актах, которые содержат определенные положения, применяемые в период стихийных бедствий, чрезвычайного и военного положения, то следует, прежде всего, начать с рассмотрения подобных международных актов, касающихся стихийных бедствий.

Международное сотрудничество в сфере борьбы со стихийными бедствиями осуществляется по следующим направлениям:

1. Заключение межгосударственных соглашений о сотрудничестве. Одним из шагов в данном направлении было создание в 1971 году Бюро ООН по предоставлению помощи пострадавшим от стихийных бедствий (в настоящее время – Управление ООН по координации гуманитарной деятельности) с целью координации деятельности всех возможных сил и средств во время бедствия. Кроме того, на уровне ООН разрабатывалась концепция подготовки к стихийным бедствиям, которая включала такие аспекты, как обучение персонала для работы в условиях стихии, повышение эффективности спасательных работ, осуществление мероприятий по ликвидации последствий стихийных бедствий и восстановлению жизни на территории пострадавших регионов.

2. Выработка международных документов рекомендательного характера (резолюций, деклараций, итоговых документов и т. п.), положения которых многие государства приняли на себя как международные обязательства и разработали соответствующие

¹ См.: Бахин С. В. О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях // Правоведение. 1991. № 2. С. 45–46.

² См.: Лебедь С. В. Международно-правовые основы обеспечения прав человека в условиях чрезвычайного положения : дис. ... канд. юрид. наук. М. : РУДН, 2003. С. 6, 14.

национальные правовые и организационные механизмы. Так, в 1998 году была подписана Конвенция о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи. На 56-й сессии ГА ООН была принята Резолюция № 56/195 «Международная стратегия уменьшения опасности бедствий». В соответствии с положениями резолюции уменьшение опасности бедствий должно рассматриваться как одна из важных функций ООН.

Если вести речь о других направлениях международного сотрудничества в рассматриваемой сфере, то определенное внимание на международном уровне уделяется проблемам, связанным с ликвидацией последствий катастроф, которыми занимались такие организации, как Международная федерация Красного Креста и Красного Полумесяца или национальные органы гражданской обороны.

Аварии и катастрофы происходят как и по технологическим причинам, так и могут быть вызваны опасными природными явлениями – землетрясениями, ураганами, штормами и др. Техногенные аварии и катастрофы сопровождаются, в частности, радиационным и химическим загрязнением, взрывами, пожарами, обрушениями.

Направлениями международного сотрудничества в сфере борьбы с авариями и катастрофами являются:

1. Использование научно-технических достижений и обмен опытом.

2. Введение добровольных и обязательных правил с целью предупреждения аналогичных случаев. Так, в 1982 году была принята Европейская директива по опасности возникновения крупных аварий в отдельных отраслях промышленности. Международная организация труда в 1993 году разработала также Конвенцию по предупреждению крупных промышленных аварий и Рекомендации по предупреждению крупных промышленных аварий.

После Чернобыльской аварии были приняты Конвенция по оказанию помощи в случае ядерной аварии или радиационной чрезвычайной ситуации и Конвенция по раннему оповещению в случае ядерной аварии. В 1994 году издана Конвенция по

ядерной безопасности, в 1997 году – Единая конвенция по безопасному управлению отработанным топливом и радиоактивными отходами, в 1998 году – Конвенция о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи, а в 2001 году – в рамках СНГ Конвенция о промышленной безопасности.

Шестнадцатого декабря 2002 года Генеральной Ассамблеей ООН была утверждена резолюция «Повышение эффективности и укрепление координации международной помощи при проведении поисково-спасательных операций в городах».

К международным правовым актам, касающимся бедствий, в целом относятся: Конвенция о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи от 1998 года (Конвенция Тампере), Рамочная конвенция по оказанию помощи в области гражданской обороны от 2000 года, принятая в рамках Международной организации гражданской обороны.

Вторую группу международных соглашений составляют договоры регионального характера: Межамериканская конвенция об облегчении оказания помощи в случае бедствий от 1991 года, Открытое частичное соглашение Совета Европы по прогнозированию, предотвращению и оказанию помощи в случае природных и техногенных катастроф от 1987 года; Соглашение между правительствами государств – участников Черноморского экономического сотрудничества о взаимодействии при оказании чрезвычайной помощи и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера от 1998 года; Соглашение между государствами – членами Ассоциации карибских государств и ее ассоциированными членами о региональном сотрудничестве в отношении стихийных бедствий от 1999 года; Соглашение АСЕАН о преодолении бедствий и ликвидации чрезвычайных ситуаций от 2005 года и др.

Третью группу представляют собой соглашения в сфере техногенных катастроф: Конвенция МОТ по предупреждению крупных промышленных аварий от 1993 года, Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий от 1992

года, Конвенция о помощи в случае ядерной или радиационной аварийной ситуации, Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии, Конвенция по ядерной безопасности от 1994 года, Конвенция СНГ о промышленной безопасности от 2001 года и др.

Рамочная Конвенция по оказанию помощи в области гражданской обороны от 2000 года регламентирует следующие специальные принципы:

– может предоставляться только та помощь, которая была запрошена принимающим государством или которая была предложена помогающим государством и одобрена принимающим государством;

– все предложения по оказанию помощи должны уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность принимающего государства, а также принцип невмешательства во внутренние дела этого государства, не нарушая при этом его традиций и обычаев. Предложение по оказанию помощи не должно рассматриваться как вмешательство во внутренние дела принимающего государства;

– помощь должна предоставляться без каких-либо ограничений, в частности расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или других убеждений, национального или социального происхождения, благосостояния, места рождения или других обстоятельств;

– помощь должна предоставляться в духе гуманности, солидарности и беспристрастности;

– рассмотрение предложений помощи и просьб об ее оказании и принятие решений по ним должны осуществляться в кратчайшие сроки государствами, которым они адресованы ¹.

Самостоятельным направлением международного сотрудничества является выработка международных документов в сфере вооруженных конфликтов.

Международно-правовые акты, касающиеся вооруженных конфликтов, регулирующие отношения государств и других

¹ См.: Лисаускайте В. В. Международное право чрезвычайных ситуаций как новая отрасль международного права // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362 (сентябрь). С. 133–137.

субъектов международного права в период ведения военных действий, запрещающие или ограничивающие средства ведения войны, предусматривающие гуманизацию ее методов в целях защиты жертв вооруженных конфликтов, разрабатывались с XIX века, начиная с Петербургской декларации от 1868 года об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль и комплекса Гаагских конвенций от 1899 и от 1907 годов, в том числе о неупотреблении определенных видов пуль и снарядов, о законах и обычаях сухопутной и морской войны. В настоящее время это Женевские конвенции от 1949 года о защите жертв войны: 1) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, 2) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, 3) об обращении с военнопленными, 4) о защите гражданского населения во время войны; Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям от 1977 года: о защите жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), о защите жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II); Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 1954 года.

Государствами принимаются конвенции: запрещающие оружие массового уничтожения (Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 1972 года, Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении от 1993 года) либо запрещающие или ограничивающие применение в военных действиях определенных видов обычного оружия (Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, от 1981 года), и протоколы к этой Конвенции (о необнаруживаемых осколках, о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств, о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия).

Важное значение имеет деятельность ООН, которая приняла: Основные принципы правового режима комбатантов, бо-

рющихся против колониального и иностранного господства и расистских режимов (1973 г.); Декларацию о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов (1974 г.); Основные принципы защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов (1970 г.); Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества (1973 г.).

Международное право вооруженных конфликтов регулирует вопросы уголовной ответственности за агрессию и за нарушение норм права вооруженных конфликтов: Устав Международного военного трибунала (1945 г.); Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.); Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (1968 г.); резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о выдаче и наказании военных преступников (1946 г.) и о наказании военных преступников и лиц, совершивших преступления против человечества (1970 г.). К числу региональных договоров относится заключенное в рамках СНГ Соглашение о первоочередных мерах по защите жертв вооруженных конфликтов от 1993 года.

Государства обязаны следить за соблюдением принципов права вооруженных конфликтов:

1) принципа гуманности, запрещающего воюющим сторонам применять военное насилие, которое не оправдывается военной необходимостью. Он охватывает все сферы вооруженной борьбы, касающиеся как средств и методов ее ведения, так и средств и методов защиты жертв войны;

2) принципа недопустимости дискриминации, обязывающего воюющие стороны обращаться с индивидами, пользующимися покровительством гуманитарных конвенций, при любых обстоятельствах без всякого различия на основе характера или происхождения вооруженного конфликта, на основе причин, которые воюющие стороны приводят в свое оправдание или ссылаются на них, без всякой дискриминации по причи-

нам расы, цвета кожи, религии, пола, имущественного положения;

3) принципа ответственности за нарушение норм международного права, включающего: а) международно-правовую ответственность государств; б) уголовную ответственность физических лиц;

4) принципа ограничения воюющих в выборе средств и методов вооруженной борьбы;

5) принципа разграничения военных и гражданских объектов;

6) принципа защиты участников вооруженной борьбы, а также гражданского населения.

Нарушение положений, содержащихся в международных правовых актах, касающихся ограничений прав граждан при исключительных (чрезвычайных) обстоятельствах, неоднократно становилось предметом разбирательства в Европейском суде по правам человека. Исследованию при рассмотрении таких дел подвергались следующие вопросы:

а) основания ограничения прав и свобод граждан в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации (т. е. фактически в условиях особых правовых режимов), в соответствии с п. 1 ст. 15 Конвенции;

б) соблюдение принципа соразмерности принимаемых мер по ограничению прав и свобод граждан в период действия особых правовых режимов в соответствии с п. 1 ст. 15 Конвенции;

в) невозможность отступлений от положений некоторых норм Конвенции (ст. ст. 2, 3, п. 1 ст. 4, ст. 7) в соответствии с п. 2 ст. 15 Конвенции;

г) условия ограничения конкретных прав и свобод в соответствии с отдельными статьями Конвенции, не указанными в п. 2 ст. 15 Конвенции.

Так, в постановлении Европейского суда от 26 мая 1993 года по делу «Бранниган и Макбрайд против Соединенного Королевства» в п. п. 43, 47 и 54 с учетом предыдущей практики Европейского суда и Европейской комиссии (решения от 1 июля 1961 года по делу «Лоулесс против Ирландии» и от 18 января

1978 года по делу «Ирландия против Соединенного Королевства») была сформулирована следующая позиция ЕСПЧ:

1) каждое государство-участник ответственно за «жизнь нации», и ему надлежит определять, угрожает ли обществу опасность, и если угрожает, то какие меры должны быть приняты для ее устранения. Непосредственно и постоянно сталкиваясь с опасными реалиями, национальные власти находятся в принципе в лучшем положении, чем международный судья, для того чтобы определить наличие опасности, характер и степень отступлений от обязательств, необходимых для ее преодоления. Поэтому в этом вопросе широкая свобода усмотрения должна быть предоставлена национальным властям;

2) однако государства-участники не пользуются неограниченной свободой усмотрения. Именно Европейскому суду предстоит решать *inter alia*, превысило ли государство «ту степень мер, в какой они продиктованы чрезвычайностью обстоятельств» в условиях кризиса. Поэтому свобода усмотрения государств сопровождается европейским контролем;

3) при осуществлении контроля Европейский суд исходит из необходимости учета таких важных факторов ситуации, как:

а) характер прав, на которые распространяется отступление от обязательств, б) причины, приведшие к чрезвычайному положению, в) длительность чрезвычайного положения;

4) действительность отступления от положений Конвенции не может быть оспорена в силу лишь той причины, что национальные власти решили изучить, мог ли быть найден в будущем способ обеспечить большее соответствие обязательствам по Конвенции. Такой постоянный процесс осмысливания ситуации соответствует смыслу п. 3 ст. 15 Конвенции, исходя из которого требуется постоянно проверять сохранение необходимости в чрезвычайных мерах.

Исходя из решений ЕСПЧ в рассматриваемой сфере можно отметить, что для правильного применения ст. 15 Конвенции необходимо, чтобы:

- опасность была реальной или же неотвратимой;
- последствия охватывали все государство;
- нормальное течение жизни общества находилось под угрозой;

– кризис или опасность были чрезвычайными, в связи с чем обычные меры и ограничения, предусмотренные Конвенцией для поддержания порядка, являлись бы неприемлемыми.

В целом анализ практики Европейского суда позволяет сделать следующие основные выводы ¹:

1) полномочия по определению оснований ограничения прав и свобод граждан в условиях чрезвычайной ситуации относятся к исключительной компетенции национальных властей, поскольку, национальные власти более компетентны, чем наднациональные, в оценке необходимости и социального воздействия этих мер, в связи с чем и обладают определенной свободой усмотрения. При этом, однако, опасность для нормального функционирования общества, вызывающая необходимость ограничения прав и свобод граждан, должна быть реальной или же неотвратимой;

2) свобода усмотрения национальных властей ограничивается контролем со стороны Европейского суда, задачей которого является определение действительной необходимости, разумности и пропорциональности мер по ограничению прав и свобод граждан;

3) основными критериями, которыми руководствуется Европейский суд при осуществлении контроля, являются:

а) характер прав, на которые распространяется отступление от обязательств;

б) основания введения чрезвычайного положения;

в) длительность чрезвычайного положения;

4) полная невозможность ограничения прав и свобод граждан, перечисленных в п. 2 ст. 15 Конвенции;

5) поддержка принимаемых государствами-участниками в соответствии со ст. 15 Конвенции мер по ограничению прав и свобод граждан в случае их соответствия вышеназванным критериям и осуществления в рамках требований, предъявляемых Европейским судом.

Таким образом, рассмотрев международные правовые акты, действующие в условиях чрезвычайного положения, чрезвычайного

¹ См.: Пчелинцев С. В. Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 416.

чайной ситуации и вооруженных конфликтов, можно сделать вывод о том, что они в основном касаются условий ограничения прав и свобод граждан, находящихся на данной территории при введении особого правового режима, либо регулируют порядок оказания помощи в соответствующих ситуациях в рамках международного сотрудничества. Однако необходимо констатировать, что указанные международные документы лишь косвенно касаются ограничения прав и законных интересов осужденных в подобной правовой ситуации, отсутствуют четкая регламентация действий администрации исправительных учреждений и осужденных при введении соответствующих правовых режимов.

§ 3.2. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: зарубежное регулирование

Внезапно возникающие экстремальные ситуации требуют немедленного реагирования на них со стороны органов государственной власти с целью улучшения управляемости и скорейшей ликвидации их последствий. Это выражается во временном расширении полномочий субъектов управления, ограничении и приостановлении прав населения и организаций.

С целью соблюдения прав человека международные документы установили правовые гарантии в виде общих положений, фиксирующих пределы ограничений и приостановлений прав человека.

На основании международных документов государства в своих национальных законодательствах постарались учесть международные стандарты. Мы обратим внимание на национальные акты участников Содружества Независимых Государств, а также отдельных стран – членов Европейского Союза.

Законодательство стран Содружества, закрепляющее общественные отношения в условиях экстремальных ситуаций, принципиальным образом не отличается. Как правило, в конституциях государств определяются различные виды экстремальных

ситуаций в контексте приостановления прав и свобод личности в этот период, устанавливаются полномочия высших государственных органов. В отдельных случаях основания введения режима особых условий являются конституционными нормами (Азербайджан), в других – соответствующее законодательство не разработано (Узбекистан). Однако чаще всего данные основания вместе с правовыми условиями жизнедеятельности населения при возникновении экстремальных ситуаций фиксируются в специально принятых законах (конституционных законах) и детализируются подзаконными актами.

Законодательству на территории СНГ известны следующие виды экстремальных ситуаций: чрезвычайная ситуация, чрезвычайное, осадное, особое, военное положение.

1. Чрезвычайная ситуация. Большинство законов определяет чрезвычайную ситуацию как обстановку, сложившуюся на определенной территории в результате таких обстоятельств, которые повлекли или могут повлечь человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. Среди обстоятельств называется:

- авария (Казахстан, Молдова, Таджикистан), крупная авария (Армения), промышленная авария (Беларусь);
- опасное природное явление (Армения, Беларусь, Казахстан, Молдова);
- катастрофа (Беларусь, Казахстан, Молдова, Таджикистан), техногенная, стихийная, экологическая катастрофа (Армения);
- стихийное или иное бедствие (Беларусь, Казахстан, Молдова, Таджикистан);
- эпидемия, эпизоотия (Армения, Таджикистан), эпифитотия (Армения);
- пожар (Казахстан);
- вредное воздействие опасных производственных факторов (Казахстан);
- применение видов оружия (Армения).

Законодательством многих стран устанавливаются различные критерии для классификации чрезвычайных ситуаций, например, в зависимости от территории, сферы возникновения

и так далее. Наиболее распространенными является выделение следующих видов чрезвычайных ситуаций:

– природного характера (Беларусь, Казахстан, Молдова), то есть состояние или обстановка, сложившаяся в природе;

– техногенного характера (Беларусь, Казахстан, Молдова), то есть состояние или обстановка, сложившаяся на производственном объекте;

– социального характера (Кыргызстан, Казахстан), то есть обстановка, сложившаяся в связи с массовым переходом Государственной границы с территорией сопредельных государств; попытками насильственного изменения конституционного строя; актами терроризма; действиями, направленными на насильственный захват власти или насильственное удержание власти; массовыми беспорядками, межнациональными и межконфессиональными конфликтами; блокадой или захватом отдельных местностей, особо важных и стратегических объектов; подготовкой и деятельностью незаконных вооруженных формирований; вооруженным мятежом; диверсией; провокационными действиями со стороны других государств с целью навязывания вооруженного конфликта; нарушением территориальной целостности;

– военного и социально-политического характера (Беларусь), то есть беспорядки, сопровождающиеся насилием либо угрозой насилия со стороны группы лиц и организаций, в результате которых возникает опасность для жизни и здоровья людей, территориальной целостности и существования государства;

– биологического характера (Кыргызстан), биолого-социального характера (Молдова), то есть состояние, при котором в результате возникновения источника биологической или биолого-социальной чрезвычайной ситуации на определенной территории нарушаются нормальные условия жизни и деятельности людей, существования сельскохозяйственных животных и произрастания растений, возникает угроза жизни и здоровью людей, широкого распространения инфекционных болезней, потерь сельскохозяйственных животных и растений; эпидемии, эпизоотии, эпифитотии.

2. Чрезвычайное положение – еще один вид экстремальной ситуации. Рассматривается как временный правовой режим де-

тельности государственных органов (Армения, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Украина), совокупность мер (Молдова), допускающих ограничение (приостановление) отдельных прав и свобод проживающего населения и возложение на него дополнительных обязанностей. Анализ нормативно-правовых документов позволяет нам выделить два основания введения режима чрезвычайного положения. Первое основание представлено чрезвычайными ситуациями, связанными с опасностью для человека, общества и государства в результате природных, биологических или антропогенных факторов. В законодательстве они именуется чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера (Армения, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Молдова). Второе основание составляют ситуации, связанные с опасностью для человека, общества и государства в результате воздействия социальных, социально-политических факторов, которые формулируются как в общем виде, например угроза для национальной безопасности или конституционного порядка (Молдова), так и в форме конкретных проявлений (все остальные государства). К ним относят мятеж, переворот, попытки смены конституционного строя, массовые беспорядки, национальные и религиозные конфликты, террористические акты, блокирование различных объектов, нарушение территориальной целостности и другие. В законодательстве различных государств указанный перечень не одинаков и может включать в себя также и иные основания. Так, в Армении в качестве основания введения чрезвычайного положения выступает создание и деятельность незаконных вооруженных формирований, в Казахстане – диверсия, на Украине – массовый переход государственной границы с территории сопредельных государств. Кроме того, отличается срок введения, характер ограничений и дополнительных обязанностей, возлагаемых на население и организации.

3. Особое положение – вид экстремальной ситуации, которая предусматривается в законодательстве Республики Казахстан. Режим особого положения предусматривает введение меньших по содержанию и объему ограничений прав физических и юридических лиц, поскольку условием ее ве-

дения являются все иные менее интенсивные ситуации, не подходящие под режимы чрезвычайного и военного положения. Примером такой ситуации является закрепленная в ст. 173 Экологического кодекса Республики Казахстан от 9 января 2007 года № 212 чрезвычайная экологическая ситуация, возникшая в связи с хозяйственной и иной деятельностью или естественными природными процессами, которая приводит к устойчивым отрицательным изменениям в окружающей среде, угрожающим здоровью населения, состоянию естественных экологических систем, генетических фондов растений и животных, а также экологического бедствия. При установлении на определенной территории правовых режимов чрезвычайной экологической ситуации и экологическому бедствию могут вводиться различные ограничительные мероприятия, например отселение, установление карантина, особого режима въезда и выезда и т. д. Также установление карантина в соответствии с Кодексом Республики Казахстан от 18.09.2009 «О здоровье народа и системе здравоохранения» предусматривает особый режим предпринимательской и (или) иной деятельности. Эти и другие примеры и составляют содержание особого режима.

4. Осадное положение – еще одна уникальная для стран Содружества экстремальная ситуация. Закреплена в законодательстве Молдовы. Представляет собой режим, вводимый в целях повышения боеспособности войск, а также готовности населения, экономики и соответствующей территории в случае неизбежности вооруженной агрессии. Он предполагает закрытие государственной границы, ограничение движения транспорта, запрещение резервистам покидать постоянное место жительства без разрешения.

5. Военное положение (все государства) как разновидность экстремальной ситуации рассматривается во многих государствах в качестве временного правового режима, который предполагает наибольший объем ограничений и дополнительных обязанностей в условиях организации жизнедеятельности территории, как правило, органами военного управления. Государственный и местные органы власти при

этом функционируют в части полномочий, не переданных вооруженным силам.

Заметим при этом, что в законодательстве об экстремальных ситуациях не содержится конкретных норм, регламентирующих деятельность системы исполнения уголовных наказаний. Имеется лишь закрепление общих положений о координации действий правоохранительных органов, о взаимодействии их друг с другом. Вместе с тем в уголовно-исполнительном законодательстве такие нормы присутствуют.

Вообще, уголовно-исполнительное законодательство всех государств, входящих в СНГ, обладает значительным сходством. Это связано не только с общим правовым полем, длительное время действовавшим на территории СССР и Союзных Республик, но и принятием в Санкт-Петербурге в 1996 году на Восьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ рекомендательного законодательного акта – Модели уголовно-исполнительного кодекса. Данный документ был положен в основу для подготовки и принятия национальных уголовно-исполнительных кодексов независимых государств.

В настоящее время, спустя более чем двадцать лет, в уголовно-исполнительных кодексах (или иных аналогичных нормативных правовых актах в данной области с другим названием, в частности Кодекса по исполнению уголовных наказаний (КИУН) Кыргызской Республики, Республики Азербайджан, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан, Республики Узбекистан и других в части режима особых условий формулировки Модельного уголовно-исполнительного кодекса в основном повторяются и являются близкими по тексту.

Вместе с тем в указанных государствах правовое регулирование отношений, касающихся режима особых условий в ИУ, находит свое выражение, продолжение и развитие в подзаконных актах, например:

– при установлении срока введения режима особых условий (Республика Азербайджан);

- определении конкретных должностных лиц, полномочных вводить режим особых условий (Республика Азербайджан, Республика Армения, Республика Казахстан, Украина);
- закреплении прав, подлежащих ограничению (Республика Армения, Республика Беларусь);
- регулировании порядка ввода режима особых условий (Республика Казахстан).

Названные положения закрепляются в документах, регламентирующих внутренний распорядок, либо специально принятых в этой области актах.

В Модельном кодексе содержится отдельная ст. 81 «Режим особых условий в исправительных учреждениях», в которой закреплены четыре важных положения: основания введения данного режима; его содержание; срок действия; круг должностных лиц, полномочных вводить режим особых условий.

Все без исключения уголовно-исполнительные кодексы государств – участников СНГ содержат в качестве самостоятельной статьи нормы о режиме особых условий, однако называются они по-разному:

- режим особых условий (Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан, Украина);
- особый режим (Республика Молдова);
- режим особого положения (Республика Беларусь);
- особое положение (Республика Узбекистан);
- особые условия содержания (Республика Азербайджан);
- чрезвычайная ситуация (Республика Армения).

Дополнительная статья – режим особых условий в дисциплинарной воинской части (ст. 171) – содержится в Кодексе исполнения уголовных наказаний (КИУН) Республики Таджикистан. Указанные статьи кодексов имеют общую структуру и примерно одинаковый объем.

Ни в одном кодексе не дается понятия режима особых условий, но указывается, что он *может быть введен* (Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан, Республика Узбекистан); *может быть объявлен* (Республика

Армения), могут быть применены специальные условия (Республика Азербайджан).

В Приказе МВД Республики Казахстан от 14 августа 2014 года № 510 «Об утверждении Правил ввода режима особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы» уточнена цель введения режима особых условий – стабилизация оперативной обстановки, пресечение противоправных действий осужденных, восстановление законности и порядка, а также создание условий, необходимых для проведения неотложных спасательных и аварийных работ. Определены также основные задачи режима особых условий: возвращение учреждения к нормальной жизнедеятельности, пресечение противоправных действий со стороны осужденных, обеспечение безопасности персонала учреждения, осужденных и лиц, проживающих на прилегающей к учреждению территории, а также ликвидация последствий стихийных бедствий, катастроф, аварий и пожаров.

Первая часть соответствующей статьи кодексов стран СНГ содер­жит основания введения режима особых условий (табл. 1).

Таблица 1 – Основания введения режима особых условий в странах СНГ

Республика Азербайджан (ст. 77)	В случаях массовых беспорядков, угрожающих безопасности жизни и здоровью руководства учреждения, персонала или осужденных, а также при природных бедствиях или в других чрезвычайных случаях [...] могут быть применены специальные условия содержания или осужденные могут быть переведены в учреждения по отбыванию наказания такого же режима
Республика Армения (ст. 71)	В случаях стихийных бедствий, чрезвычайной ситуации в районе местоположения исправительного учреждения, военного положения, массовых беспорядков, а также массового неподчинения осужденных, реальной угрозы нападения на исправительное учреждение в исправительном учреждении может быть объявлена чрезвычайная ситуация

Республика Беларусь (ст. 76)	В случае стихийных бедствий, групповых отказов осужденных от работы, приема пищи, иных неповиновений, а равно групповых действий, грубо нарушающих внутренний распорядок [...]
Республика Казахстан (ст. 101)	В случаях стихийного бедствия, введения в районе дислокации учреждения чрезвычайного, особого или военного положения, при массовых беспорядках, а также групповом неповиновении осужденных в учреждении может быть введен режим особых условий
Кыргызская Республика (ст. 85)	При стихийном бедствии, введении в районе дислокации исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий
Республика Молдова (ст. 220)	В случае стихийных бедствий, эпидемий, эпизоотий, аварий, массовых беспорядков, группового неповиновения осужденных, захвата заложников, внешней конъюнктуры, войны или других форс-мажорных обстоятельств, ставящих под угрозу жизнь или здоровье людей, в пенитенциарном учреждении может быть введен особый режим
Республика Таджикистан (ст. 86)	В случаях стихийного бедствия, введения в районе дислокации исправительного учреждения чрезвычайного, особого или военного положения, при массовых беспорядках, групповых неповиновениях осужденных, а также при возникновении реальной угрозы вооруженных нападений извне в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий
Республика Туркменистан (ст. 56)	В случаях стихийного бедствия, введения в местностях расположения исправительного учреждения режима чрезвычайного положения или военного положения, а также при массовых беспорядках, групповых неповиновениях осужденных в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий

Республика Узбекистан (ст. 74)	В случаях стихийного бедствия, введения в районе дислокации учреждений по исполнению наказания чрезвычайного или военного положения, в период военного времени, при групповых неповиновениях осужденных, а также массовых беспорядках в учреждениях может быть введено особое положение
Украина (ст. 105)	В случаях стихийного бедствия, эпидемий, аварий важных для жизнеобеспечения систем, массовых беспорядков, проявлений группового неповиновения осужденных или в случае возникновения реальной угрозы вооруженного нападения на колонию или в связи с введением чрезвычайного или военного положения в районе расположения колонии усиливается охрана, надзор за осужденными, осуществляются другие дополнительные режимные мероприятия

Как видим, в уголовно-исполнительных (или аналогичных) кодексах государств-участников Содружества содержатся различные основания введения режима особых условий.

Представляется возможным разбить основания введения режима особых условий на три группы:

- первая – это конкретные основания, известные Модельному кодексу;
- вторая – конкретные основания, позволяющие вводить режим особых условий, не известные Модельному кодексу;
- третья – общие основания, также не известные Модельному кодексу.

К закрепленным в статье 81 Модельного кодекса основаниям (первая группа) относятся:

- стихийное бедствие (имеется у всех государств – *прим. авт.*);
- введение в районе дислокации (нахождения) учреждения чрезвычайного положения или военного положения (это основание есть у всех государств, кроме Республики Азербайджан и Республики Молдова – *прим. авт.*);

– массовые беспорядки (предусмотрено у всех государств – *прим. авт.*), групповые действия, нарушающие внутренний порядок (только в Республике Беларусь – *прим. авт.*);

– групповые неповиновения осужденных (имеется у всех государств – *прим. авт.*), групповые отказы осужденных от работы, приема пищи и иные неповиновения (в Республике Беларусь – *прим. авт.*), массовое неподчинение (в Республике Армения – *прим. авт.*).

К иным конкретным основаниям, позволяющим вводить режим особых условий (вторая группа), можно отнести: введение особого положения (Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан); реальную угрозу вооруженного нападения на учреждение (Республика Армения, Республика Таджикистан, Украина); эпидемии, аварии (Украина, Республика Молдова); война, внешняя конъюнктура, захват заложников (Республика Молдова).

В некоторых странах законодатели также пошли по пути конструирования расширительных формулировок уголовно-исполнительного закона (третья группа), а именно: другие чрезвычайные случаи (Республика Азербайджан), другие форс-мажорные обстоятельства, ставящие под угрозу жизнь и здоровье людей (Республика Молдова). Данные основания возможно применить к широкому кругу случаев и ситуаций, охватываемых не только ст. 81 Модельного кодекса.

Процедура введения режима особых условий почти во всех государствах в целом совпадает с рекомендациями Модельного кодекса. Как указывается в ч. 3 данного документа, режим особых условий вводится по решению руководителя соответствующего министерства или ведомства государства или административно-территориального образования, согласованному с Генеральным прокурором государства либо соответствующим прокурором.

Обратимся к таблице 2, чтобы увидеть особенности правового закрепления названного положения в государствах Содружества.

Таблица 2 – Особенности правового закрепления режима особых условий в государствах Содружества

Республика Азербайджан (ч. 1 ст. 77)	[...] на основании решения соответствующего органа исполнительной власти могут быть применены специальные условия содержания или осужденные могут быть переведены в учреждения по отбыванию наказания такого же режима
Республика Армения (ч. 2 ст. 71)	Чрезвычайную ситуацию объявляет и прекращает руководитель уполномоченного органа государственного регулирования [...]
Республика Беларусь (ч. 1 ст. 76)	[...] начальник исправительного учреждения вправе ввести в учреждении режим особого положения, который предусматривает усиление мер по обеспечению надзора, изоляции и безопасности. О введении режима особого положения начальник учреждения должен немедленно уведомить прокурора. Режим особого положения вводится постановлением начальника исправительного учреждения и отменяется им после прекращения событий, явившихся основанием для введения режима особого положения
Республика Казахстан (ч. 2 ст. 101)	Режим особых условий вводится по решению первого руководителя уполномоченного органа в сфере уголовно-исполнительной деятельности, согласованному с Генеральным прокурором Республики Казахстан [...]
Кыргызская Республика (ст. 85)	Режим особых условий вводится [...] по решению руководителя государственного органа уголовно-исполнительной системы, согласованному с Генеральным прокурором и министром внутренних дел
Республика Молдова (ч. 3 ст. 220)	[...] по приказу министра юстиции, согласованному с Генеральным прокурором
Республика Таджикистан (ч. 3 ст. 86)	Режим особых условий вводится [...] по решению Министра юстиции Республики Таджикистан, согласованному с Генеральным прокурором республики
Республика Туркменистан (ч. 3 ст. 56)	Режим особых условий вводится [...] по решению министра внутренних дел Туркменистана, согласованному с Генеральным прокурором Туркменистана

Республика Узбекистан (ст. 74)	Особое положение вводится [...] министром внутренних дел Республики Узбекистан по согласованию с Генеральным прокурором Республики Узбекистан
Украина (ч. ч. 2–3 ст. 105)	2. Для прекращения групповых противоправных действий осужденных и ликвидации их последствий по решению Председателя центрального органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере исполнения уголовных наказаний, начальника управления (отдела) центрального органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере исполнения уголовных наказаний [...] используются силы и средства колонии, органов и учреждений исполнения наказаний, а в случае необходимости с разрешения министра внутренних дел Украины, председателя Национальной полиции, руководителя территориального органа Национальной полиции, органов и подразделений Национальной полиции. 3. О введении режима особых условий в учреждениях исполнения наказаний безотлагательно информируется министр юстиции Украины

Таблица наглядно демонстрирует, что в одних кодексах называется конкретное должностное лицо, полномочное вводить режим особых условий, в других – нет, что требует обращения к иным правовым актам. Так, например, данное должностное лицо определяется в п. 45.1 Правил внутреннего распорядка, утвержденных Постановлением Минюста Республики Азербайджан от 29.12.2011 № 7-П – министр юстиции по представлению начальника пенитенциарной службы, в п. 6 Приказа МВД Республики Казахстан от 14 августа 2014 г. № 510 «Об утверждении Правил ввода режима особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы» – министр внутренних дел, и т. д.

В целом анализ законодательства показывает, что решение принимается:

- министром юстиции (Республика Азербайджан, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Украина);
- министром внутренних дел (Республика Казахстан, Республика Туркменистан, Республика Узбекистан);
- руководителем Государственной службы исполнения наказаний при правительстве (Кыргызская Республика).

Исключением из данного правила является законодательство Республики Беларусь, в котором указанный режим вводится и отменяется постановлением начальника исправительного учреждения с немедленным уведомлением прокурора. Особенности есть и в украинском законодательстве, позволяющем вводить режим особых условий в учреждении начальнику колонии (до трех суток), начальнику территориального органа (до десяти суток).

В силу сложного порядка введения режима особых условий, как правило, руководителем ведомства в государствах Содружества (кроме Беларуси, Узбекистана, Украины), а также в связи с наличием процедуры согласования данного решения законодательство многих стран СНГ восприняло положения Модельного кодекса о возможности введения мер, предусмотренных для режима особых условий, начальником учреждения в случаях возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала или иных лиц (Республика Армения, Республика Азербайджан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан) либо начальником территориального органа уголовно-исполнительной системы (Республика Казахстан) с незамедлительным уведомлением соответствующего органа (табл. 3).

Таблица 3 – Особенности правового регулирования режима особых условий в странах СНГ

Республика Азербайджан (ч. 4 ст. 77)	В случаях, не терпящих отлагательства, руководство учреждения по отбыванию наказания самостоятельно осуществляет меры [...] и незамедлительно извещает об этом соответствующий орган исполнительной власти
--------------------------------------	--

Республика Армения (ч. 4 ст. 71)	В случае возникновения непосредственной опасности жизни и здоровью осужденного, администрации исправительного учреждения и иных лиц начальник исправительного учреждения может принять меры в соответствии с ситуацией, в пределах мероприятий [...], незамедлительно известив об этом руководителя центрального органа уголовно-исполнительной службы и руководителя уполномоченного органа государственного регулирования
Республика Беларусь	—
Республика Казахстан (ч. 3 ст. 101)	В случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала или иных лиц руководитель территориального органа уголовно-исполнительной системы по согласованию с руководителем территориального органа внутренних дел и прокурором области или приравненным к нему прокурором вправе вводить меры, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи, самостоятельно с немедленным уведомлением первого руководителя уполномоченного органа в сфере уголовно-исполнительной деятельности
Кыргызская Республика (ч. 3 ст. 85)	В случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала или иных лиц начальник исправительного учреждения может вводить меры [...] самостоятельно с немедленным уведомлением руководителя государственного органа уголовно-исполнительной системы. В этом случае руководитель государственного органа уголовно-исполнительной системы в течение одних суток с момента получения уведомления принимает решение о введении режима особых условий или отмене введенных мер

Республика Молдова (ч. 4 ст. 220)	В случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала пенитенциарного учреждения или иных лиц, находящихся в нем, начальник пенитенциарного учреждения может вводить меры [...] самостоятельно с немедленным уведомлением министра юстиции. Министр юстиции ставит об этом в известность Генерального прокурора и в течение 24 часов с момента получения уведомления принимает решение о введении особого режима или отмене введенных мер. Решение о введении особого режима может быть обжаловано в судебную инстанцию в порядке, предусмотренном ст. 473 Уголовно-процессуального кодекса
Республика Таджикистан (ч. 4 ст. 86)	В случаях возникновения непосредственной опасности для жизни и здоровья осужденных, персонала или иных лиц в исправительных учреждениях начальник исправительного учреждения может вводить меры [...] самостоятельно с немедленным уведомлением должностного лица, правомочного принимать такое решение. В этом случае указанное в части 3 настоящей статьи должностное лицо в течение трех суток с момента получения уведомления принимает решение о введении режима особых условий или об отмене введенных мер
Республика Туркменистан (ч. 4 ст. 56)	В случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала или иных лиц начальник исправительного учреждения может самостоятельно вводить меры [...] с немедленным уведомлением должностного лица, правомочного принимать такое решение. В этом случае указанное должностное лицо в течение трех суток с момента получения уведомления принимает решение о введении или отмене режима особых условий
Республика Узбекистан	—
Украина	—

Законодательством стран Содружества (как и в Модельном кодексе – *прим. авт.*) устанавливается срок действия режима особых условий – 30 суток (Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан, Республика Узбекистан, Украина). Однако отдельными государствами этот срок установлен в 30 дней (Республика Армения, Республика Азербайджан, Республика Молдова) или прекращения событий (Республика Беларусь), явившихся основанием для введения режима особых условий. Модельным кодексом и соответствующими уголовно-исполнительными кодексами предусматривается возможность продления режима особых условий дополнительно на 30 суток (дней).

Страны – участницы СНГ в своем уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрели содержание режима особых условий. Наглядно это представлено в таблице 4.

Таблица 4 – Содержание режима особых условий в странах СНГ

Республика Азербайджан (ч. 3 ст. 77)	В период применения специальных условий содержания осуществление осужденными прав, предусмотренных настоящим Кодексом, производственная деятельность, деятельность коммунально-бытовых, культурно-просветительских, санитарно-медицинских и других служб может быть ограничена до окончания обстоятельств, указанных в статье 77. 1 настоящего Кодекса. В этот период предоставление свиданий с осужденными приостанавливается, и пропуск в учреждение по отбыванию наказания осуществляется в специальном порядке
Республика Армения (ч. 3 ст. 71)	В случае объявления чрезвычайной ситуации может быть приостановлено осуществление некоторых прав осужденных, установленных настоящим Кодексом, в форме установления усиленных мероприятий охраны и контроля, приема посылок и передач, пакета, денежных переводов, ограничения свиданий, а также в форме принятия иных мероприятий, установленных законодательством. Внутренний распорядок исправительного учреждения в случае объявления чрезвычайной ситуации учреждает Правительство Республики Армения

<p>Республика Беларусь (ч. 2 ст. 76)</p>	<p>При введении режима особого положения начальник исправительного учреждения имеет право:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) приостановить отправку писем осужденных и вручение присланных писем, за исключением направляемых в прокуратуру и иные государственные органы, вручение присланных посылок, бандеролей, мелких пакетов, прием передач, предоставление свиданий, продажу продуктов питания и предметов первой необходимости; 2) ограничить передвижение осужденных в пределах жилой и производственной зон; 3) отменить или ограничить выход или вывоз осужденных за пределы учреждения; 4) запретить или ограничить посещение учреждения представителями общественных объединений, религиозных организаций и средств массовой информации; 5) запретить проведение массовых мероприятий культурно-просветительного, физкультурно-спортивного характера; 6) изолировать в пределах данного учреждения либо перевести в другие учреждения осужденных, организуемых групповые противоправные действия, либо провоцирующих или подстрекающих к ним, либо активно участвующих в них; 7) установить в учреждении усиленный вариант охраны и надзора
<p>Республика Казахстан (ч. 4 ст. 101)</p>	<p>В период действия режима особых условий и в случаях, указанных в части третьей настоящей статьи, в учреждении может быть приостановлено осуществление прав осужденных, предусмотренных статьями 105–113 настоящего Кодекса, введены усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты, изменен распорядок дня, ограничена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных, медико-санитарных и иных служб</p>

Кыргызская Республика (ч. 4 ст. 85)	В период действия режима особых условий в исправительном учреждении может быть приостановлено осуществление некоторых прав осужденных, предусмотренных главой 15 настоящего Кодекса, введен усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты, изменен распорядок дня, ограничена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных, медико-санитарных и иных служб
Республика Молдова (ч. 2 ст. 220)	В период действия особого режима в пенитенциарном учреждении может быть приостановлено осуществление некоторых прав осужденных, предусмотренных настоящим Кодексом, введен усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты, изменен распорядок дня, ограничена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных, медико-санитарных и других служб
Республика Таджикистан (ч. 2 ст. 86)	В период действия режима особых условий в исправительном учреждении может быть приостановлено осуществление некоторых прав осужденных, предусмотренных статьями 89–99 настоящего Кодекса, введен усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты, изменён распорядок дня, ограничена или приостановлена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурнопросветительных, медико-санитарных и иных служб
Республика Туркменистан (ч. 2 ст. 56)	В период действия режима особых условий в исправительном учреждении может быть приостановлено осуществление некоторых прав осужденных, предусмотренных статьями 59–69 настоящего Кодекса, введен усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты, изменен распорядок дня, ограничена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных, медико-санитарных и иных служб

Республика Узбекистан (ст. 74)	В период действия особого положения в учреждениях вводится усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты, может быть изменен распорядок дня, ограничена деятельность отдельных служб. Одновременно допускается ограничение некоторых прав осужденных
Украина (ч. 1 ст. 105)	[...] в районе расположения колонии усиливается охрана, надзор за осужденными, осуществляются другие дополнительные режимные мероприятия

Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что рекомендации Модельного кодекса в этой части были учтены.

Введение режима особых условий означает, что в учреждении осуществляется комплекс мероприятий. Так, вводится усиленный вариант несения службы, предполагающий усиление охраны, надзора, установление особого допуска на объекты, изменение обычного порядка прохождения службы и пр.

Обычно правовое регулирование усиленного варианта несения службы закрепляется в документах ограниченного доступа.

Однако в Законе Республики Молдова от 21 декабря 2017 года № 300 «О системе пенитенциарной администрации» установлены отдельные положения этого режима. Так, ст. 62 провозглашает обязанность незамедлительной явки сотрудников в подразделение в случае катастроф или стихийных бедствий, тревоги, возникшей в результате беспорядков в пенитенциарных учреждениях, побегов, оставления мест содержания под стражей или других массовых беспорядков в пенитенциарных учреждениях (ч. 2, п. «п»), при нахождении в другом населенном пункте – в ближайшее подведомственное учреждение Национальной пенитенциарной администрации, с информированием об этом своих руководителей (ч. 2, п. «р»); предписывает действовать в соответствии с законом при установлении чрезвычайного или осадного положения, в случае мобилизации либо войны (ч. 2, п. «о»). Зафиксирована невозможность прекращения служебных отношений сотрудников путем отставки

в период установления чрезвычайного или осадного положения и в случае мобилизации или войны (ст. 67), а также возможность откомандирования без согласия сотрудника на срок более шести месяцев, но не более чем на два года (ст. 69).

На Украине Правилами внутреннего распорядка учреждений, исполняющих наказание, утв. Приказом Минюста Украины от 29 декабря 2014 года № 2186/5 предусмотрено, что в случае введения в учреждении, исполняющем наказание, особого режима или карантина либо чрезвычайного или военного положения в районе расположения учреждения исполнения представителям средств массовой информации направляется отказ в предоставлении специального разрешения на посещение учреждения (п. 7 раздел XXXIV).

Кроме того, при введении соответствующего режима в пенитенциарном учреждении изменяется распорядок дня, ограничивается деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных, медико-санитарных и иных служб (например, в соответствии с п. 271 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Постановлением МВД Республики Беларусь № 174 от 20 октября 2000 года ограничивается или прекращается деятельность радио- и телестудий – *прим. авт.*) и т. д.

Помимо прочего, в таких случаях приостанавливается или ограничивается осуществление прав осужденных. Сопоставляя указанные формулировки, представляется возможным заявить о разном подходе законодателей в странах СНГ к определению объема ограничиваемых (приостанавливаемых) прав. В одних случаях это приостановка (ограничение) осуществления осужденным прав, предусмотренных кодексом (Республика Азербайджан, Республика Молдова, Республика Узбекистан). В этих странах ограничиваемые права не называются, а лишь дается отсылка к законодательству. В других случаях – приостановка (ограничение) некоторых прав со ссылками на статьи кодекса (Республика Армения, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан) либо указания на приостановку реализации конкретных прав, перечисленных в статье (Республика Беларусь). Уголовно-

исполнительный кодекс Украины обходит практически полным молчанием данный вопрос. При определении круга прав, подлежащих ограничению или приостановлению, законодатели стран Содружества учли положения Модельного кодекса, которые определил перечень прав, реализация которых может быть приостановлена. Речь идет о трех группах прав.

Первая группа – права, позволяющие осужденным взаимодействовать с лицами из-за пределов учреждения (на свидания, получение и отправление передач, денежных переводов, почтовой корреспонденции (писем, пакетов, бандеролей, посылок и т. п.), телефонные разговоры). Ряд норм содержится в правилах внутреннего распорядка. Так, положение о временном прекращении свиданий объявляется приказом начальника ИУ в случае введения режима особых условий, а также при проведении противоэпидемических мероприятий и других чрезвычайных обстоятельствах, препятствующих нормальной деятельности ИУ, что закрепляется п. 4 главы 15 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Кыргызской Республики, утв. Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 23 сентября 2011 года № 604. Возможность временной отмены свиданий ввиду эпидемии, стихийного бедствия или других чрезвычайных обстоятельств, препятствующих нормальной деятельности учреждений исполнения наказаний, также предусматривается в разделе п. 1 раздела XIV Правил внутреннего распорядка учреждений исполнения наказаний, утв. Приказом Минюста Украины от 29 декабря 2014 года № 2186/5. В Армении Внутренним регламентом мест содержания заключенных исправительных учреждений, утв. Правительством 3 августа 2006 года №1543-н, прописаны ограничения прав, рекомендованные Модельным кодексом, но не вошедшие в Уголовно-исполнительный кодекс Армении: ограничивается тайна переписки, телефонные переговоры.

Вторая группа – права, касающиеся повседневной жизни внутри учреждения (приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, прогулки, приобретение и хранение литературы, письменных принадлежностей, просмотр теле-

передач и прослушивание радио). Отдельными подзаконными актами также дублируются или устанавливаются дополнительные ограничения реализации прав осужденных в период особых условий. Например, в соответствии с п. 241 Внутреннего регламента мест содержания заключенных исправительных учреждений Армении осужденные не могут участвовать в религиозных обрядах, гражданско-правовых сделках, получении образования, заниматься работой, получать дополнительные платные услуги, приобретать продукты питания и предметы первой необходимости, выводиться на прогулки.

Третья группа – дополнительные права (выезды за пределы учреждения, передвижение без конвоя, проживание вне учреждения и пр.).

Уголовно-исполнительными кодексами (или КИУН) стран Содружества дополнительно устанавливаются и иные ограничения: посещение исправительных учреждений членами общественных объединений (Республика Беларусь, Республика Казахстан), религиозных организаций (Республика Беларусь), представителями средств массовой информации (Республика Беларусь, Украина).

При введении соответствующего режима в ИУ осуществляются различные мероприятия. Наиболее подробно осуществление иных мероприятий прописано в п. 5 Приказа МВД Республики Казахстан от 14 августа 2014 года № 510 (с изм. от 5 июня 2017 года) «Об утверждении Правил ввода режима особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы». Например, предусматривается:

- выведение гражданских служащих и лиц женского пола, работающих в учреждении, за его пределы;
- выставление постов возле магазина, пищеблока и в других местах хранения материальных ценностей, в том числе вынесенных из места бедствия;
- при стихийных бедствиях отключается электроэнергия (за исключением освещения периметра охраняемого объекта);
- готовится автотракторная, бронетанковая, пожарно-водомотная и иная техника для использования в действиях при чрезвычайных обстоятельствах;

- оперативными службами проводится кино-, фото-, видеосъемка противоправных действий осужденных, а также опрос свидетелей и потерпевших;
- привлекаются территориальные противопожарные, газоаварийные, медицинские и другие службы, обеспечивается их беспрепятственный проезд и сопровождение;
- проводятся проверки обеспеченности личного состава оружием, спецсредствами, наличия средств связи и служебно-розыскных собак;
- силами администрации учреждения принимаются меры по локализации очага конфликта, изъятию организаторов и активных участников противоправных действий;
- в случае, если пресечь действия осужденных силами администрации не удалось, проводится специальная операция. Специальная операция по пресечению противоправных действий проводится с привлечением сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, подразделений специального реагирования, а также других сил и средств органов внутренних дел. Перед началом специальной операции осужденным предлагается прекратить противоправные действия, они предупреждаются о применении чрезвычайных мер с вводом личного состава;
- и т. д.

В Кыргызской Республике Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утв. Постановлением Правительства от 23 сентября 2011 года № 604 (в ред. от 12.06.2014), в условиях чрезвычайного положения закрепляется правовая возможность проведения дополнительных проверок осужденных в любое время суток, проведения обысков жилых помещений осужденных, их личный досмотр (ч. 1 главы 10); в режиме особых условий по решению центрального органа управления уголовно-исполнительной системы к обыску одного исправительного учреждения могут привлекаться сотрудники других органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (п. 4 главы 22).

Возможность применения сил специального назначения для подавления массовых беспорядков прямо закрепле-

на в Исполнительном кодексе Республики Молдова, Уголовно-исполнительном кодексе Украины. Дополнительно в Постановлении Правительства Республики Молдова от 15 мая 2018 года № 437 «Об организации и функционировании Национальной пенитенциарной администрации» (п. 28) указывается, что Отряд специального назначения «Пантера» осуществляет действия при изменении оперативной обстановки в составе системы пенитенциарной администрации, освобождении заложников, отражении вооруженных, групповых нападений, проведении мероприятий по спасению людей в процессе ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

На Украине для прекращения в исправительных учреждениях групповых противоправных действий и ликвидации их последствий используются:

- территориальные (межрегиональные) военизированные формирования (п. 3 раздел III Приказа Минюста Украины от 06.02.2017 № 292/5; «Об утверждении Положения о территориальном (межрегиональном) военизированном формировании Государственной уголовно-исполнительной службы Украины»);
- органы и подразделения Национальной полиции (п. 13⁴ Постановления от 2 июля 2014 года № 228 (в ред. от 24.02.2016) «Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Украины»);
- подразделения Национальной гвардии (п. 19 ст. 2 Закона Украины от 13 марта 2014 года № 876-VII (в ред. от 07.12.2017) «О национальной гвардии Украины»).

Таким образом, регламентация режима особых условий в исправительных учреждениях стран – участниц СНГ, вне зависимости от времени принятия уголовно-исполнительного закона (1997–2017 гг.), в целом соответствует рекомендациям Модельного уголовно-исполнительного кодекса и одновременно содержит его же недостатки. При этом имеется ряд нормативных положений уголовно-исполнительного законодательства отдельных стран СНГ, которые можно было бы учитывать при совершенствовании российского законодательства.

В государствах Европейского Союза вопросы реагирования на экстремальные ситуации нашли свое правовое выражение в различных документах. В частности, законодательство Фран-

ции допускает два правовых режима, позволяющих предотвратить или свести к минимуму вредные последствия от наступления экстремальных ситуаций. К ним относят режим чрезвычайного положения и режим осадного положения, которые вводятся Советом Министров Франции на 12 дней с возможностью дальнейшего продления с разрешения Парламента.

В специальном документе – Ордонансе Президента № 2004-1374 от 20 декабря 2004 года «Об утверждении положений Кодекса обороны» имеется часть II «Правовые режимы обороны». Она состоит из несколько книг: режимы, применяемые в исключительных случаях (книга I); реквизиция (книга II); постоянно действующие режимы обороны (книга III); секреты национальной обороны (книга IV); особенности применения режимов обороны на заморских территориях (книга V). В книге I в числе прочих исключительных режимов раскрываются нормы об осадном (глава II) и чрезвычайном положении (глава III).

Основанием для введения осадного положения являются случаи неминуемой опасности, возникшие в результате войны, иностранного вторжения или вооруженного мятежа. Постановлением Совета Министров определяется территория, на которую он распространяется, и длительность его применения (ст. L2121-1). В период введения осадного положения полномочия гражданской власти по поддержанию правопорядка и деятельности полиции передаются военной администрации. В частности, органы военного управления могут осуществлять обыски днем и ночью; производить обыск оружия и боеприпасов и определять порядок их сдачи; запрещать собрания и публикации, которые могут угрожать общественному порядку; удалять с территории осадного положения лиц, не имеющих места жительства, а также лиц, в отношении которых вынесен окончательный приговор. Вводятся военные судебные органы и устанавливается их подсудность (ст. ст. L2121-3, L2121-4, L2121-5, L2121-6). Остальные права населения, гарантированные Конституцией, полномочия гражданской администрации продолжают действовать (ст. ст. L2121-2, L2121-7, L2121-8).

Глава III указанного документа «Чрезвычайное положение» отсылает к Закону Французской Республики от 3 апре-

ля 1955 года № 55-385 (по состоянию на 14 июля 2018 года) «О статусе чрезвычайного положения». В нем отмечается, что чрезвычайное положение может быть объявлено на всей или части территории Франции и ее заморских территориях в случае угрожающей опасности, в результате серьезных нарушений правил общественного порядка, либо в случае событий, имеющих по своей природе и степени тяжести характер общественного бедствия.

Указанный закон в сочетании с нормами Кодекса внутренней безопасности, утвержденного Ордонансом Правительства № 2012-351 от 12 марта 2012 года, при введении чрезвычайного положения устанавливает следующие мероприятия:

1. Ограничение места жительства и передвижения. Законом устанавливаются полномочия префекта полиции и министра внутренних дел.

Так, по ст. 5 префекты полиции (в отношении части страны – *прим. авт.*) имеют право запрещать движение людей или транспортных средств в местах и в часы, установленные приказом; запрещать пребывание в департаменте или его части любому лицу, в отношении которого существуют серьезные основания полагать, что его поведение представляет угрозу для общественной безопасности и порядка. В постановлении указывается срок действия меры, конкретные фактические обстоятельства и место, в которых она обоснована, а также территория, на которую она применяется, которая не может включать в себя местожительство соответствующего лица.

Министр внутренних дел (в отношении всей территории – *прим. авт.*) может вынести решение о домашнем аресте такого лица с учетом его семейной жизни и профессиональной деятельности с уведомлением Прокурора Республики (ст. 6). Домашний арест состоит в нахождении лица в месте проживания не менее 12 часов. Дополнительно может быть наложено обязательство периодической явки в подразделения полиции или жандармерии, в том числе в праздничные и нерабочие дни; может быть изъят паспорт или иной документ, удостоверяющий личность; установлен запрет на общение с определенными людьми, если есть основания считать, что их поведение пред-

ставляет угрозу для безопасности и общественного порядка; запрещен выезд из страны.

В отношении освободившихся лиц, осужденных за преступления террористического характера, устанавливается электронное наблюдение. Если в течение двенадцати часов подряд определить местонахождение лица невозможно, то до восстановления нормальной работы устройства устанавливаются ограничения в виде домашнего ареста и дополнительные ограничения;

2. Проведение обысков (ст. 11). По решению министра внутренних дел или префекта возможно проведение обысков в любом месте, за исключением рабочих мест депутатов, адвокатов, журналистов, магистратов. По общему правилу, обыск в ночные часы (с 21 до 6 утра) не проводится, если это не обусловлено срочностью проведения с незамедлительным информированием прокурора. Если есть серьезные основания полагать, что поведение присутствующих в месте обыска представляет угрозу для общественной безопасности и общественного порядка, они могут быть задержаны на месте сотрудниками судебной полиции на время, необходимое для проведения обыска. Задержание не может превышать четырех часов.

3. Ограничивается деятельность отдельных организаций. Временно могут быть закрыты конференц-залы, питейные заведения, места для проведения мероприятий, разжигающих ненависть и насилие, подстрекающих к актам терроризма (ст. 6.1), а также закрыты молитвенные дома;

4. Могут быть запрещены собрания населения, способные спровоцировать или поддерживать беспорядок, митинги, шествия людей на дорогах общественного пользования (ст. 8);

5. Осуществляется изъятие оружия и боеприпасов, находящихся в законном владении, с последующим их возвращением владельцу (ст. 9);

6. Иные мероприятия, например, устанавливаться периметры безопасности вокруг мест массового скопления населения; использоваться система уличного видеонаблюдения и т. п.

Необходимо отметить, что Конституцией Франции от 4 октября 1958 года в ст. 16 закреплены чрезвычайные полномочия

Президента. Они представляют собой особый порядок введения чрезвычайного положения. Так, Президент Республики после официальной консультации с премьер-министром, председателями палат, Конституционным советом вводит на 30 дней чрезвычайные меры при условии, что нормальное функционирование органов публичной власти прервано, а интересы республики, независимость нации, целостность ее территории, исполнение международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой. О своем решении Президент информирует население в специальном послании. Эти меры должны быть продиктованы стремлением обеспечить в кратчайшие сроки конституционным органам публичной власти возможности для выполнения их задач. По поводу этих мер проводятся консультации с Конституционным советом. В период действия чрезвычайных мер работает Парламент и Национальное собрание. По истечении 30 дней Председатель Национального собрания, Председатель Сената, 60 депутатов или 60 сенаторов могут обратиться в Конституционный совет с просьбой проверить, существуют ли по-прежнему все условия, предусмотренные для ведения чрезвычайного положения. В последний раз данная норма была применена 13 ноября 2015 года и действовала до 1 ноября 2017 года. Это стало ответом на террористические атаки в Париже, когда в результате взрывов у стадиона «Стад де Франс», расстрела посетителей кафе и зрителей концертного зала погибло 130 человек.

Особенности действия экстремальных режимов для пенитенциарных учреждений во Франции сводятся к указанию в различных нормативно-правовых документах на усиление потенциала пенитенциарной службы, наделение ее дополнительными правами и ограничению (приостановлению) действий прав осужденных.

Статья L2171-1 Кодекса обороны содержит условие, в случае наступления которого правительством задействуется национальный резерв – возникновение серьезного кризиса на всей или части территории страны, ставящего под угрозу безопасность государства, население или способность нации к выживанию. В пенитенциарной службе это так называемый резерв пе-

нитенциарной службы, состоящий из лиц, ранее работавших в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, которые могут быть полезны в решении различных служебных вопросов.

В Пениденциарном законе № 2009-1436 от 24 ноября 2009 года закреплено положение о гарантиях уважения достоинства и прав осужденных со стороны тюремной администрации. Этот принцип пронизывает всю деятельность по исполнению наказания, но допускает ограничения, связанные с обеспечением безопасности, порядка, предотвращения рецидива, защитой интересов потерпевших (ст. 11). Речь в данной статье идет не только об обеспечении повседневной безопасности учреждения, но и о режиме в период экстремальных ситуаций. Другие статьи данного документа содержат конкретизацию ограничений. Так, может быть ограничено право осужденного на свободу убеждений, совести и религии, осуществление религиозных обрядов (ст. 26); отказано в праве на свидания с родственниками и иными лицами (ст. 35); запрещен или приостановлен доступ осужденного к телефону (ст. 39); осуществлен контроль или изъятие переписки осужденного (ст. 40); установлен запрет на ознакомление с письменными и аудиовизуальными источниками информации, в том числе если они содержат клеветнические высказывания в адрес должностных лиц и сотрудников Государственной пениденциарной службы (ст. 43) и пр.

Администрация пениденциарного учреждения также получает дополнительные полномочия. Например, по решению министра юстиции может быть принято решение о размещении осужденного под постоянным видеонаблюдением без звука на срок не более пяти дней с возможностью ее продления, если данная мера является единственным способом избежать побега или самоубийства осужденного (ст. 58-1). Администрация пениденциарных учреждений также может запретить распространение или использование образа или голоса осужденного лица, если такое распространение или использование позволяет установить личность осужденного и это ограничение необходимо для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, защиты прав потерпевших или третьих лиц, а также реинтеграции соответствующего лица (ст. 41).

Отдельные важные положения имеются в Кодексе внутренней безопасности, утвержденном Ордонансом Правительства № 2012-351 от 12 марта 2012 года. В целях предотвращения побегов, обеспечения безопасности и надлежащего порядка в пенитенциарных учреждениях или медицинских учреждениях, предназначенных для приема лиц, содержащихся под стражей, подразделения безопасности пенитенциарной службы (ст. R855-1BIS) могут быть уполномочены использовать особые технические меры контроля, обычно присущие разведывательным органам:

- собирать сведения, содержащиеся в электронной почте, сообщениях в электронных сетях, телефонных переговорах;

- получать техническую информацию, касающуюся определения местонахождения терминального оборудования, время и продолжительность вызовов;

- определять в режиме реального времени местонахождение лица, транспортного средства или объекта с помощью технических устройств (ст. L855-1).

Сотрудники пенитенциарных учреждений также обладают правом применить огнестрельное оружие при нападении на них, угрозах вооруженных людей, а также в случае попыток проникновения на территорию учреждения извне или попыток побега изнутри (ст. 1 Закона от 28 декабря 1943 года «О применении оружия сотрудниками исправительных учреждений» (Консолидированная версия от 16 июля 2018 года).

Таким образом, французское законодательство более детально, чем в России, регламентирует вопросы правового положения осужденных и сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания.

Испанской Конституцией от 29 декабря 1978 года (ст. ст. 55, 116 и другие), Законом Испании от 1 июня 1981 года «Об особом, чрезвычайном или осадном положении» и Законом от 30 марта 2015 года. «О защите безопасности граждан» устанавливаются особенности указанных правовых режимов.

Особое положение (состояние угрозы) вводится постановлением правительства по всей стране или отдельной ее территории на 15 дней. Об этом сообщается Конгрессу депутатов, без разрешения которого продлить указанный режим невозможно.

Основаниями введения особого положения в Испании являются:

- природные катастрофы (землетрясение, наводнение, городские и лесные пожары, иные крупномасштабные происшествия);
- кризисы в области здравоохранения (эпидемии, серьезные загрязнения);
- временное прекращение коммунальных услуг, имеющих важное значение для общества;
- ситуации, связанные с нехваткой предметов первой необходимости.

Введение особого положения предполагает следующие меры: ограничение передвижения, пребывания людей или транспортных средств в определенные часы и местах; осуществление временной реквизиции всех видов имущества; временный контроль и занятие отраслей промышленности, предприятий, мастерских, хозяйств или помещению любого характера, за исключением частных домов; ограничение и нормирование в пользовании услугами и потреблении предметов первой необходимости (ст. 11). Государству предоставлена правовая возможность мобилизации работников организаций для осуществления этих функций (ст. 12).

Основаниями для введения чрезвычайного положения является серьезное изменение свободного осуществления прав и свобод граждан, нормального функционирования демократических институтов, основных коммунальных услуг для сообщества или любого другого аспекта общественного порядка, когда обычных полномочий власти оказывается недостаточно. Вводится Правительством с предварительного разрешения Конгресса Депутатов с возможностью продления еще на 30 дней. В своем обращении к парламенту о введении чрезвычайного положения Правительство называет цели введения; предпринимаемые меры; срок (не более 30 дней); максимальную сумму штрафов, применяемых к нарушителям режима чрезвычайного положения; конкретные права, указанные в Конституции, которые требуется ограничить или приостановить.

Необходимо отметить, что в Конституции Испании от 29 декабря 1978 года в главе 5 «Приостановление прав и свобод» имеется ст. 55, перечисляющая ряд прав и свобод, которые могут быть приостановлены посредством введения чрезвычайного или осадного положения.

В соответствии с Законом (ст. ст. 17–24) введение чрезвычайного положения означает возможность:

- заключения под стражу на срок, превышающий установленный в Конституции предельный срок семидесяти двух часов (ст. 17 ч. 2), но не более десяти дней, по истечении которых задержанный должен быть либо освобожден, либо передан судебным властям. При этом каждый задержанный должен быть проинформирован, немедленно и в понятной ему форме, о своих правах и причинах его задержания и не может быть принужден давать показания. Задержанному гарантируется присутствие и помощь адвоката в оформлении полицейских и судебных актов в порядке, устанавливаемом в законе (ст. 17 ч. 3), с уведомлением судьи в течение суток;

- нарушения неприкосновенности жилища (ст. 18 ч. 2). Предполагает обыски и осмотры жилища людей без ордера, но с соблюдением формальных процедур (составление протокола, присутствие соседей) и уведомлением судьи;

- посягательства на тайну переписки, почтовой, телеграфной, телефонной связи (ст. 18 ч. 3) с уведомлением судьи;

- ограничения свободы выбора местожительства и передвижения по территории страны, свободного въезда и выезда из Испании (ст. 19). Это означает запрет перемещения людей и транспорта в установленные часы, возможность переселения людей из населенного пункта, определение зон защиты или безопасности, в которых запрещается нахождение людей, в отношении отдельных лиц, например иностранцев, лиц без гражданства, беженцев – обязательное уведомление власти о предполагаемой поездке за пределы пункта проживания, установление временного места жительства для отдельных лиц. Кроме того, данные лица могут быть высланы из страны, если не совершили преступлений;

- ограничения на свободное выражение и распространение взглядов, идей и мнений устно, письменно или иными средства-

ми (ст. 20, ч. 1, п. а) означает запрет на проведение собраний и демонстраций. Совещания политических партий, профсоюзов и бизнес-ассоциаций в соответствии со своими уставными целями не запрещаются;

– приостановления свободы передачи и получения достоверной информации посредством любых средств распространения (ст. 20 ч. 1 п. d) распространяется на все виды изданий, радио и телевидения, показы, кино- и театральные представления;

– конфискации публикаций, записей и других средств информации, но только на основании судебного решения (ст. 20 ч. 5);

– запрета собраний и демонстраций в общественных местах (ст. 21 ч. 2);

– запрета забастовок (ст. 28 ч. 2) и ограничения права трудящихся и предпринимателей на трудовой конфликт (ст. 37 ч. 2).

Наряду с приостановлением прав режим чрезвычайного положения в соответствии с законом 1981 года предполагает возможность изъятия всех видов оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ (ст. 25); временное прекращение деятельности предприятий промышленности или торговли, закрытие развлекательных залов, питейных, других аналогичных заведений, если они могут побудить к нарушению общественного порядка либо способствовать ему (ст. 26); размещение вооруженных постов (ст. 27).

Осадное положение может быть объявлено абсолютным большинством голосов в Конгрессе депутатов и по предложению правительства. Конгресс определяет часть территории, на которую распространяется осадное положение, срок и условия его действия. Основаниями его введения являются: восстание, акт агрессии против суверенитета или независимости Испании, ее территориальной целостности или конституционного порядка. В дополнение к особому и чрезвычайному положению осадное положение означает возможность временного приостановления права задержанного на информацию о своих правах, причинах задержания, а также он может быть принужден давать показания. Задержанному не гарантируется присутствие и помощь адвоката в оформлении полицейских и судебных актов (ст. 32). Органам военного управления передаются полномо-

чия для обеспечения режима осадного положения. Гражданские власти продолжают осуществлять полномочия, не предоставленные военным. Одновременно они обязаны предоставлять правоохранительным органам запрашиваемую ими информацию (ст. 36).

Статьей 26 Органического закона от 30 марта 2015 года «О защите безопасности граждан» устанавливается требование обеспечения мер безопасности на объектах инфраструктуры и других объектах. Это распространяется и на деятельность пенитенциарных учреждений.

В частности, в отношении осужденных в законе 1981 года указывается, что в период действия чрезвычайного и осадного положения им не предоставляется право условно-досрочного освобождения (ст. 30).

Королевский Указ от 20 июня 1985 года № 1436 «О временных правилах координации деятельности пенитенциарных учреждений» в ст. 7 фиксирует возможность перевода осужденных в другие пенитенциарные учреждения в связи с мятежами, катастрофами и другими аналогичными ситуациями. При этом руководство учреждения незамедлительно информирует вышестоящие органы о положении дел в учреждении, количестве осужденных, особенностях их режима содержания с тем, чтобы они, учитывая вакантные места, осуществили перераспределение осужденных.

В ст. 15 Закона от 26 сентября 1979 года «Основы пенитенциарных учреждений», а также в ст. 25 Пенитенциарного Регламента от 8 мая 1981 года содержится исключение из правила о помещении задержанного, арестованного или обвиняемого в любое из пенитенциарных учреждений на основании постановления или приказа уполномоченного органа (суда или органа, полномочного осуществлять задержание). При действии режима особого, чрезвычайного или осадного положения данное помещение производится в соответствии со специальными законами. Силы безопасности, отвечающие за конвоирование, получают право входить на территорию пенитенциарного учреждения, если того требуют непредвиденные или форс-мажорные обстоятельства, направив письменные материалы от руководи-

теля начальнику пенитенциарного учреждения, в которых содержатся время, причины, имена и фамилии, места службы, а также необходимые справки о доставляемых лицах.

С учетом сказанного, с учетом зарубежного опыта как в странах СНГ, так и других государств (Испании и Франции), очевидны направления совершенствования российского уголовно-исполнительного и иного законодательства при введении режима особых условий в ИУ, а также формулировании уголовно-исполнительного законодательства в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения.

§ 3.3. Сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины в сфере противодействия в исправительных учреждениях чрезвычайным происшествиям криминального характера: некоторые аспекты

Необходимость сравнительного анализа особенностей правового обеспечения режима особых условий в ИУ в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан и Украине связана с происходящими изменениями в локальной (в рамках государства) и глобальной текущей оперативной обстановке, в том числе ее влиянием на вопросы обеспечения отбывания наказания. Указанные государства объединяют достаточно схожие подходы (в отличие от таких стран, как Великобритания, Франция, Швеция, США и др.) как в целом к вопросам функционирования пенитенциарных учреждений, так и к мерам поддержания в них установленно-правопорядка.

Режим особых условий в ИУ представляется основным правовым средством противодействия чрезвычайным происшествиям криминального характера в ИУ указанных государств (как, в принципе, и большинства стран постсоветского пространства – *прим. авт.*), поскольку формирует условия для ре-

ализации соответствующих мер, направленных на их предупреждение и пресечение, а также регламентирует определенные организационные и тактические вопросы применения сил, средств и методов, в целях эффективного осуществления реализуемых мер¹.

В России правовая норма, регулирующая режим особых условий, закреплена в ст. 85 УИК РФ («Режим особых условий в исправительных учреждениях»), в Республике Беларусь – в ст. 76 УИК Республики Беларусь («Режим особого положения в исправительных учреждениях»), в Украине действует ст. 105 УИК Украины («Режим особых условий в колониях»), в Казахстане – ст. 101 УИК Республики Казахстан («Режим особых условий»). Несмотря на то, что в Беларуси рассматриваемый правовой институт носит название «режим особого положения», его сущность такая же, как и у режима особых условий с одинаковыми целями и задачами. При этом анализируемые статьи имеют достаточно много общего между собой. Кроме того, построены они по одной логической схеме, которую можно представить в следующем виде: основания введения – должностные лица, устанавливающие режим – сроки и порядок прекращения – вводимые ограничения. Вместе с тем они имеют и существенные различия, которые, с нашей точки зрения, целесообразно рассмотреть согласно представленной нормативной конструкции.

1. В статьях УИК РФ, УИК Республики Беларусь, УИК Республики Казахстан и УИК Украины имеются отличия в части оснований введения режима особых условий.

В указанных кодексах общими основаниями введения рассматриваемого режима являются случаи стихийных бедствий, групповых неповиновений осужденных и массовых беспорядков. Дополнительно в УИК Украины выделены угрозы возникновения эпидемии и аварии на важных для жизнеобеспечения системах, которые, с нашей точки зрения, также представляют серьезную угрозу для стабильного функционирования ИУ. Принимая во внимание характер современной оперативной обстановки в сфере

¹ См.: Сурженко Ю. А. Режим особого положения в исправительных учреждениях: теоретико-правовой аспект // Юстиция Беларуси. 2016. № 11. С. 79.

общественной и национальной безопасности, учитывая потенциальные риски, исходящие от таких ситуаций, нам представляется необходимым включение аналогичных оснований в содержание соответствующих правовых норм белорусского уголовно-исполнительного законодательства. При этом все, что связано с возникновением эпидемий, аварий и стихийных бедствий и иных схожих негативных явлений, можно объединить в единый общепринятый и нормативно закреплённый термин «Чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера».

Считаем также целесообразным выделить (с учетом положений УИК Украины) в качестве отдельных оснований введения режима особых условий в ИУ «захват заложников», «наличие угрозы вооруженного нападения на учреждение», а также «возникновение террористической угрозы как в учреждении, так и в районе его расположения».

К тому же в качестве одного из оснований введения режима особых условий считаем допустимым предусмотреть побег из ИУ. Данная позиция основывается на том, что в процессе поиска сбежавших осужденных задействуется значительное количество личного состава учреждений, что существенно дезорганизует функционирование ИУ, в связи с чем устанавливаемые в его рамках ограничения могут способствовать поддержанию установленного законодательством порядка исполнения и отбывания наказаний в виде лишения свободы¹.

Кроме того, полагаем целесообразным введение рассматриваемого режима в ИУ и в случае продолжающихся систематических грубых нарушений внутреннего распорядка учреждений в качестве меры, содействующей более оперативной стабилизации обстановки.

В связи с этим перечень рассматриваемых оснований может включать:

– групповые неповиновения, в том числе систематические грубые нарушения Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, совершаемые осужденными;

¹ См.: Сурженко Ю. А. О законодательном совершенствовании режима особого положения в исправительных учреждениях // Законность и правопорядок. 2017. № 1. С. 56–57.

- массовые беспорядки;
- побег;
- захват заложников;
- наличие угрозы вооруженного нападения на учреждение;
- возникновение террористической угрозы как в учреждении, так и в районе его расположения;
- чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера.

Введение режима особых условий в таких случаях позволит обеспечить необходимую юридическую основу для установления дополнительных правоограничений, направленных на поддержание порядка в ИУ, а также повысит готовность личного состава к деятельности в условиях осложненной оперативной обстановки и эффективность проводимых мероприятий по предотвращению и пресечению опасных правонарушений.

2. В законодательствах указанных государств имеются различия по должностным лицам, наделенным правом введения режима особых условий в ИУ.

В УИК Республики Беларусь закреплена норма, наделяющая непосредственных руководителей ИУ введением режима особых условий (режима особого положения). Данная позиция законодателя связана с тем, что, как правило, максимально полным объемом информации о складывающейся обстановке в ИУ обладают только его руководители, а полномочия на введение режима особых условий (режима особого положения) позволяют им максимально эффективно использовать данное правовое средство в профилактике и пресечении различных правонарушений, а также, что не менее важно, минимизируют возможные потери во времени.

В России и Казахстане, в отличие от Республики Беларусь, режим особых условий в ИУ имеют право вводить только руководители центральных органов пенитенциарной системы. При этом в случаях, не терпящих отлагательств, начальники учреждений также могут самостоятельно устанавливать предусмотренные режимом особых условий ограничения, но с немедленным уведомлением должностных лиц, правомочных принимать такое решение. Иными словами, в отличие от Беларуси, в России и Казахстане окончательное решение о введении

рассматриваемого режима всегда принимается вышестоящими должностными лицами.

Отличительным от законодательства России, Казахстана и Беларуси является подход, закрепленный в нормативных правовых актах Украины. В ст. 105 УИК Украины не указываются ни лица, принимающие решение о введении режима особых условий, ни продолжительность его установления, а в основном регламентируются вопросы пресечения противоправных действий путем комплексного применения взаимодействующих сил и средств, в том числе ОВД. Из анализа содержания данной статьи следует, что речь в ней идет не о режиме как таковом, а о специальной операции как средстве пресечения правонарушений и восстановления режимных требований в ИУ.

3. Различия в части сроков введения и оснований прекращения режима особых условий и режима особого положения в исправительных учреждениях Российской Федерации, Республики Казахстан, Украины и Республики Беларусь.

В российском и казахстанском законодательстве продолжительность введения режима особых условий ограничена 30 сутками, хотя при этом предусмотрена возможность его продления.

В то же время в УИК Украины и УИК Беларуси отсутствуют подобные ограничения, тем самым срок введения рассматриваемого режима определен периодом действия оснований, послуживших для его введения. Получается, что дополнительно установленные ограничения снимаются лишь после прекращения осужденными противоправных деяний, например в случае групповых неповиновений.

Целесообразно также отметить, что отсутствие ограничений по продолжительности введения режима особых условий в исправительных учреждениях не противоречит и основным международно-правовым актам обращения с осужденными – Минимальным стандартным правилам обращения с заключенным, Правилам, касающимся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, Европейским пенитенциарным правилам и др.

Так, в соответствии с Минимальными стандартными правилами обращения с осужденными методы и способы использования «средств умирения» определяются центральным органом

управления пенитенциарной системы, однако такие средства воздействия не следует применять дольше, чем это необходимо.

Те же требования предусмотрены международным законодательством и в отношении несовершеннолетних осужденных, что установлено в п. 64 Правил, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы. Между тем, учитывая задачи режима особых условий (режима особого положения) в пенитенциарных учреждениях, в соответствии с указанными международно-правовыми актами его можно отнести к одному из «средств усмирения» осужденных, длительность применения которых определяется только требованиями необходимости.

4. Отличия по перечню вводимых правоограничений (полномочий должностных лиц) в рамках режима особых условий (режима особого положения) в ИУ.

Ограничения, которые могут устанавливаться в связи с введением режима особых условий в ИУ, в законодательствах России и Казахстана практически идентичны, причем соответствующие нормы носят в основном отсылочный характер, указывая на перечень прав, которые могут быть ограничены. По сравнению с законодательством Беларуси, они дополнительно предусматривают возможность ограничения денежных переводов осужденных, телефонных переговоров, прогулок, а также изменение распорядка дня. В то же время в УИК Украины закрепляется лишь возможность осуществления в районе расположения ИУ дополнительных режимных мер, что связано, по нашему мнению, с отождествлением законодательством данной страны режима особых условий со специальной операцией по пресечению соответствующего противоправного деяния. В связи с этим можно предположить, что в подобных условиях перечень вводимых правоограничений в учреждениях Украины отдается на усмотрение руководства, осуществляющего мероприятия по пресечению правонарушений.

Между тем в законодательстве Республики Беларусь, в отличие от законодательств России и Казахстана, закреплена возможность изоляции либо осуществления перевода организаторов, пособников или активных участников групповых противоправных деяний в другие ИУ республики, причем данное право предостав-

лено начальнику ИУ. Однако возникают закономерные вопросы о том, как именно своим решением он сможет перевести осужденных, в какие учреждения он их направит, учтет ли предъявляемые законодательством требования по распределению осужденных и т. д. В связи с этим отметим, что речь в данном случае все же идет о возможности инициировать перед соответствующими вышестоящими органами перевод таких осужденных.

В рамках рассмотрения вопроса о дополнительных ограничениях в ИУ при введении режима особых условий следует отметить, что международным правом не предусмотрены четкие пределы возможных правоограничений. Так, в Минимальных стандартных правилах лишь закреплено положение о том, что целесообразно вводить только те правоограничения, которые действительно необходимы для обеспечения надежности надзора и соблюдения правил общежития в учреждении.

Таким образом, при установлении дополнительных ограничений в рамках режима особых условий администрации ИУ следует ориентироваться на складывающуюся обстановку, а также на целесообразность их введения, поэтому в каждом конкретном случае перечень устанавливаемых правоограничений может быть различен. Однако законодателю необходимо предусмотреть все возможные ситуации развития событий и предоставить исполнителю максимальный набор средств, направленных на обеспечение эффективного исполнения наказаний. В то же время целесообразно предусмотреть возможность как введения дополнительных, так и снятия излишних ограничений в период уже установленного в ИУ режима особых условий, что в целом будет оказывать определенное исправительное и профилактическое воздействие на осужденных.

Подводя итог сравнению законодательного регулирования рассматриваемого режима в исправительных учреждениях Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины, стоит акцентировать внимание и на отличии в его названии. Как уже отмечалось, в законодательствах РФ, Казахстана и Украины данный вид режима имеет название «режим особых условий», в то же время в законодательстве Республики Беларусь он определен как «режим особого положения». С на-

шей точки зрения, целесообразно определиться с оптимальным наименованием рассматриваемых режимов, в связи с чем следует обратиться к толкованию входящих в их состав слов, а именно: «режим», «особый», «положение» и «условия».

Обращаясь к этимологии термина «режим», следует отметить, что он произошел от французского слова «regime», означающего образ жизни, распорядок или управление, либо от латинского «regimen» – правление или управление. При этом к настоящему времени он получил широкое распространение в русском языке и имеет разнообразные варианты толкования, которые легли в основу выделения различных видов социальных режимов. Одним из них является юридический (или правовой) режим, особенность которого заключается в том, что он создается, закрепляется и основывается на такой форме социального регулирования, как право.

Учитывая, что данный термин в названиях рассматриваемых режимов является общим, с нашей точки зрения, нет нужды в его доскональном изучении. В то же время хотелось бы отметить точку зрения В. Б. Шабанова и др., которая имеет существенный теоретический и практический интерес, согласно которой режим лишения свободы следует рассматривать в двух смыслах:

- широко, подразумевающим систему мер, направленных на достижение целей наказания;
- узком, определяющем его как правила поведения осужденных и применения к ним наказания и принудительных мер¹.

В указанных понятиях присутствует также еще один общий термин – «особый». В соответствии с Толковым словарем русского языка понятие «особый» истолковывается как «необычный, исключительный, не похожий или отличный от других либо предназначенный специально для какой-либо определенной цели»². Данное определение отражает суть рассматриваемого явления, поскольку действительно этот режим отличается от повседневного режима в ИУ наличием дополнительных

¹ См.: Шабанов В. Б., Красиков В. С., Кийко Н. В. Организация режима в исправительных учреждениях : учеб. пособие / под ред. В. Б. Шабанова. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. С. 6.

² Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка (ок. 160000 слов): в 3 т. . М. : АСТ: Астрель, 2006. Т. 2. С. 494.

ограничений и целью, направленной на профилактику правонарушений.

Более интересна трактовка понятий «положение» и «условия» в целях их разграничения и выбора наиболее подходящего, так как термины «режим» и «особый» являются общими для рассматриваемых дефиниций чрезвычайного вида режима в ИУ и поэтому не влияют на их разграничение.

В рассматриваемом контексте для термина «положение» наиболее близким по смыслу является «состояние, обусловленное какими-либо обстоятельствами, либо условия существования чего-либо», а для «условий» – «обстоятельства, предпосылки, определяющие или обуславливающие существование или осуществление чего-либо»¹.

С учетом указанного режим особого положения можно охарактеризовать как режим необычного отличающегося состояния, обусловленный определенными обстоятельствами и предназначенный для определенной цели, а режим особых условий – как необычный, исключительный режим, вызванный определенными обстоятельствами и предназначенный для определенной цели. Из приведенных определений усматривается, что рассматриваемые дефиниции являются практически идентичными и отражают сущность рассматриваемого правового явления. В связи с этим представляется, что оба наименования рассматриваемого правового средства – «режим особого положения» и «режим особых условий» – имеют право на существование, поскольку, по сути, являются тождественными.

Таким образом, режим особых условий составляет правовую основу противодействия наиболее опасным происшествиям в ИУ, формируя условия, необходимые для реализации мер по обеспечению безопасности лиц, находящихся на их территории, предупреждению и пресечению групповых правонарушений, преступлений, представляющих для ИУ чрезвычайный характер, а также направлен на поддержание в них установленных требований режима в период чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

¹ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка (ок. 160000 слов) : в 3 т. М. : АСТ: Астрель, 2006. Т. 3 : Р-Я. С. 658, 866.

ГЛАВА 4. ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

§ 4.1. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения

При рассмотрении особенностей осуществления уголовно-исполнительной деятельности в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения нельзя не обратить внимание на исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Представляется, что исполнение и иных уголовных наказаний будет затруднено ввиду положений ст. 7 ФКЗ «О военном положении», которые могут непосредственно распространяться на большинство осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества – штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы и пр. Так, возможно запрещение или ограничение выбора места пребывания либо места жительства, временное отселение жителей в безопасные районы, привлечение граждан к выполнению работ для нужд обороны, восстановлению поврежденных (разрушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, к участию в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями и т. п. В ст. ст. 11, 12, 13 и др. ФКЗ «О чрезвычайном положении» предусмотрены похожие и иные правоограничения: временное отселение жителей в безопасные районы; ограничения на свободу передвижения; введение карантина; выдворение лиц, нарушающих режим чрезвычайного положения; и пр.

В настоящее время уголовным и уголовно-исполнительным (включая Инструкцию по организации исполнения наказаний

и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утв. Приказом МЮ РФ от 20.05.2009 № 142) законодательством не предусмотрены порядок и особенности исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного положения или военного положения, хотя все чаще и чаще наше государство сталкивается с различными экстремальными ситуациями¹.

Эти ситуации происходят из-за военно-политических конфликтов, причем не только на территории России, но и на территориях сопредельных государств, а также из-за различных катастроф техногенного, природного и иного характера, в результате которых корректируется правовое положение как осужденных без изоляции от общества, так и сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, что и обуславливает необходимость разработки уголовно-исполнительного законодательства в части исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения.

В УИК РФ предусмотрен режим особых условий в случаях стихийного бедствия, введения в районе расположения ИУ чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных. При этом данная норма распространяется исключительно на исполнение лишения свободы, но не других уголовных наказаний, как связанных с изоляцией осужденного от общества, так и без этого.

Представляется, что в отношении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, при наступлении стихийного бедствия, введении чрезвычайного или военного положения существует несколько возможных направлений корректировки законодательства.

¹ См.: Скиба А. П. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, чрезвычайного или военного положения: постановка проблемы // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.) : в 2 т. Т. 1 : материалы пленарного заседания. Рязань : Академия ФСИН России, 2016. С. 40–45.

Так, целесообразно закрепить институт приостановления отбывания наказания, не связанного с изоляцией осужденного от общества, в период стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения в случае невозможности его исполнения.

В обоснование нашей точки зрения рассмотрим пример. Осужденному к обязательным работам предписано отбывать наказание на определенном объекте, который находится на затопленной в результате наводнения территории. Законодательно нигде не закреплены порядок и условия отбывания обязательных работ (как и других наказаний без лишения свободы) в случае стихийных бедствий, а также действия и полномочия сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в этом случае. Фактически отбывать наказание осужденный не может (не по своей вине, а в силу природных катаклизмов), при этом отсутствует основание отсрочки или приостановления исполнения наказания, как и освобождения от его отбывания.

Данную проблему могло бы решить введение института приостановления отбывания наказания, не связанного с изоляцией осужденных от общества, основанием которого может быть наступление стихийного бедствия, а также введение чрезвычайного или военного положения.

Процедурно приостановление исполнения наказания может осуществляться, например, по постановлению начальника уголовно-исполнительной инспекции, впоследствии согласованного с судом (между тем это предложение спорно и требует дополнительного анализа – *прим. авт.*). Это объясняется тем, что в случае наступления «экстремальных ситуаций», например наводнения, судебные органы могут быть эвакуированы в другой район, область, город и процесс направления и рассмотрения судом представлений уголовно-исполнительных инспекций затруднен и длителен, тем более что обстоятельство в виде наводнения объективно препятствует отбыванию наказания.

Относительно стихийных бедствий и эвакуации осужденных в безопасную местность возникает еще больше вопросов. Если осужденного, например, к обязательным или исправительным

работам, эвакуируют в другую область, то каким образом будет исполняться его наказание?

Думается, что теоретически здесь возможны два варианта решения:

– исполнение наказания приостанавливается до момента ликвидации последствий стихийных бедствий, чрезвычайного или военного положения;

– личное дело и другие документы осужденного могут быть переданы в соответствующий регион, где и будет продолжено отбывание наказания.

Рассматривая первый вариант, следует отметить, что он представляется более уместным и удобным в условиях экстремальных ситуаций. Однако имеет место следующая проблема – если исполнение наказания приостанавливается до момента устранения последствий стихийного бедствия, то фактически эвакуируемый осужденный остается без контроля сотрудников уголовно-исполнительной инспекции, что может спровоцировать противоправное поведение и совершение повторных преступлений с его стороны. Ведь именно плотность контроля за поведением осужденного и степень воздействия на него при помощи технических и иных профилактических средств со стороны сотрудников уголовно-исполнительной инспекции являются одними из главных составляющих эффективности индивидуального исправительного воздействия.

Проблема отсутствия контроля со стороны уголовно-исполнительной инспекции возникает и в случае приостановления исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, без эвакуации осужденных в другие местности из-за стихийных бедствий, чрезвычайных и военных положений. Возможно, чтобы данная проблема не появлялась, необходимо установить какую-либо периодичность осуществления проверок осужденного по месту жительства, профилактических бесед и т. д. сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций в случае, если исполнение наказания приостановлено, чтобы осужденный на психологическом уровне чувствовал, что он находится под контролем, тем самым не допуская противоправного поведения; в этом случае сотрудники инспекции

будут по-прежнему осведомлены о жизни и поведении подконтрольного.

Рассматривая второй вариант, следует отметить, что в случае стихийного бедствия, чрезвычайного или военного положения передача личных дел осужденных из одной уголовно-исполнительной инспекции в другую может повлечь за собой ряд проблем, например:

- резкое увеличение количества состоящих на учете инспекции осужденных и большую нагрузку на сотрудников определенной уголовно-исполнительной инспекции за счет передачи личных дел из эвакуируемых районов (что объективно может повлечь формальный подход к контролю за осужденными);

- проблемы с трудоустройством осужденных к исправительным работам и вообще с определением объекта отбывания наказания осужденных к обязательным работам (особенно, если эвакуация осуществлялась на небольшие районы, в которых и до этого имела место проблема с организацией исполнения наказаний без изоляции осужденных от общества, связанных с привлечением к труду);

- и др.

После того как срок приостановления исполнения наказания истечет, осужденный должен будет дальше продолжать отбывать наказание. Как правило, стихийные бедствия и другие экстренные ситуации наносят серьезный ущерб отдельным регионам и стране в целом. Поэтому в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения основные силы государства и общества должны быть направлены на сохранение государственного строя и самого государства, а также на устранение последствий произошедших трагедий.

Полагаем, что необходимо привлекать осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, с их согласия, к различным работам по ликвидации последствий экстремальных ситуаций (помогать в эвакуации людей, «сидеть в засаде», разбирать завалы и т. п.); в этом случае данный срок привлечения к таким работам будет идти в зачет срока отбывания наказания.

Между тем возникает проблема по привлечению к таким работам осужденных к исправительным работам. Возможно,

осужденные к исправительным работам могут быть привлечены к работам по ликвидации последствий стихийного бедствия лишь в том случае, если их официальное место работы в связи с возникновением экстремальных ситуаций по объективным причинам не функционирует (например, стройка дома, на которой осужденный трудится, «заморожена»).

Возникает также еще одна проблема с исполнением исправительных работ – заработная плата при привлечении осужденного к работам по ликвидации последствий экстремальных ситуаций не начисляется, удержания не производятся и, соответственно, в доход государства ничего не перечисляется. Однако при этом одновременно происходит ликвидация последствий экстремальных ситуаций, а удержания из доходов этого осужденного государство, возможно, все равно бы потратило на работы по ликвидации таких негативных последствий.

Относительно других видов наказаний, не связанных с привлечением к труду и изоляцией осужденных от общества, например ограничению свободы, целесообразно разработать меры по стимулированию поведения таких осужденных. Считаем, что в этом контексте возможно закрепить в законодательстве право осужденных на условно-досрочное освобождение от отбывания наказаний без изоляции от общества (что предлагается в юридической литературе ¹).

Данная мера будет стимулировать осужденного участвовать в мероприятиях по ликвидации последствий экстремальных ситуаций, тем самым процесс его исправления будет действеннее, нежели если он будет «просто» находиться дома.

¹ См.: Бабаян С. Л. Стимулирование исправления осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3 (86). С. 105–110; Ольховик Н. В. Эффективность исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 51–59; Аммосова В. И. К вопросу об условно-досрочном освобождении осужденных от отбывания наказания в виде исправительных работ // Закон и право. 2015. № 3. С. 126–129; Бабаян С. Л., Габараев А. Ш. Совершенствование системы стимулирования в отношении осужденных к исправительным работам // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32). С. 9–13; и др.

В период действия военного положения или чрезвычайного положения, введенного при массовых беспорядках или групповых неповиновениях осужденных, происходит ограничение прав и свобод осужденных, а также возложение на них дополнительных обязанностей, в том числе путем направления в другую местность, например для обеспечения обороноспособности государства. При этом следует учитывать возможность появления проблемы в виде остановки какого-либо производства; в этом случае заработная плата осужденному не будет начисляться, что будет затруднять исполнение штрафа или производство удержаний при применении исправительных работ. В этом случае вряд ли будет целесообразным приостановление отбывания наказания и следует говорить о возможности досрочного освобождения осужденного к штрафу или исправительным работам от отбывания наказания. Защищая государство на военном фронте, находясь в тылу или на других объектах военного предназначения и добросовестно выполняя поставленные задачи, не допуская противоправного поведения, осужденный докажет, что он исправляется и имеет право на досрочное освобождение от отбывания наказания.

Дополнительно возникает вопрос, также не решенный в уголовно-исполнительном законодательстве, об интернировании (изоляция) осужденных граждан иностранного государства, воюющего с РФ, что предусмотрено в ст. 7 ФКЗ «О военном положении». Получается, что при введении военного положения может быть принудительно задержан и помещен в специальное учреждение иностранный гражданин, осужденный, например к штрафу, обязательным работам или другому наказанию, не связанному с изоляцией от общества. В этом случае также возможно приостановление исполнения наказания.

Что касается исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, хотелось обратить отдельное внимание на лиц, имеющих различные заболевания. Данной категории осужденных не уделено надлежащего внимания в законодательстве, и соответственно отсутствуют какие-либо положения отбывания наказания этой категорией осужденных в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения в соответствующем регионе.

В период серьезных природных или техногенных катастроф, при введении режима военного времени или чрезвычайного положения, все население соответствующих районов должно устранять соответствующие негативные последствия, работать для решения соответствующих задач, претерпевать дополнительные ограничения и т. д.

На наш взгляд, в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения осужденные без изоляции от общества, страдающие различными видами заболеваний, также должны в обязательном порядке привлекаться к работам, но с учетом состояния здоровья – наличия конкретного заболевания, его тяжести, влияния на работоспособность и т. п.

Досрочно же освобождаться от отбывания наказания такая категория лиц должна лишь тогда, когда состояние здоровья вообще не позволяет привлекать их к работе.

Если данный подход распространять на наказание в виде исправительных работ в отношении лиц, страдающих различными видами заболеваний, то получается следующее.

Исходя из ч. 5 ст. 50 УК РФ, исправительные работы могут быть назначены инвалидам II и III групп. В то же время в соответствии с Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 17.12.2015 № 1024н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» инвалиды II группы, которым установлена способность к трудовой деятельности, могут работать в специально созданных условиях труда, в частности на специализированных предприятиях. Однако, как показывает практика, предприятий, где могут работать такие осужденные-инвалиды, особенно страдающие социально-значимыми заболеваниями, недостаточно, в связи с чем изначально возникает проблема в их трудоустройстве, так как условия для осуществления трудовой деятельности для такой категории осужденных специально не создаются.

Однако в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения больных осужденных можно было бы привлекать к восстановительным работам для ликви-

дации последствий экстремальных ситуаций. По нашему мнению, такое возможно без применения института приостановления отбывания наказания, если болезнь осужденного не препятствует соответствующим работам и они засчитываются в срок отбывания наказания.

В случае же ухудшения состояния здоровья в период отбывания наказания инвалидом II группы, включая получения им травмы, с установлением по результатам медико-социальной экспертизы I группы инвалидности он освобождается от отбывания наказания в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения; должны также освобождаться и лица с явными физическими недостатками или тяжелейшими заболеваниями (отсутствием конечностей, а также их деформацией, отсутствием возможности дышать без аппарата искусственного дыхания и т. д.).

Таким образом, представляется актуальной дальнейшая разработка института приостановления отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в условиях наступления чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, чрезвычайных экологических ситуаций и иных подобных обстоятельств; разработка мер по стимулированию осужденных к наказаниям без лишения свободы путем привлечения к работам по ликвидации последствий экстремальных ситуаций; разработка в целом уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения.

§ 4.2. Уголовно-процессуальная деятельность при введении режима особых условий в исправительных учреждениях: реализация досудебных форм

Деятельность администрации ИУ характеризуется разносторонностью и направлена на решение различных целей и задач, в том числе в области предупреждения совершения новых преступлений. На это же отчасти ориентирована и уголовно-процессуальная деятельность учреждений и органов УИС, ко-

торая реализуется через разные формы в процессе: проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела, производства неотложных следственных действий, предварительного расследования преступлений в форме дознания, разрешения вопросов в стадии исполнения приговора, включая передачу осужденных для отбывания наказания в государство их гражданства¹. Ее значимость очевидна, поскольку ежегодное количество лиц, совершивших преступления, не отбывших наказание в виде реального лишения свободы, в 2008–2017 годах колебалась от 15,9 тыс. до 5,2 тыс. человек, согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ², а количество досрочно освобожденных осужденных от наказания судами стабильно составляет по несколько десятков тысяч человек по информации Федеральной службы исполнения наказаний России³. Рассмотрим более подробно досудебные формы уголовно-процессуальной деятельности в период действия режима особых условий в исправительных учреждениях.

Уголовно-процессуальная деятельность тесно взаимосвязана с другими аспектами функционирования ИУ – оперативно-розыскного и иного режимного характера, воспитательной работой и пр., и обычно реализуется теми же сотрудниками (оперативными уполномоченными и др.). Это относится как к мирному или чрезвычайному времени, так и к режиму особых условий в исправительных учреждениях, который вводится согласно ч. 1 ст. 85 УИК РФ в случаях стихийного бедствия, введения в районе расположения ИУ чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных. Режим особых условий действует достаточно продолжительное время: он вводится на срок до 30 суток (ч. 3 ст. 85 УИК РФ). Соответственно

¹ См.: Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

² См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>.

³ См.: Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний России. URL: <http://www.fsin.su>.

в этот период ряд специфических обстоятельств, обуславливающих нейтрализацию вышеуказанных оснований введения режима особых условий, будет влиять и на осуществление уголовно-процессуальной деятельности ИУ.

В то же время имеет место в целом отсутствие надлежащего регулирования применения режима особых условий в ИУ: практически не закреплены особенности правового положения осужденных (кроме ограничения их некоторых прав – *прим. авт.*), не определена специфика осуществления исправительно-профилактической работы с осужденными и т. п., что не может не влиять на осуществление уголовно-процессуальной деятельности.

Похожая ситуация – в следственных изоляторах. В соответствии со ст. 48 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» режим особых условий вводится в случаях стихийных бедствий, эпидемий, эпизоотий, обширных очагов возгораний, крупных аварий систем жизнеобеспечения, массовых беспорядков, захвата заложников и других террористических актов или неповиновения подозреваемых и обвиняемых либо при наличии реальной угрозы вооруженного нападения на места содержания под стражей. Режим особых условий в местах содержания под стражей также может применяться продолжительное время – на срок до тридцати суток.

Установление режима особых условий зависит от специфики самих учреждений и особенностей осужденных, содержащихся в них. Специфика различных учреждений УИС преимущественно основывается на режиме в исправительном учреждении, который по ч. 1 ст. 82 УИК РФ представляет собой порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных и пр.

Исправительные учреждения существенно различаются между собой с учетом особенностей их режима. Так, по ст. 128 УИК РФ и иным положениям уголовно-исполнительного законодательства колонии-поселения представляют собой полуоткрытые учреждения с нахождением осужденных в общежитиях

без серьезной внутренней и внешней изоляции; в них осужденные содержатся без охраны, но под надзором администрации колонии-поселения; и т. п. Тюрьмы – наоборот, представляют собой закрытые учреждения с содержанием осужденных в запираемых общих камерах и наиболее строгими условиями содержания, в необходимых случаях осужденные могут содержаться в одиночных камерах и т. п.

Требуют учета при введении режима особых условий также особенности лиц, содержащихся в различных учреждениях УИС.

В этом случае специфика реализации режима особых условий будет зависеть от особенностей категорий осужденных в конкретных исправительных учреждениях, а также вышеуказанных и иных условий их содержания, что в законодательстве не закреплено.

Регулирование форм уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов УИС в мирное и нечрезвычайное время также имеет ряд недостатков: не определена их подследственность, имеются сложности в обеспечении безопасности осужденных – участников уголовного судопроизводства, отсутствуют должности дознавателей в УИС и т. п. (об этих и других проблемах в изучаемой области говорят различные специалисты ¹). Без сомнения, в период действия режима особых усло-

¹ См.: Гаврилов Б. Я. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений ФСИН России как одна из составляющих уголовно-исполнительной политики // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. Рязань : Академия ФСИН России, 2016. С. 63–69; Гирько С. И., Ширванов А. А. Подследственность уголовно-исполнительной системы как органа дознания – проблема, которую необходимо решить в первоочередном порядке // Преступление, наказание, исправление (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. III Междунар. пенитенц. форума. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. С. 29–36; Шурухнов Н. Г. Уголовно-процессуальные полномочия на возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий в учреждениях уголовно-исполнительной системы (проблемы законодательной регламентации) // Актуальные проблемы организации правоохранительной и правозащитной деятельности : сб. матер. конф. Тула, 2018. С. 72–82.

вий в ИУ проблемы уголовно-процессуальной деятельности еще больше усугубляются.

Ввиду взаимосвязи уголовно-процессуальной деятельности с другими аспектами функционирования ИУ первая в той или иной степени может быть ориентирована и на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства по ст. 1 УИК РФ – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений (кроме назначения уголовного судопроизводства, в соответствии со ст. 6 УПК РФ). Как отмечается в юридической литературе ¹, фактически реализация целей уголовного процесса ориентирована на достижение целей уголовного наказания.

Да и сам режим особых условий в ИУ в целом ориентирован на предупреждение совершения различных преступлений (например, дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, по ст. 321 УК РФ) и предшествующих им правонарушений.

Общеизвестно, что предупреждение пенитенциарных преступлений будет наиболее эффективным, если заранее не допускать совершения осужденными дисциплинарных и иных нарушений ². Более того, ряд злостных нарушений (в частности, угроза, неповиновение представителям администрации ИУ или их оскорбление; организация группировок осужденных, направленных на совершение злостных нарушений, а равно активное участие в них и т. п.) при определенных обстоятельствах могут быть признаны преступлениями, а потому требуют особого внимания со стороны сотрудников УИС.

Для проведения процессуальных действий и принятия соответствующих решений действуют начальник ИУ, в целом адми-

¹ См.: Уголовный процесс: проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013. С. 98.

² См.: Авдеев В. А. Оптимизация целей наказания в контексте предупреждения преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 41–53; Малышева О. А. Взаимодействие органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы в предупреждении пенитенциарной преступности : научный очерк. М., 2007.

нистрация ИУ и ее отдельные сотрудники. Так, начальник ИУ как орган дознания вправе возбудить уголовное дело и произвести по нему неотложные следственные действия при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно (ч. 1 ст. 157 УПК РФ).

Однако на практике осуществление процессуальных действий начальники ИУ обычно возлагают на сотрудников оперативных подразделений¹, хотя последние нередко воспринимают уголовно-процессуальные полномочия как нечто второстепенное по сравнению со своими прямыми оперативно-розыскными обязанностями. Данная ситуация негативно влияет на реализацию уголовно-процессуальной деятельности ИУ, тем более что в УИС отсутствуют должности дознавателей, а следователи и иные должностные лица других правоохранительных органов (органов внутренних дел, Следственного комитета и др.) обычно не обладают специальными навыками по специфике общения с осужденными, особенно приверженцами традиций криминальной субкультуры, и особенностям осуществления процессуальных действий в условиях ИУ.

На учреждения УИС влияют различные факторы, оказывающие воздействие на эффективность выявления и расследования пенитенциарных преступлений: запланированность и ухищренность способов совершения осужденными преступлений; распространенность криминальной субкультуры среди осужденных; постоянное противодействие осужденными выявлению и расследованию преступлений; знание большинством осужденных о методах расследования преступлений, применяемых правоохранительными органами; организационно-правовые сложности исполнения ряда положений уголовно-процессуального законодательства; наличие возможности активного применения оперативно-режимных и иных мероприятий в выявлении и рас-

¹ См.: Особенности производства предварительного расследования по делам о преступлениях, совершаемых в учреждениях УИС : монография / А. С. Шаталов и др. – Вологда : Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2007; Страхов А. В. Предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в исправительных учреждениях ФСИН России : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

следовании преступлений; негативное воздействие осужденных правонарушителей на других осужденных, являющихся потерпевшими, свидетелями или имеющих иной процессуальный статус; отдаленность и труднодоступность некоторых ИУ; возможность незамедлительного задержания и изоляции осужденного, подозреваемого в совершении преступления; и т. п.

Реализация уголовно-процессуальной деятельности в ИУ с учетом вышеуказанных факторов осуществляется во взаимосвязи с установленным порядком исполнения и отбывания наказания (режимом) через деятельность отдела безопасности, осуществляющего обыски осужденных и помещений, в которых они проживают, досмотр вещей осужденных и т. п., оперативных отделов и других подразделений УИС (ведь оперативно-розыскная деятельность, режим особых условий и использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля и пр. являются средствами обеспечения режима в ИУ).

Регулирование самого режима в ИУ и средств его обеспечения, а также использования полученных результатов администрациями ИУ преимущественно регламентируется в уголовно-исполнительном законодательстве.

При этом в уголовно-процессуальном законодательстве практически не закреплены способы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве; только в ст. 89 УПК РФ говорится о возможности использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности, если они соответствуют требованиям УПК РФ.

В этом случае особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности в ИУ преимущественно закрепляются в уголовно-исполнительном законодательстве (ч. 1 ст. 84 УИК РФ). В этом случае оперативно-розыскная деятельность как средство обеспечения режима в ИУ становится условно «оперативно-режимной», а результаты оперативно-режимной работы могут быть использованы не только при доследственной проверке или как повод для возбуждения уголовного дела, но и для подготовки и осуществления следственных и судебных

действий, проведения мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений и т. п.

Для принятия решения по материалам доследственной проверки целесообразно активно применять оперативно-режимные меры, кроме прямо предусмотренных оперативно-розыскных мероприятий в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», к которым возможно отнести: обеспечение личной безопасности осужденного, применяемое путем его перевода в безопасное место или принятия иных мер; постоянные утренние и вечерние проверки наличия осужденных; цензура корреспонденции осужденных; и др. При этом необходимо помнить, что данные меры не являются процессуальными действиями и реализуются независимо от доследственной проверки, о чем еще в советское время обоснованно говорилось в юридической литературе¹.

При проведении доследственной проверки в ИУ следует учитывать, что в них сконцентрировано большое число осужденных, с деформированной психологией и психическими отклонениями, придерживающихся традиций криминальной субкультуры, запрещающих обращаться к администрации учреждения, в том числе по поводу готовящихся или совершенных преступлений; в противном случае за сотрудничество с администрацией ИУ может последовать физическая расправа в отношении таких осужденных. При этом в большинстве ИУ осужденные проживают в жилых секциях поотрядно и работают на промышленных объектах побригадно, что фактически лишает их возможности негласно общаться с персоналом ИУ ввиду тотальной слежки осужденных друг за другом именно для выявления лиц, сотрудничающих с администрацией ИУ и другими правоохранительными органами.

Значимость оперативно-розыскной деятельности в ИУ трудно переоценить. Кроме обеспечения режима в ИУ оперативные сотрудники круглосуточно отслеживают оперативную обстановку, выявляют и проводят проверки по дисциплинарным нарушениям осужденных, противодействуют попыткам попада-

¹ См.: Петуховский М. А. Дознание и предварительное следствие в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1979.

ния к осужденным запрещенных предметов, устанавливают и расследуют факты неслужебных связей персонала с осужденными, выявляют преступления, а также собирают информацию, которую можно будет использовать в доказывании, и т. п.

Представляется, что, например, при массовых беспорядках или групповых неповиновениях осужденных как основаниях введения режима особых условий для получения необходимой информации администрацией ИУ будут применяться в основном именно оперативно-розыскные и оперативно-режимные меры, так как до нормализации оперативной обстановки в ИУ проведение сугубо процессуальных мероприятий будет существенно затруднено.

Еще одним средством обеспечения режима в ИУ является применение технических средств надзора и контроля как для предупреждения, пресечения, выявления совершения осужденными преступлений и предшествующих им нарушений, особенно злостных, так и для проведения следственных и иных мероприятий в процессе расследования преступлений. Согласно ч. 1 ст. 83 УИК РФ аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля используются для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных.

Думается, что применение технических средств надзора и контроля будет особенно необходимым в период действия режима особых условий для получения негласной информации о событиях, происходящих в исправительном учреждении.

Вместе с тем путем осуществления оперативно-розыскной деятельности и применения технических средств надзора и контроля в ИУ, особенно при введении режима особых условий, вряд ли будет возможность получать надлежаще оформленные процессуально значимые результаты.

Это предопределяет необходимость формулирования особенностей уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов УИС и их соответствующего нормативного закрепления.

Определенные предпосылки к этому уже имеются в действующем законодательстве. Так, в соответствии со ст. 12 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» в случае введения чрезвычайного положения на территории, на которой вводится чрезвычайное положение, указом Президента РФ о введении чрезвычайного положения может быть предусмотрено, помимо прочего, продление срока содержания под стражей лиц, задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством РФ по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца; кроме того, в ст. 48 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусмотрено, что при введении режима особых условий могут быть ограничены или приостановлены все мероприятия, проводимые с участием подозреваемых и обвиняемых, усиливаются их охрана, пропускной режим и надзор за подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, прекращается прием посылок и передач, а также принимаются другие меры, предусмотренные законом.

С учетом сказанного, объективно уголовно-процессуальная деятельность в ИУ еще более осложняется в период действия режима особых условий, ведь основаниями его введения являются в соответствии с ч. 1 ст. 85 УИК РФ стихийное бедствие, введение в районе расположения ИУ чрезвычайного или военного положения, массовые беспорядки и групповые неповиновения осужденных.

Кроме того, из-за проблем уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов УИС даже в мирное и нечрезвычайное время администрации ИУ вместо проведения процессуальных действий, требующих оформления в соответствии с УПК РФ, нередко осуществляют оперативно-режимные и иные мероприятия, согласно нормам уголовно-исполнительного законодательства без соответствующего процессуального оформления.

В результате на практике большая часть совершенных осужденными преступлений остается латентными (с этим согласны

и другие исследователи ¹). При этом нередко преступления, совершенные осужденными, оформляются как дисциплинарные нарушения, что ведет к безнаказанности и формированию у них устойчивого преступного поведения.

Более того, при массовых беспорядках и групповых неповиновениях – одних из оснований введения режима особых условий – негативная активность осужденных, особенно приверженцев традиций криминальной субкультуры, резко возрастает. Это связано с различными факторами: повышенным негативным эмоциональным состоянием большого числа осужденных, увеличением неофициальной власти у лидеров – представителей криминальной субкультуры, попытками одних осужденных «решить проблемы» в отношении других, пользуясь дестабилизацией деятельности ИУ и сложностью потенциальных потерпевших обратиться за помощью к администрации учреждения, в том числе для обеспечения их личной безопасности, и т. п. Усиливается также организованное сопротивление со стороны осужденных оперативно-режимной и иной деятельности сотрудников УИС путем их недопуска в жилые и иные помещения, вооруженного и массового неповиновения и сопротивления, сосредоточения осужденных в конкретном месте, что затрудняет негласные встречи оперативных сотрудников с конфидентами-осужденными и пр.

В этой ситуации объективно затруднено исполнение норм уголовно-процессуального законодательства и осложнена деятельность, в основном, оперативных сотрудников в процессе проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела, при производстве неотложных следственных действий и в ходе предварительного расследования совершенных осужденными преступлений в форме дознания.

В свою очередь, в период действия режима особых условий сотрудникам воспитательного отдела и другим работникам ИУ

¹ См.: Гирько С. И. Почему необходимо восстановление уголовно-процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Российский следователь. 2018. № 4. С. 25–29; Хохрин С. А. Латентность как фактор пенитенциарной преступности // European Journal of Law and Political Sciences. 2016. № 1. С. 74–76.

будет сложно применять даже меры взыскания к нарушителям-осужденным, переводить в более строгие условия отбывания наказания и иным образом усиливать правоограничения в их отношении. Так, только по ч. 1 ст. 117 УИК РФ в мирное и чрезвычайное время до наложения взыскания у осужденного берется письменное объяснение или же в случае его отказа от дачи объяснения составляется соответствующий акт, взыскание налагается не позднее 10 суток со дня обнаружения нарушения, а если в связи с нарушением проводилась проверка – со дня ее окончания, но не позднее трех месяцев со дня совершения нарушения, и т. п.

В правоприменительной деятельности наиболее применяемым способом проверки сообщений о пенитенциарных преступлениях является получение объяснения от осужденного. С учетом значимости уголовно-процессуального объяснения как мероприятия, применяющегося в ходе доследственной проверки, полагаем, что основная проблема – недопустить его подмены объяснением осужденного по факту дисциплинарного нарушения (по ч. 1 ст. 117 УИК РФ), которое нередко предшествует преступлению.

Кроме того, в период действия режима особых условий в ИУ может приостанавливаться осуществление некоторых прав осужденных (приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, получение свиданий, посылок, передач и бандеролей, их переписка, переводы денежных средств, телефонные разговоры, передвижение без конвоя или сопровождения, выезды за пределы ИУ и пр.), вводиться усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты, изменяться распорядок дня, ограничиваться деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб (ч. 2 ст. 85 УИК РФ). В этом случае существенно меняется организация деятельности отдела безопасности, оперативных и иных подразделений УИС, которые имеют отношение к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности.

Это важно уже в связи с тем, что обычно передача материалов по фактам совершенных преступлений в ИУ осуществляется в форме рапорта об обнаружении признаков преступления,

подготовленного лицом, принявшим сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, в соответствии со ст. 143 УПК РФ. Обычно же в учреждениях УИС к сообщениям о происшествиях можно отнести: сведения о происшествиях, событиях и фактах, относящихся к обеспечению правопорядка в учреждении; сообщения медицинского персонала о выявлении у осужденных телесных повреждений; сведения о происшествиях, содержащиеся в журналах рапортов приема-сдачи дежурств, учета рапортов о нарушениях установленного порядка отбывания наказания, учета применения специальных средств, расследования и учета несчастных случаев на производстве; информация, взятая из амбулаторного журнала, медицинских карт и личных дел осужденных, карточек индивидуально-воспитательной работы с ними; рапорты сотрудников УИС о непосредственно обнаруженных или выявленных ими происшествиях.

При разрешении сообщений о преступлениях начальник ИУ как орган дознания обязан принять меры к предотвращению или пресечению преступления, а также к закреплению следов преступления (ч. 3 ст. 145 УПК РФ). При этом в условиях ИУ риск утраты следов преступления более значителен, чем в иных случаях, так как осужденные могут целенаправленно уничтожать или повреждать следы преступления. В этом случае безотлагательными мерами по сохранению следов преступления следует считать: организацию охраны места происшествия; выявление осужденных, ставших очевидцами преступления, и получение от них объяснений; поиск предметов и документов, сохранивших следы преступления, других объектов, имеющих значение для дела; зарисовка, фотографирование или видеосъемка материальных следов преступления, которые могут быть утрачены до прибытия следователя или дознавателя; и др.

Без сомнения, в период действия режима особых условий реализация вышеуказанных мер также может быть затруднена.

Очевидно, что уже на этом этапе уголовного преследования будут иметь место затруднения деятельности оперативных, режимных и иных подразделений УИС, так как организация их функционирования в связи с введением режима особых условий может быть существенно скорректирована.

Таким образом, выделяется несколько проблем реализации досудебных форм уголовно-процессуальной деятельности при введении режима особых условий в ИУ, требующих своего изучения и разрешения:

1) отсутствие штатных должностей дознавателей в уголовно-исполнительной системе и сложности разграничения уголовно-процессуальной и оперативно-режимной деятельности ИУ;

2) сложности осуществления уголовно-процессуальной деятельности в период действия режима особых условий ввиду наличия дополнительных факторов, в целом затрудняющих нормальное функционирование ИУ;

3) недостаточность закрепления особенностей уголовно-процессуальной деятельности ИУ, в том числе в период действия режима особых условий;

4) отсутствие четкого подхода к особенностям организации реализации досудебных форм уголовно-процессуальной деятельности при введении режима особых условий в ИУ.

Представляется, что актуально дальнейшее исследование изучаемой проблематики и формулирование предложений по повышению эффективности реализации досудебных форм уголовно-процессуальной деятельности при введении режима особых условий в ИУ, включая корректировку действующего законодательства.

§ 4.3. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: основные положения Специальной части УИК РФ

Уголовно-исполнительное законодательство в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения представляет собой актуальное направление развития уголовно-исполнительного права.

Ввиду увеличения числа стихийных бедствий и чрезвычайных происшествий, происходящих на территории нашей страны, сложной военно-политической обстановки в ряде регионов

мира, в том числе в непосредственной близости от российских границ, актуальным представляется анализ некоторых норм уголовно-исполнительного законодательства РФ с точки зрения возможности их применения в условиях стихийного бедствия, чрезвычайного или военного положения либо наступления иных подобных обстоятельств.

Необходимость разработки уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения обусловлена многими факторами военно-политического, техногенного, природного и иного характера, причем не только на территории России, но и сопредельных государств.

Особо выделяются внутренние и внешние военные опасности, прописанные в Военной доктрине РФ, утвержденной Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976, которые могут существенно влиять на деятельность уголовно-исполнительной системы. Однако в данном случае вряд ли обосновано говорить о глубоко военных аспектах уголовно-исполнительной деятельности, так как эти опасности разнообразны.

Среди внешних военных опасностей согласно п. 12 Военной доктрины РФ можно выделить следующие: наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях государств, сопредельных с РФ и ее союзниками; растущая угроза глобального экстремизма (терроризма) и его новых проявлений в условиях недостаточно эффективного международного антитеррористического сотрудничества, реальная угроза проведения терактов с применением радиоактивных и токсичных химических веществ, расширение масштабов транснациональной организованной преступности, прежде всего незаконного оборота оружия и наркотиков; наличие (возникновение) очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок, иностранных частных военных компаний в районах, прилегающих к Государственной границе РФ и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и экстремизма в отдельных регионах мира; и т. п. В этой части, например, актуальным видится

обращение внимания на ситуацию, описанную в Белой книге нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (июль – ноябрь 2014), согласно которой артиллерийский обстрел украинской армией Горловки (Донецкая область) и, в частности, химического завода «Стирол» может привести к экологической катастрофе, к утечке «кровного яда» – мононитрохлорбензола, радиус минимального поражения которого составляет не менее 300 километров, с подвержением смертельному риску жителей Украины, Беларуси и России ¹.

Среди внутренних военных опасностей имеют место такие: деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя РФ, дестабилизацию внутривосточной и социальной ситуации в стране, дезорганизацию функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры РФ; деятельность террористических организаций и отдельных лиц, направленная на подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности РФ; провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды; и т. п. (п. 13 Военной доктрины РФ).

Задачи, которые ставятся перед Вооруженными Силами, дружинами войсками и органами в мирное время, также разнообразны: борьба с терроризмом; участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности; участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций; участие в обеспечении режима чрезвычайного положения и т. д. (п. 32 Военной доктрины РФ).

Кратко рассмотрим законодательство в изучаемой сфере.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 ФКЗ «О военном положении», под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории РФ или в ее отдельных местностях в соответствии с Конституцией РФ Президентом РФ в случае агрессии против РФ или непосредственной угрозы агрессии. В этом нормативно-правовом акте ничего не говорится об особенностях исполнения уголовных наказаний в этот период.

¹ См.: Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (июль – ноябрь 2014). М. : МИД РФ, 2014. С. 90.

Согласно ч. 2 ст. 1 ФКЗ «О военном положении» целью введения военного положения является создание условий для отражения или предотвращения агрессии против РФ. Наличие особых угроз безопасности государства в условиях военного времени подразумевает необходимость коренной перестройки функционирования многих объектов, в том числе учреждений и органов УИС, деятельность которых должна быть направлена на решение не только целей уголовно-исполнительного законодательства, предусмотренных в ст. 1 УИК РФ, – исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений, но и целей введения военного положения. Однако в ФКЗ «О военном положении» ничего не говорится и об особенностях функционирования в этот период деятельности учреждений и органов УИС.

Между тем именно в период действия военного положения могут ограничиваться права и свободы граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, деятельность организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, права их должностных лиц, а на граждан, организации и их должностных лиц могут возлагаться дополнительные обязанности (ч. 4 ст. 1 ФКЗ «О военном положении»).

В ст. 7 ФКЗ «О военном положении» предусматривается обширный перечень мер, применяемых на территории, на которой введено военное положение, в том числе ограничивающих конституционные права человека и гражданина. К ним можно отнести: усиление охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, охраны соответствующих объектов, а также объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей; привлечение граждан к выполнению работ для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановлению поврежденных (разрушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов; введение военной цензуры за почтовыми отправлениями и сообщениями, передаваемыми с помощью телекоммуникационных систем, а также контроля за телефонными переговорами; интернирование (изоляция) граждан иностранного государства, воюющего с РФ; и т. д.

Отдельные меры в период действия военного положения (ограничение на осуществление экономической и финансовой деятельности, изменение форм собственности организаций, режим трудовой деятельности и т. п.) могут применяться как на территории, на которой введено военное положение, так и на территориях, на которых военное положение не введено (ст. ст. 5 и 8 ФКЗ «О военном положении»), что теоретически позволяет их распространить на любые ИУ, а не только на те из них, которые расположены в соответствующем регионе страны.

При этом федеральные законы и иные нормативные правовые акты, регулирующие применение этих мер, могут быть приняты как в период действия военного положения, так и до его введения (ч. 5 ст. 7 ФКЗ «О военном положении»). Получается, что еще до введения военного положения могут быть изданы нормативные правовые акты, закрепляющие особый порядок функционирования ИУ в рассматриваемый период, а также возможность введения соответствующих правоограничений, в том числе в отношении осужденных (особо в этой связи следует выделить граждан иностранного государства, воюющего с РФ). Возможно, разработка и издание подобных нормативных правовых актов позволит более эффективно одновременно достигать цели уголовно-исполнительного законодательства и цели введения военного положения.

Несколько иная ситуация – при введении чрезвычайного положения.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 ФКЗ «О чрезвычайном положении», чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией РФ и данным ФКЗ на всей территории РФ или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающих установленные данным ФКЗ отдельные ограничения прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

Согласно ст. 2 ФКЗ «О чрезвычайном положении» целями введения чрезвычайного положения являются устранение экстремальных обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя РФ.

Обстоятельства введения чрезвычайного положения различны:

– это попытки насильственного изменения конституционного строя РФ, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления;

– чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ (ст. 3 ФКЗ «О чрезвычайном положении»).

Очевидно, что вторая группа вышеуказанных обстоятельств может объективно возникнуть в любой момент и непосредственно негативно влиять на деятельность ИУ. Ввиду этого деятельность УИС должна быть направлена не только на решение целей уголовно-исполнительного законодательства, но и целей введения чрезвычайного положения.

Наличие особых угроз безопасности государства в таких условиях подразумевает необходимость коренной перестройки функционирования многих объектов, в том числе учреждений и органов УИС, деятельность которых должна быть направлена не только на решение целей уголовно-исполнительного зако-

нодательства, предусмотренных в ст. 1 УИК РФ, – исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений, но и целей введения чрезвычайного положения.

В ФКЗ «О чрезвычайном положении» также ничего не говорится об особенностях исполнения уголовных наказаний в такой период. В этом нормативном правовом акте только предусматривается, что в случае введения чрезвычайного положения может быть предусмотрено продление срока содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца (п. «ж» ст. 12), а сотрудники УИС могут привлекаться для обеспечения режима чрезвычайного положения (ст. ст. 16, 17 и др.). При этом по ст. 17 ФКЗ «О чрезвычайном положении» сотрудники УИС могут привлекаться к выполнению различных задач, в том числе: охране объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта, и объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей; участию в пресечении деятельности незаконных вооруженных формирований; участию в ликвидации чрезвычайных ситуаций и спасению жизни людей; и т. д.

В соответствии с главой III ФКЗ «О чрезвычайном положении» предусматривается обширный перечень мер, применяемых на территории, на которой введено чрезвычайное положение, в том числе ограничивающих конституционные права человека и гражданина. При этом в ст. 28 ФКЗ «О чрезвычайном положении» говорится, что меры, применяемые в условиях чрезвычайного положения, должны осуществляться в тех пределах, которых требует острота создавшегося положения. Это подразумевает возможность существенного ограничения прав граждан в зависимости от последствий, наступивших в результате совершения обстоятельств введения чрезвычайного положения.

Меры и временные ограничения, в соответствии со ст. 11 ФКЗ «О чрезвычайном положении», применяемые при введении чрезвычайного положения, могут быть разнообразными: полное или частичное приостановление на территории, на которой введено чрезвычайное положение, полномочий органов исполнитель-

ной власти субъекта (субъектов) РФ, а также органов местного самоуправления; установление ограничений на свободу передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение, а также введение особого режима въезда на указанную территорию и выезда с нее; усиление охраны общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта; и т. д. В случае же наступления первой группы обстоятельств введения чрезвычайного положения также могут быть предусмотрены следующие меры и временные ограничения: ограничение свободы печати и других средств массовой информации путем введения предварительной цензуры; выдворение лиц, нарушающих режим чрезвычайного положения и не проживающих на территории, на которой введено чрезвычайное положение; и пр. (ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении»). При чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера и иных подобного рода обстоятельствах могут быть предусмотрены такие меры и временные ограничения, как: временное отселение жителей в безопасные районы; введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других мероприятий; мобилизация трудоспособного населения для проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ; и др. (ст. 13 ФКЗ «О чрезвычайном положении»).

Таким образом, ФКЗ «О военном положении» и ФКЗ «О чрезвычайном положении» практически не определяют особенности функционирования УИС при введении соответствующего положения.

В УИК РФ также практически отсутствуют нормы, касающиеся особенностей осуществления уголовно-исполнительной деятельности в чрезвычайное или военное время, за исключением ст. 85 УИК РФ, посвященной режиму особых условий в ИУ, исследуемому в юридической литературе ¹. Данная пробле-

¹ См.: Феллов В. В. Режим особых условий как элемент обеспечения безопасности в исправительном учреждении. Уфа : Восточный ин-т экономики, гуманитарных наук, упр. и права, 2005; Скиба А. П. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях военного положение-
264

ма дополнительно актуализируется наличием режимных и иных проблем деятельности ИУ и в «обычных» условиях¹. При этом данная норма уголовно-исполнительного закона распространяется исключительно на исполнение лишения свободы, но не других уголовных наказаний, как связанных с изоляцией осужденного от общества, так и без этого.

Представляется, что нормы, касающиеся особенностей исполнения уголовных наказаний в чрезвычайное или военное время, по меньшей мере, в общих чертах должны быть закреплены на законодательном уровне (особенно в УИК РФ), хотя бы ввиду того, что существенно изменится правовое положение как осужденных, так и сотрудников администраций учреждений и органов, исполняющих наказания.

Основаниями введения режима особых условий являются: стихийное бедствие, введение чрезвычайного или военного положения и др. Введение данного режима в ИУ подразумевает возможность приостановления осуществления некоторых прав осужденных, установления усиленного варианта охраны и надзора, изменения распорядка дня, ограничения деятельности производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных, и т. п. Однако положения ст. 85 УИК РФ являются расплывчатыми, недостаточно учитывающими особенности различных оснований введения режима особых условий и требуют дальнейшей законодательной конкретизации как правового положения осужденных, так и сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Основания введения чрезвычайного или военного положения отчасти схожи с внешними и внутренними военными опасностями

ния: изложение проблемы // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1. С. 32–37.

¹ См.: Дергачев А. В. Актуальные проблемы проведения режимных мероприятий в исправительных колониях // Человек: преступление и наказание. 2009. № 2. С. 97–101; Крымов А. А. Нейтрализация противодействия уголовно-процессуальной деятельности исправительных учреждений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3. С. 103–106.

ми, указанными в Военной доктрине РФ. Так, основанием введения военного положения на территории РФ или в отдельных ее местностях является агрессия против РФ или непосредственная угроза агрессии (ч. 1 ст. 3 ФКЗ «О военном положении»), а чрезвычайного положения по ст. 3 ФКЗ «О чрезвычайном положении» – наличие обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю РФ (попытки насильственного изменения конституционного строя РФ, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж; массовые беспорядки, террористические акты, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты; чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий; и т. п.).

Таким образом, режим особых условий в ИУ ориентирован, помимо прочего, на нейтрализацию отдельных внешних и внутренних военных опасностей, а подготовка уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения должна осуществляться и в контексте реализации Военной доктрины РФ. Да и в целом представляется, что уголовно-исполнительное законодательство должно быть в большей степени ориентированным на решение новых проблем, возникающих перед нашей страной.

В этом случае в «обычное» и «экстремальное» время цели уголовно-исполнительного законодательства, предусмотренные в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, будут дополняться теми, для достижения которых вводится чрезвычайное или военное положение. Так, целями введения чрезвычайного положения являются устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя РФ (ст. 2 ФКЗ «О чрезвычайном положении»), а военного положения – создание условий для от-

ражения или предотвращения агрессии против РФ (ч. 2 ст. 1 ФКЗ «О военном положении»).

В соответствии со ст. 85 УИК РФ, введение чрезвычайного или военного положения на территории РФ или в ее отдельных местностях является основанием установления режима особых условий в ИУ. Введение режима особых условий в ИУ является правом соответствующих должностных лиц УИС, а не их обязанностью. Это же четко закреплено и в ст. 14 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Возможно, такой подход может быть обоснован, например, если введено чрезвычайное положение по всей стране, и проведение соответствующих мероприятий в конкретном регионе страны, в принципе, напрямую может не затрагивать обычное функционирование ИУ, находящихся за тысячи километров. Однако если в конкретном регионе введено чрезвычайное положение, то отсутствие режима особых условий в ИУ этого же региона будет выглядеть, по меньшей мере, нелогичным.

Вместе с тем в ст. 85 УИК РФ, в отличие от ст. ст. 5 и 8 ФКЗ «О военном положении», не предусмотрена возможность распространения отдельных мер в период действия военного положения на ИУ, расположенные на территориях, на которых военное положение не введено. Представляется, что данная коллизия законодательства должна быть устранена.

По ч. 1 ст. 85 УИК РФ в случаях стихийного бедствия, введения в районе расположения ИУ чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных в ИУ может быть введен режим особых условий.

Между тем по ст. 3 ФКЗ «О чрезвычайном положении» стихийное бедствие и так является одним из обстоятельств введения чрезвычайного положения, непонятно по какой причине выделенного законодателем в ст. 85 УИК РФ. Если учитывать, что стихийные бедствия могут существенно негативно влиять на функционирование ИУ и без введенного чрезвычайного положения, то логично было бы дополнительно указать в ч. 1 ст. 85 УИК РФ, например, чрезвычайные ситуации техно-

генного характера. В настоящее же время, исходя из неукоснительного соблюдения положений ст. 85 УИК РФ, получается, что при свершении техногенной аварии режим особых условий в ИУ вводиться не будет даже при наступлении каких-либо тяжких последствий, если при этом не введено чрезвычайное положение. Такая ситуация представляется нелогичной и не способствующей обеспечению нормального функционирования УИС.

Согласно ч. 2 ст. 85 УИК РФ, в период действия режима особых условий в ИУ может быть предусмотрено следующее: приостановление осуществления некоторых прав осужденных, предусмотренных ст. ст. 88–97 УИК РФ; введение усиленного варианта охраны и надзора, особого порядка допуска на объекты, изменение распорядка дня; ограничение деятельности производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных. Однако такой подход является чрезвычайно расплывчатым и не учитывающим особенности как такового чрезвычайного или военного положения.

Во-первых, ограничение некоторых прав осужденных вряд ли будет обоснованным в условиях военного времени или наступления чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Так, осужденные не смогут поддерживать связь с близкими родственниками в период действия режима особых условий в ИУ ввиду запрета на переписку, телефонные разговоры и т. п., хотя, например, по ст. 13 и др. ФКЗ «О чрезвычайном положении» и по ст. 7 ФКЗ «О военном положении» предусматривается применение таких мер, как временное отселение жителей в безопасные районы, запрещение или ограничение выбора места пребывания либо места жительства и т. п., что непосредственно может затрагивать любые категории населения. Отсутствие же информации у осужденных о жизни и здоровье близких родственников, особенно на протяжении длительного времени, может отрицательно влиять в целом на оперативную обстановку в ИУ.

Возможно, в данном случае будет правильнее говорить об усилении цензуры корреспонденции в ИУ, что также будет соответствовать ФКЗ «О военном положении» и ФКЗ «О чрезвычайном положении».

Во-вторых, запрет на просмотр кинофильмов и телепередач, а также прослушивание радиопередач будет затруднять получение осужденными объективной информации о соответствующей чрезвычайной или военно-политической ситуации. Это также может вносить дополнительную нервозность и в целом отрицательно влиять на оперативную обстановку в ИУ. В данном случае, по всей видимости, также следует предусмотреть усиление цензуры за получением осужденными соответствующей информации, например путем запрета показа отдельных телеканалов, излишне субъективно подающих информацию.

В-третьих, производственная деятельность ИУ должна быть не «ограничена», как записано в ч. 2 ст. 85 УИК РФ, а, вернее, реорганизована. Возможно, потребуется изменение ассортимента выпускаемой продукции, необходимость привлечения осужденных к работам вне территории ИУ и т. п. Это же предусмотрено в ст. 7 ФКЗ «О военном положении», согласно которой возможно привлечение граждан к выполнению работ для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановлению поврежденных (разрушенных) объектов экономики, к участию в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями. В этой связи логичным видится введение в ч. 2 ст. 85 УИК РФ ограничения таких прав осужденных, как: предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска, возможность привлечения без оплаты труда только к выполнению работ по благоустройству ИУ и прилегающих к ним территорий и т. п. В противном случае задачи военного или чрезвычайного характера, к выполнению которых привлекаются осужденные, могут быть не выполнены.

В-четвертых, нецелесообразным видится отсутствие в ч. 2 ст. 85 УИК РФ ограничения таких прав осужденных, как: предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска, возможность привлечения без оплаты труда только к выполнению работ по благоустройству ИУ и прилегающих к ним территорий и т. п. Из-за этого в настоящее время может быть снижена эффективность решения задач чрезвычайного характера, к выполнению которых привлекаются осужденные.

В-пятых, необходимо предусмотреть усиление оперативно-розыскного и иного режимного обеспечения безопасности осуж-

денных, особенно лиц, относящихся, например, к конкретной национальности или конфессии, при наступлении межнациональных, межконфессиональных и региональных конфликтов (являющихся обстоятельствами введения чрезвычайного положения – *прим. авт.*). В этой связи корректировке подлежит и в целом институт обеспечения личной безопасности осужденных.

Таким образом, очевидно, что нормы ч. 2 ст. 85 УИК РФ недостаточно учитывают специфику чрезвычайного или военного положения как оснований введения режима особых условий в ИУ. В Законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений, утв. Приказом МЮ РФ от 16.12.2016 № 295, и Правилах внутреннего распорядка воспитательных колоний УИС, утв. Приказом МЮ РФ от 06.10.2006 № 311, режим особых условий упоминается только вскользь.

В процедуре введения режима особых условий обоснованно участвует прокурор, так как в ходе его реализации будут ограничиваться права осужденных. В соответствии с ч. 3 ст. 85 УИК РФ режим особых условий вводится на срок до 30 суток по решению соответствующего руководителя либо начальника территориального органа УИС субъекта РФ, согласованному с Генеральным прокурором РФ либо соответствующим прокурором; в исключительных случаях время действия режима особых условий может быть продлено указанными должностными лицами дополнительно на 30 суток. Вместе с тем в законе не предусмотрена форма принятия этого решения. Представляется, что данное решение должно приниматься исключительно в письменной форме, например в виде приказа или постановления, санкционированного прокурором.

В ч. 4 ст. 85 УИК РФ закреплено, что в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала или иных лиц начальник ИУ может вводить соответствующие правоограничительные меры самостоятельно с немедленным уведомлением должностного лица, правомочного принимать такое решение; в этом случае указанное должностное лицо в течение трех суток с момента получения уведомления принимает решение о введении режима особых условий или об отмене введенных мер. При всей логичности и целесообразности этой нормы закона

при иных основаниях введения режима особых условий (например, в случае стихийного бедствия или введения в районе расположения ИУ чрезвычайного положения) оно вряд ли применимо при военном положении, так как последнее вводится на территории РФ или в ее отдельных местностях и вряд ли будет распространяться на территорию расположения только одного ИУ.

Вышесказанное подтверждает необходимость конкретизации регулирования режима особых условий в ИУ в зависимости от его оснований, в том числе введения чрезвычайного или военного положения.

При исполнении иных уголовных наказаний, кроме лишения свободы, в УИК РФ отсутствуют нормы об особенностях правового положения осужденных и администраций учреждений и органов, их исполняющих, при введении чрезвычайного или военного положения. По логике законодателя получается, что введение чрезвычайного или военного положения не должно сказываться на исполнении иных уголовных наказаний, как связанных с изоляцией от общества, так и без этого.

Вместе с тем при отбывании принудительных работ осужденные также находятся под контролем администраций исправительных центров, но ничего о введении в этих учреждениях режима особых условий в УИК РФ не говорится.

Наиболее наглядной является ситуация по исполнению уголовных наказаний в отношении военнослужащих, изучаемых специалистами ¹. При этом имеются проблемы регулирования исполнения уголовных наказаний в отношении военнослужащих и в мирное время ². Так, маловероятно, что введение военного положения не скажется на исполнении ограничения по

¹ См.: Толкаченко А. А. Становление и развитие системы исполнения уголовных наказаний в России. Военно-пенитенциарные аспекты. М., 1997; Шилов А. И. Военное уголовно-исполнительное право // Государство и право. 1999. № 6. С. 94–96.

² См.: Орлов В. Н. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде ограничения по военной службе // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2008. № 3. С. 103–110; Скиба А. П. Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении больных военнослужащих // Юрист-Правовед. 2008. № 6. С. 30–34.

военной службе, ареста в отношении военнослужащих и содержания в дисциплинарной воинской части, а гауптвахты (как места отбывания ареста, когда он будет введен в действие – *прим. авт.*) и дисциплинарные воинские части будут функционировать в обычном режиме.

Однако и здесь закон, как и Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими, утв. Приказом МО РФ от 20.10.2016 № 680, ничего не говорят по поводу особенностей исполнения этих наказаний в отношении военнослужащих при введении военного положения или режима особых условий в соответствующих учреждениях. По всей видимости, осужденные военнослужащие будут отправлены в район боевых действий или иным образом привлекаться к решению задач военного характера. Здесь можно вспомнить, что в годы Великой Отечественной войны в отношении осужденного приостанавливалось исполнение приговора при его направлении на фронт.

Однако в п. 10 Положения о дисциплинарной воинской части, утв. Постановлением Правительства РФ от 4.06.1997 № 669, предусматривается возможность введения режима особых условий по решению министра обороны РФ либо начальника органа военной полиции Вооруженных Сил РФ, согласованному с Главным военным прокурором или военным прокурором соответствующего военного округа (флота). В исключительных случаях время действия режима особых условий может быть продлено указанными должностными лицами. В случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных военнослужащих, лиц из числа персонала дисциплинарной воинской части или иных лиц командир дисциплинарной воинской части может вводить меры, предусмотренные режимом особых условий, самостоятельно с немедленным уведомлением начальника органа военной полиции Вооруженных Сил РФ. В этом случае начальник органа военной полиции Вооруженных Сил РФ в течение трех суток с момента получения уведомления принимает решение о введении режима особых условий или об отмене введенных мер.

При этом введение режима особых условий не предусмотрено на гауптвахтах.

Таким образом, введение режима особых условий и в учреждениях для содержания осужденных военнослужащих требует дальнейшей регламентации.

Отдельного рассмотрения требует также вопрос о целесообразности в условиях военного положения применения уголовного наказания в виде смертной казни.

Вопрос о том, целесообразно ли особенности исполнения уголовных наказаний, в том числе лишения свободы, в военное время закреплять в УИК РФ или в специальном нормативном правовом акте, можно оставить открытым¹. В ряде стран мира (Франции, ФРГ, Швейцарии и др.) изданы специальные военно-уголовные законы, в которых затрагиваются и вопросы исполнения уголовных наказаний.

К слову, в УК РФ этот вопрос также решен в пользу издания специальных нормативных правовых актов. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 331 УК РФ уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени, которое уже разрабатывается исследователями². В этом случае логично предположить, что уголовное законодательство в военное время будет дополнено специальными нормативными правовыми актами. Однако этот подход, прописанный в ч. 3 ст. 331 УК РФ, противоречит ч. 1 ст. 1 УК РФ,

¹ См.: Глушков А. И. Зарубежный опыт регламентации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях чрезвычайных ситуаций // *Международное публичное и частное право*. 2013. № 3. С. 28–30.

² См.: Милюков С. Ф. Криминологические основы российского военно-уголовного права // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2005. № 2 (9). С. 13–20; Ковбасюк А. Н., Шулепов Н. А. Уголовная ответственность за нарушение правил взаимодействия между начальниками и подчиненными в Вооруженных силах Швейцарии // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. Серия: *Общественные науки*. 2007. № 527. С. 81–91; Шилов А. И. Проблемы уголовной политики России в отношении военнослужащих в военное время и боевой обстановке // *Уголовно-исполнительное право*. 2007. № 3. С. 35–39; Сидорин В. В., Шулепов Н. А. Теоретические основы совершенствования военно-уголовного законодательства с использованием опыта зарубежных стран : монография. М., 2000.

устанавливающей, что уголовное законодательство РФ состоит из самого УК РФ, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК РФ ¹.

В юридической литературе предлагается, что и российское военно-уголовное законодательство должно дополнительно устанавливать, в частности, систему и виды наказаний, в том числе содержать новое наказание военного времени – удаление (высылку) за пределы РФ ².

В связи с этим не вызывает сомнения актуальность разработки уголовно-исполнительного законодательства военного времени, которое должно быть ориентировано на одновременное достижение как целей введения военного положения, так и целей уголовно-исполнительного законодательства.

В случае разработки уголовно-исполнительного законодательства военного времени встанет вопрос о приоритетности военного или уголовно-исполнительного законодательства. Полагаем, что нормы уголовно-исполнительного законодательства военного времени будут являться приоритетными по отношению к «обычному» военному законодательству, а при введении военного положения осужденным будут гарантироваться соответствующие права и свободы, предусмотренные законодательством военного времени, с изъятиями и ограничениями, установленными уголовно-исполнительным законодательством военного времени.

Аналогичная ситуация – с разработкой уголовно-исполнительного законодательства при чрезвычайном положении.

При формировании уголовно-исполнительного законодательства в военное время – составной части уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, следует учитывать необходимость изменения подавляющего большин-

¹ См.: Коллизии законодательства России (краткий научный комментарий) : монография / А. П. Скиба и др. ; под ред. А. А. Крымова. 2-е изд., испр. и доп. Рязань : Академия ФСИН России, 2016.

² См.: Боев В. И. Потребуется ли усиление карательной функции уголовного закона в период военного положения? // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1. С. 239–242.

ства пенологических институтов, применяемых в мирное время. Так, при исполнении лишения свободы актуальным, помимо прочего, будет являться системная корректировка правового положения (в частности, прав на личную безопасность, на поддержание связи с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств и др.) осужденных – граждан государства, осуществившего агрессию против РФ, и исправительно-профилактического воздействия в их отношении со стороны администрации ИУ (обеспечения изоляции и т. п.).

Немаловажным здесь будет также являться обеспечение интернирования военнопленных. Подобная проблема возникала в новейшей истории России – в период Великой Отечественной войны, а за рубежом уже имеется современный опыт функционирования специальных пенитенциарных учреждений для интернированных лиц (в частности, в США).

Отдельно следует рассматривать и необходимость введения новых межотраслевых институтов, в частности, приостановления исполнения наказания с возложением на осужденного соответствующих обязанностей в контексте достижения цели в виде создания условий для отражения или предотвращения агрессии против РФ. Так, в СССР он уже фактически применялся на практике, например в годы Великой Отечественной войны, когда в отношении осужденного приостанавливалось исполнение приговора с его направлением на фронт в штрафные части, и в случае, если он проявлял себя в боях стойким защитником Родины, то суд впоследствии мог освободить его от наказания вовсе или заменить другим, более мягким наказанием¹.

В настоящее время актуальным видится решение проблемы в целом организации исполнения наказания (в первую очередь, лишения свободы), а также, в частности, предупреждения совершения новых преступлений и исправления лиц, осужденных за преступления террористического характера, в том чис-

¹ См.: Скиба А. П. К вопросу о необходимости введения института приостановления отбывания наказания в отношении больных осужденных // Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Управление в социальных и экономических системах». Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2007. № 2 (74). С. 232–238.

ле совершенные вне территории России. Речь, например, может идти о российских гражданах, которые принимали участие в боевых действиях против российских войск на стороне террористических организаций в Сирии и других странах. С учетом того, что такие осужденные имеют навыки ведения боевых действий, прошли соответствующую психологическую и иную подготовку, категорически (и даже фанатично) настроены против нашей страны и ее правоохранительных органов (в том числе УИС), вряд ли можно говорить об эффективном достижении целей уголовно-исполнительного законодательства при применении «обычных» средств исправления. Возможно, в данном случае следует подумать о необходимости применения дополнительных исправительно-профилактических средств воздействия в отношении таких лиц вплоть до создания специальных ИУ для отбывания ими наказания (это также требует корректировки уголовно-исполнительного законодательства).

Следует также пересмотреть имеющийся перечень видов освобождения осужденных от наказания, применяемый в мирное время. В настоящее время некоторые из них применяются вне контекста достижения целей уголовно-исполнительного законодательства¹, в связи с чем следует их перечень скорректировать с учетом возможности исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений, а также создания условий для отражения или предотвращения агрессии против РФ. В частности, логичным видится отказаться от безусловного освобождения осужденных от отбывания наказания в связи с тяжелой психической болезнью, что предусмотрено в ч. 2 ст. 81 УК РФ.

Формирование другой составной части уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения – уголовно-исполнительного законодательства в чрезвычайное время (при экстремальных условиях), также требует изменения ряда психологических институтов, применяемых в «обычное» время.

Однако здесь следует всесторонне учитывать особенности оснований введения чрезвычайного положения. С одной стороны,

¹ См.: Скиба А. П. Правовое положение осужденного при досрочном освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2. С. 104–108.

при массовых беспорядках, межнациональных и межконфессиональных конфликтах и т. п. следует обратить внимание на необходимость корректировки правового положения осужденных и сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказание, особенно для изоляции наиболее активных участников-осужденных и усиления режима их содержания, безопасного перевода в другие ИУ, как вышеуказанную категорию, так и основную массу осужденных, разделения осужденных по принципу принятия (не-) участия в данных противоправных действиях, при проведении оперативно-розыскной деятельности на территории ИУ и за его пределами и т. д. С другой стороны, при наступлении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, чрезвычайных экологических ситуаций и т. п. актуальным видится введение межотраслевого института в виде приостановления исполнения как лишения свободы, так и иных наказаний (исправительных работ и др.), а также создание надлежащей правовой основы по стимулированию привлечения осужденных к участию в ликвидации чрезвычайных ситуаций.

В последнее время специалистами предлагается расширить предмет уголовно-исполнительного права за счет регулирования исполнения иных мер уголовно-правового характера, уголовно-процессуальных мер пресечения, постпенитенциарной помощи лицам и т. д.¹ (возможно, в этой связи следует в дальнейшем рассматривать особенности исполнения и указанных правовых институтов в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения – *прим. авт.*). Помимо прочего, предлагается сделать УИК РФ двухуровневым: в первом томе (с Общей и Особенной частью) будет регламентироваться исполнение и отбывание уголовных наказаний, а во втором (также с Общей и Особенной частью) – исполнение и отбывание мер уголовно-правового характера². Развивая этот небезосно-

¹ См.: Орлов В. Н. Нужен новый Уголовно-исполнительный кодекс РФ: криминологический взгляд // Российский криминологический взгляд. 2010. № 2. С. 368–373; Уткин В. А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 39–43.

² См.: Селиверстов В. И. Проблемы качества уголовно-исполнительного законодательства в Российской Федерации и его кодификация //

вательный подход, считаем, что уголовно-исполнительное законодательство в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения может быть закреплено в третьем томе, являющемся отдельной Специальной частью УИК РФ (название условное – *прим. авт.*).

Возможно, данная Специальная часть УИК РФ должна также содержать Общую и Особенную части, в которых будут регулироваться:

– в Общей части: цели уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения; особенности уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения; действие уголовно-исполнительного законодательства военного времени в отношении осужденных и военнопленных; особенности правового положения осужденных; общая специфика деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, и контроля за их деятельностью в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения; и т. п.;

– в Особенной части: дополнительные особенности исполнения и отбывания наказаний, во-первых – в период действия военного положения, во-вторых – в период действия чрезвычайного положения и, в-третьих – в случаях стихийного бедствия.

Безусловно, разработка уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения потребует издания новых и корректировки уже имеющихся иных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы исполнения уголовных наказаний. Представляется, что оно должно быть, прежде всего, ориентировано на нейтрализацию отдельных внутренних и внешних военных опасностей, закрепленных в Военной доктрине РФ и создающих угрозу нашей стране.

ГЛАВА 5. ОСНОВЫ КРИМИНОПЕНОЛОГИИ И КРИМИНОПЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯВЛЕНИЙ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИХ ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

§ 5.1. Основы криминопенологии

Понятие и предмет криминопенологии. С середины 1970-х годов в России формируются самостоятельные учения, освещающие взаимосвязь преступного множества с отдельными функциональными общественными системами. Одной из данных наук является криминопенология, сформировавшаяся в начале 1980-х годов и основанная профессором О. В. Старковым.

В течение ряда последних лет криминопенология активно развивается и как наука, и как учебная дисциплина. Это подтверждается следующим:

– во-первых, собственно сам термин «криминопенология» прочно вошёл в научный обиход. Достаточно сказать, что за последнее время защищён ряд диссертаций на соискание учёной степени кандидата юридических наук, в названии и содержании которых применяется термин «криминопенология»¹. Признание на официальном уровне, т. е. Высшей аттестационной комиссией России, этого термина лишний раз доказывает его научную состоятельность;

– во-вторых, в большинстве издаваемых в последнее время словарей и энциклопедий как в России, так и за рубежом термин «криминопенология» либо толкуется, либо на него ссылаются²;

¹ См.: Батхулэг Сухдорж. Уголовно-правовая и криминопенологическая характеристика условного осуждения в Монголии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005 ; Зайцева Д. Т. Криминопенологические проблемы условного осуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

² См.: Криминология в схемах и определениях : учеб. пособие / под ред. В. Е. Эминова. М. : Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 60 ; и др.

– в-третьих, следует отметить достаточно высокий индекс ссылок как в юридической литературе ¹, так и в Интернете ² не только на термин «криминопенология», но и на те работы, в названии и содержании которых, собственно, сам термин используется ³;

– в-четвертых, термин «криминопенология» используется в названии рубрик периодических научных и научно-практических изданий, в том числе включённых в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук ⁴;

– в-пятых, в течение ряда лет самостоятельная дисциплина под названием «Криминопенология» преподаётся в государственных и негосударственных высших учебных заведениях;

– в-шестых, в настоящее время опубликованы монографии, учебники, учебные, учебно-практические, учебно-методические и иные пособия, в названии и (или) содержании которых используется термин «криминопенология», при этом отдельные из них

¹ См.: Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть. М. : Юрайт, 2011. С. 59, 62, 76.

² См.: URL: <http://dic.academic.ru> ; <http://www.legaldictionary.ru> и т. д.

³ См.: Старков О. В. Введение в криминопенологию. Уфа : УЮИ МВД России, 1997 ; Его же. Основы криминопенологии. Уфа : УЮИ МВД России, 1997 ; Старков О. В., Милуков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминопенологический анализ. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001 ; Старков О. В. Криминопенология : учеб. пособие. М. : Экзамен, 2004 ; Старков О. В. Краткий словарь по криминопенологии. Рязань : Ряз. ин-т права и экономики МВД России, 1998 ; Его же. Криминопенология : рабочая программа. Рязань : РВШ МВД России, 1993 ; Его же. Учебное руководство по криминопенологии. Рязань : РВШ МВД России, 1994 ; Орлов В. Н. Криминопенология: программа дисциплины специализации : учеб.-метод. пособие. Ставрополь : Сев.-Кав. гос. техн. ун-т, 2004 ; Орлов В. Н. Криминопенология : учеб.-метод. пособие. М. : Илекса, 2008 ; и др.

⁴ Рубрики под названием «Криминопенология» имеются в периодических изданиях: Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 1 (10), 2 (11) ; 2007. № 1 (12) и др.; Российский криминологический взгляд. 2005. № 1 ; 2006. № 3, 4 ; 2007. № 1, 2 ; 2008. № 1, 2, 3, 4 ; 2009. № 1, 3, 4 ; 2010. № 1, 2, 3, 4 ; 2011. № 1, 2 ; 2012. № 1, 2, 3 ; 2013. № 3 ; 2014. № 1 ; 2015. № 1 и др.

опубликованы с грифами: «Допущено Учебно-методическим объединением по юридическому образованию вузов Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция»; «Рекомендовано к опубликованию Региональной общественной организацией «Союз криминалистов и криминологов» в качестве учебника для студентов вузов»¹; «Рекомендовано к опубликованию редакцией журнала «Российский криминологический взгляд» в качестве учебника для студентов высших учебных заведений»²;

– в-седьмых, в рамках служебной подготовки в ряде подразделений уголовно-исполнительной системы и органах внутренних дел России по криминологии проводятся занятия с сот-

¹ См., например: Зайцева Д. Т., Старков О. В. Криминологическая характеристика условного осуждения и наказаний без лишения и ограничения свободы. Краснодар, 2004 ; Старков О. В. Криминология, пенология и уголовно-исполнительное право: § 4 гл. 1 // Российское уголовно-исполнительное право : в 2-х т. Т. 1: Общая часть : учебник / Ю. А. Кашуба, В. Б. Малинин, В. Н. Орлов [и др.] ; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М. : МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2010. С. 58–75 ; Старков О. В. Криминология, пенология и уголовно-исполнительное право : п. 1.4 гл. 1 // Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части : учебник для бакалавров / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М. : Юрайт, 2012. С. 56–72 ; Орлов В. Н. Основы криминологии : гл. 5 // Российский курс уголовно-исполнительного права : в 2-х т. Т. 1: Общая часть : учебник / Е. А. Антонян, Ю. М. Антонян, С. А. Борсученко [и др.] ; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М. : МГЮА им. О. Е. Кутафина ; Элит, 2012. С. 219–242 ; и др.

² См.: Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части : учебник для бакалавров / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2014. 799 с. Серия: Бакалавр. Углубленный курс; Уголовно-исполнительное право России. В 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник для академического бакалавриата / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. 3-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2015. 287 с. Серия: Бакалавр. Академический курс; Уголовно-исполнительное право России. Общая часть : учебник для академического бакалавриата / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2016. 287 с. Серия: Бакалавр. Академический курс.

рудниками. Интерес практических работников ряда правоохранительных органов к изучению и потребность в применении основ криминопенологии подтверждает ее значимость и востребованность в практике борьбы с пенальной преступностью и пенальным преступным поведением.

Криминопенология как наука представляет собой совокупность идей, взглядов, теорий о закономерностях становления и развития пенальных преступлений, и преступности, причин, условий пенальных преступлений и преступности, лиц, совершающих пенальные преступления, и их жертв, предупреждения пенальных преступлений и преступности, а также иных мер по борьбе с преступностью и виктимностью во время назначения, исполнения и отбывания уголовно-процессуальных мер пресечения, уголовных наказаний, иных мер уголовно-правового характера, а также в процессе исправительного, ресоциального и предупредительного воздействия на осужденных.

Криминопенология как учебная дисциплина представляет собой преподаваемый в юридических вузах или на юридических факультетах иных образовательных заведений предмет.

Криминопенология как формирующаяся отрасль права – это совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения в сфере причинности, предупреждения пенального преступного, виктимного поведения, а также пенальной преступности и виктимности.

Процесс становления и развития криминопенологии сопровождается не только различным пониманием ее предмета, методов, системы, но и неоднозначным пониманием, собственно, самой криминопенологии. Следует отметить, что точное определение предмета, методов и системы, а также верное толкование самой криминопенологии является необходимым условием для успешного ее развития.

В русском языке термин «предмет» означает «тот (то), на кого (что) направлена мысль, какое-нибудь действие, объект»¹.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. С. 580.

Предметом какой-либо отрасли науки, как правило, выступают определённые общественные отношения, возникшие либо возникающие, а также развивающиеся в соответствующей области.

Предмет криминопенологии как науки по содержанию шире, чем предмет криминопенологии как учебной дисциплины, поскольку последний ограничен содержанием конкретных тем и объёмом часов¹.

Анализ определений криминопенологии в юридической литературе позволяет утверждать, что предмет криминопенологии рассматривают в узком и широком смысле.

В *узком смысле* под предметом криминопенологии следует понимать общественные отношения, возникающие в процессе борьбы с пенитенциарной преступностью, т. е. преступностью в местах лишения свободы. Указанное толкование предмета криминопенологии следует из утверждений В. А. Ананича, С. В. Максимова, О. П. Колченоговой и В. Е. Эминова.

Так, С. В. Максимов считает, что «криминопенология – отрасль криминологии, изучающая преступность, ее причины и условия, личность преступника, специфическую систему мер борьбы с преступностью и последствия преступности в местах лишения свободы»².

Подобного понимания криминопенологии придерживаются и другие авторы, отмечавшие что «криминопенология – отрасль криминологии, изучает преступность, ее причины и условия, личность преступника, специфическую систему мер борьбы с преступностью и последствия преступности в местах лишения свободы»³.

Практически схожее с указанным выше определение криминопенологии приводят В. А. Ананич и О. П. Колченогова, от-

¹ См., например: Орлов В. Н. Криминопенология: программа дисциплины специализации : учеб.-метод. пособие. Ставрополь : Сев.-Кав. гос. техн. ун-т, 2004. Сер. : Юриспруденция.

² Максимов С. В. Краткий криминологический словарь. М. : Юристъ, 1995. С. 11.

³ Криминология : учеб. пособие / под общ. ред. В. Е. Эминова. М. : Инфра-М ; Норма, 1997. С. 64 ; Максимов С. В., Эминов В. Е. Словарь криминологических терминов // Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. С. 775.

мечая, что «криминопенология – отрасль криминологии; изучает преступность, ее причины и условия, личность преступника, специфическую систему мер борьбы с преступностью и последствия преступности в местах лишения свободы»¹.

Родоначальником иной позиции, т. е. толкования предмета криминопенологии *в широком смысле*, является профессор О. В. Старков, который указывает сущностное и содержательное определение предмета криминопенологии.

По мнению автора, сущность предмета криминопенологии составляют «криминальные явления во время исполнения уголовных наказаний в разрезе их причинности и профилактики»².

Содержательное определение предмета криминопенологии О. В. Старковым формируется путём перечисления основных категорий, входящих в предмет криминопенологии. В данном аспекте автор определяет криминопенологию как «учение о наказательной преступности и пенальном преступном поведении, их закономерностях, причинах и условиях, типах, профилактике и иных формах воздействия на них, криминопенологических параметрах наказаний и их типов, видов пенального преступного поведения»³.

Особого внимания заслуживает определение криминопенологии, данное О. В. Старковым в своей докторской диссертации: «...Учение о криминальных явлениях во время исполнения наказаний и *иных мер уголовно-правового характера* (курсив наш. – прим. авт.) в разрезе их причинности, профилактики и иных форм воздействия, находясь на стыке криминологии, пенологии и уголовного права, является новым научным направлением»⁴.

¹ Словарь-справочник по криминологии и юридической психологии / авт.-сост. В. А. Ананич, О. П. Колченогова. Минск : Амалфея, 2003. С. 82.

² Старков О. В. Криминопенология : учеб. пособие. М. : Экзамен, 2004. С. 63.

³ Там же. С. 65.

⁴ Старков О. В. Криминологические проблемы исполнения уголовного наказания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 6 ; Его же. Криминологические проблемы исполнения уголовного наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 10–11.

Понимание предмета криминопенологии в широком смысле, на наш взгляд, является наиболее предпочтительным.

Вместе с тем, учитывая достижения наук пенологии и криминологии, а также активное развитие криминопенологии как самостоятельного учения, предмет криминопенологии следует рассматривать *ещё шире*.

Прежде всего в предмет криминопенологии следует включить криминальные явления не только в период исполнения и отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, но и в процессе назначения, исполнения и отбывания уголовно-процессуальных мер пресечения. Указанное обстоятельство обосновывается рядом причин.

Прежде всего данное утверждение основывается на положении уголовно-исполнительного законодательства, в частности ч. 1 ст. 74, ч. 1 ст. 77 УИК РФ и ряда других норм. Речь идёт о том, что в исключительных случаях лица, впервые осуждённые к лишению свободы на срок не свыше пяти лет, которым отбывание наказания назначено в исправительной колонии общего режима, могут быть с их согласия оставлены в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (ч. 1 ст. 77 УИК РФ).

Кроме того, в СИЗО могут быть оставлены с их согласия лица, осуждённые на срок не свыше шести месяцев (ч. 1 ст. 74 УИК РФ).

В этих случаях орган, применяющий меру уголовно-процессуального пресечения в виде заключения под стражу, одновременно выступает и органом, исполняющим уголовное наказание в виде лишения свободы на определённый срок (ч. 1 ст. 74, ч. 1 ст. 77 УИК РФ).

Необходимость включения в предмет исследования криминопенологии криминальных явлений в период назначения, исполнения и отбывания уголовно-процессуальных мер пресечения объясняется также тем, что время нахождения отбывания уголовно-процессуальной меры пресечения включается в срок отбывания лишения свободы. Так, согласно ч. 2¹ ст. 78 УИК РФ срок отбывания наказания, определяемый для изменения вида исправительного учреждения, исчисляется со дня заключения осуждённого под стражу.

Не следует забывать, что в соответствии с ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, задержанные по подозрению в совершении другого преступления, могут содержаться в этих учреждениях, но изолированно от осуждённых, отбывающих наказание.

Заметим также, что процесс исполнения и отбывания некоторых уголовно-процессуальных мер пресечения весьма схож с процедурой исполнения и отбывания ряда уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, в результате чего исследователь может выявить ряд подобных причин или определить некоторые общие меры по предупреждению криминального поведения.

И, наконец, один и тот же субъект может не только исполнять уголовное наказание, иную меру уголовно-правового характера, уголовно-процессуальную меру пресечения, но и оказывать на осуждённых соответствующее предупредительное воздействие (см. подп. 1¹ п. 3, подп. 1 п. 7 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, подп. «б¹» п. 4 Положения об уголовно-исполнительных инспекциях).

Таким образом, в предмет криминопенологии надлежит включить криминопенологическую характеристику уголовно-процессуального пресечения, последствия уголовно-процессуального пресечения, а также криминопенологическую характеристику типов и видов уголовно-процессуальных мер пресечения.

В предмете криминопенологии специально следует выделить в качестве объекта исследования криминальные явления в период исправительного воздействия на осуждённого.

Потребность выделения в криминопенологии именно криминальных явлений в процессе исправительного воздействия на осуждённых объясняется в первую очередь значимостью данного процесса. Заметим, что в ст. 8 УИК РФ впервые закрепляется такой принцип, как соединение наказания с исправительным воздействием. В теории пенологии, а также уголовно-исполнительного права различают понятия *применения на-*

казания и применения исправительного воздействия. В ряде фундаментальных работ весьма обстоятельно исследуются сходство и отличия между применением исправительного (исправительно-трудового) воздействия и применением наказания¹.

Под исправительным воздействием на осуждённого в настоящее время следует понимать особый (специфический) исправительный процесс, состоящий из комплекса взаимодействующих между собой средств исправления. Справедливо отмечает Ю. М. Антонян, что «воздействие на преступников в целях исправления – основной узел взаимодействия криминологии и уголовно-исполнительного права, пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики»². С одной стороны, исправительное воздействие фактически есть не что иное, как профилактика преступлений, в первую очередь индивидуальная, т. е. предмет исследования криминологии, а с другой – исправительное воздействие – это институт пенологии, уголовно-исполнительного права, пенитенциарной психологии и педагогики. Необходимость специального научного исследования криминопенологических основ исправительного воздействия диктуется потребностями конкретного использования достижений криминологии в пенологии, в частности уголовно-исполнительной практике, криминологизации этой практики, задачами совершенствования законодательства.

В предмет криминопенологии следует включить криминопенологическую характеристику исправительного воздействия на осуждённых, последствия исправительного воздействия на осуждённых, а также криминопенологическую характеристику типов и видов средств исправления осуждённых.

В качестве самостоятельных объектов исследования криминопенологии выступают также криминальные явления в пери-

¹ См.: Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. С. 87–90 ; Уткин В. А. Наказание и исправительно-трудоное воздействие. Томск, 1984. С. 73–105.

² Антонян Ю. М. Криминологические проблемы : § 1 гл. II // Наказание и исправление преступников : пособие / под ред. Ю. М. Антоняна. М. : НИИ МВД России, 1992. С. 75.

од ресоциального и предупредительного воздействия на осуждённого.

Учитывая, что криминопенология развивается как самостоятельное учение, целесообразно в предмете данной науки специально выделить историю криминопенологии. К тому же некоторые авторы уже проводят исследования в данной области¹.

Необходимо включить в предмет исследования криминопенологии криминопенологическое законодательство. При этом следует заметить, что указанное законодательство носит комплексный характер, поскольку криминопенологические нормы содержатся не только в собственно криминологических (а точнее, криминопенологических) источниках, но и в уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных актах. В настоящее время криминопенологическое законодательство носит в большей степени ведомственный характер.

Представляется целесообразным выделить в предмете исследования криминопенологии отдельно криминопенологическое исследование, последствия пенальной преступности, личность пенального преступника, криминопенальную виктимологию, криминопенологическую секьюритологию, криминопенологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью, военную криминопенологию, экстремальную криминопенологию, международное сотрудничество в области борьбы с пенальной преступностью.

Потребность специального выделения в предмете криминопенологии указанных элементов обусловлена не подражанием

¹ См.: Аладьина Л. С. Становление отечественной политики по борьбе с пенитенциарной преступностью во второй половине XVII – первой четверти XIX века // Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. М. : Рос. криминолог. ассоциация, 2002. С. 71–73; Анисимков В. М. Антиобщественные традиции, обычаи и нормы поведения осужденных в местах лишения свободы: исторический аспект. М. : Акад. МВД России, 1992; Старков О. В. Историко-культурные аспекты «наказательной» преступности // Преступность и культура / под ред. А. И. Долговой. М. : Криминолог. ассоциация, 1999. С. 48–51; и др.

или простым копированием предмета криминологии, а обоснованным введением этих элементов в результате многолетних исследований в области борьбы с пенальной преступностью и пенальным преступным поведением.

В предмет криминологии надлежит также включить: международные стандарты в области борьбы с пенальной преступностью; криминологическую характеристику уклонения от исполнения и отбывания уголовно-процессуальных мер пресечения; криминологическую характеристику преступного поведения против правосудия, участников уголовного судопроизводства, а также лиц, применяющих уголовно-процессуальные меры пресечения; криминологическую характеристику преступного поведения участников уголовного судопроизводства и лиц, применяющих уголовно-процессуальные меры пресечения; криминологическую характеристику уклонения от оказывания и испытывания исправительного воздействия; криминологическую характеристику уклонения от оказывания и испытывания ресоциального воздействия; криминологическую характеристику уклонения от оказывания и испытывания предупредительного воздействия; криминологическую характеристику корыстного преступного поведения осуждённых; зарубежную криминологию.

Анализируя указанные выше элементы предмета криминологии, следует уделить внимание некоторым дискуссионным вопросам, а также высказать некоторые предложения.

Так, представляется спорным определение О. В. Старковым в предмете криминологии именно профилактики наказательной преступности и пенального преступного поведения. В данном случае, на наш взгляд, предпочтительнее говорить именно о предупреждении (а не о профилактике) пенальной преступности и пенального преступного поведения.

А. И. Алексеев, рассматривая понятия «предупреждение», «профилактика», «предотвращение», «пресечение», указывал, что «надо ориентироваться не столько на тексты словарей русского языка, этимологию содержащихся в них понятий, сколько

ко на практику, реалии деятельности правоохранительных органов и иных субъектов предупреждения преступности и соответствующий нормативно-правовой материал»¹.

Главные отличия профилактики, предотвращения и пресечения, как отмечается в литературе, состоят «в их временной дистанции от совершения преступлений и в степени интенсивности, динамичности»².

Учитывая возрастающий интерес учёных к проблемам уголовно-исполнительного процесса в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения³, надлежит включить в предмет криминопенологии и криминопенологическую характеристику различных типов пенального преступного поведения в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения. Можно предположить, что в будущем криминопенологические проблемы будут систематизированы в рамках частных криминопенологических учений: экстремальной криминопенологии и военной криминопенологии.

В заключение следует сказать, что приведённый выше перечень элементов предмета криминопенологии, конечно же, не является исчерпывающим и в дальнейшем может быть расширен исходя из личных пристрастий исследователя или же в процессе развития пенологии, криминологии, а также собственно криминопенологии как самостоятельного учения.

¹ Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. С. 11.

² Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений / под ред. В. Д. Малкова, А. Ф. Токарева. М., 2000. С. 13.

³ См.: Скиба А. П. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях военного положения: изложение проблемы // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1; Скиба А. П. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, чрезвычайного или военного положения: постановка проблемы // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3 (1–4). № 1; Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / под общ. ред. А. А. Крымова ; науч. ред. А. П. Скибы. Рязань : Академия ФСИН России, 2017; и др.

Методы криминопенологии. Особое значение для развития науки криминопенологии имеет точное определение ее методов.

В русском языке термин «метод» означает «способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь... способ действовать, поступать каким-нибудь образом»¹.

Метод криминопенологии не может рассматриваться вне связи со своим предметом, так как именно последний определяет особенности первого.

Впервые методы криминопенологии выступали предметом исследования О. В. Старкова. По мнению автора, метод криминопенологии можно разделить на методологию познания и методику исследования². Рассматривая методологию познания, профессор указывал на пять методологических направлений познания криминопенологических явлений:

- 1) историческое;
- 2) философское;
- 3) концептуальное определение основных подходов, принципов познания криминально-пенальных явлений;
- 4) категориальное;
- 5) сравнительный анализ зарубежных криминопенологических теорий³.

Указанные методологические направления следует дополнить также еще двумя: логическим и системным.

Логическое методологическое направление охватывает логические методы: анализ, синтез, индукцию, дедукцию, гипотезу.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. С. 353.

² См.: Старков О. В. Криминопенология : учеб. пособие. М. : Экзамен, 2004. С. 67; Его же. Основы криминопенологии // Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д. А. Шестакова. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 311 ; Старков О. В., Милоков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминопенологический анализ. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 92.

³ См.: Старков О. В. Криминопенология : учеб. пособие. С. 67–70.

Анализ (от греч. *analysis* – разложение, расчленение) – разложение единства на множество, целого – на его части, сложного – на компоненты¹. Анализ позволяет изучить или исследовать отдельные части целого, раскрыть отношения, которые являются общими для всех частей, и тем самым осознать особенности возникновения и развития всего изучаемого объекта.

Именно посредством анализа сведений о динамике регистрируемой преступности в исправительных учреждениях (ИУ) М. Ф. Костюк приходит к выводам, что «пик регистрируемой пенитенциарной преступности приходится на 1995 год, когда было зарегистрировано 3581 преступление, что на 27,5 % больше, чем в предыдущем году; начиная с 1996 и продолжая до 1999 года сохраняется тенденция к снижению массы регистрируемой преступности; в 1999 году по сравнению 1992 годом (т. е. за семь лет) общее число зарегистрированных в ИУ преступлений уменьшилось на 759, или 29,3 %»².

Синтез (от греч. *synthesis* – соединение, сочетание) – метод, состоящий в соединении разнообразных явлений, вещей, качеств, противоположностей или противоречивого множества в единство, в котором противоречия и противоположность сглаживаются или снимаются³. Путем синтеза исследуемое явление воспроизводится в мышлении как некое целое во всем многообразии его связей и частей.

Индукция (от лат. *inductio* – наведение) – метод движения знания или исследования от отдельного, особенного к всеобщему, закономерному⁴. Выделяют полную и неполную индукцию. В первом случае вывод о классе явлений в целом получают на основе рассмотрения всех явлений этого класса, а во втором – делается вывод исходя из рассмотрения лишь некоторых явлений данного класса.

¹ См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 19.

² Костюк М. Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 153.

³ См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 415.

⁴ См.: Там же. С. 179.

Дедукция (от лат. *deductio* – выведение), или *дедуктивный метод* (от англ. *deductive method*) – путь мышления, который ведет от общего к частному (выведение частного из общего), или способ исследования, изложения, при котором частные положения логически выводятся из общих положений (из аксиом, постулатов, правил, законов)¹.

Гипотеза (от греч. *hypothesis* – основание, основа) – хорошо продуманное предположение, которое заслуживает того, чтобы его проверили. Выдвижение, формулирование гипотезы требует оценки имеющихся теоретических и эмпирических данных, их соотнесения с предметом, объектом и задачами исследования. Эта работа проводится в процессе подготовки исследовательской программы. Гипотеза должна не только согласовываться с установленными в криминологии научно обоснованными положениями, но и характеризоваться обоснованной вероятностью соответствующего предположения.

Системное методологическое направление предполагает познание изучаемого или исследуемого объекта как определённой сложно организованной системы, имеющей определённую структуру, содержащую известное количество взаимосвязанных элементов. Качество объекта определяется не столько набором образующих его элементов, сколько характером взаимодействия между ними.

Системный метод может применяться при познании пенальной преступности как множества взаимодействующих пенальных преступлений и лиц, их совершающих, при определении взаимодействий между ними. При этом анализируется структура преступности, характеристики различных элементов, их взаимодействие. Кроме того, системный метод может использоваться при познании пенальной преступности в рамках более общей системы – общества. Выявляются внешние связи пенальной преступности с различными характеристиками общества, выделяются среди них главные.

¹ См.: Краткая философская энциклопедия. С. 126; Тихомиров Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1999. С. 106.

К методам исследования криминопеналогических явлений в юридической литературе относят: изучение документов, опросы, наблюдение, эксперимент¹.

Указанный перечень методов исследования криминопеналогических явлений следует дополнить еще пятью методами:

1) обобщение статистической информации (статистическая сводка и статистическая группировка);

2) психологическое тестирование;

3) метод экстраполяции;

4) моделирование;

5) изучение мнений, суждений экспертов (метод экспертных оценок).

Обобщение статистической информации осуществляется посредством статистических методов: статистическая сводка и статистическая группировка.

В юридической литературе под статистической сводкой понимается научная обработка «материалов статистического наблюдения (например, карточек на лиц, совершивших преступления), подытоживание отдельных единиц и сведение их в массы или совокупности в целях получения обобщенной характеристики изучаемого явления по ряду существенных для него признаков (например, число несовершеннолетних, совершивших преступления)»².

Статистическая группировка означает распределение единиц совокупности на однородные, качественно различающиеся между собой группы по тем или иным существенным для данного исследования признакам.

Статистические группировка и сводка широко применяются в криминопеналогических исследованиях.

Так, например О. В. Старков, используя статистическую сводку, приходит к выводу, что «наказательная» преступность

¹ См.: Старков О. В. Криминопеналогия : учеб. пособие. М. : Экзамен, 2004. С. 70–73 ; Его же. Основы криминопеналогии // Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д. А. Шестакова. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 314–317 ; Старков О. В., Милюков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминопеналогический анализ. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 96–98.

² Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 74.

по сравнению со всей повторной составляет примерно пятую ее часть ¹.

В. В. Смирнов, применяя статистическую группировку, указывает, что по возрасту все бежавшие осуждённые разделились на следующие возрастные группы: 35,3 % составили лица в возрасте от 30 до 39 лет; 24,6 % – в возрасте от 20 до 24 лет; 23,7 % – от 25 до 29 лет; 8,8 % – от 18 до 19 лет; 0,5 % – в возрасте от 55 до 60 лет, что позволяет сделать вывод о том, что наиболее часто побег совершают лица в возрасте от 25 до 40 лет ².

Психологическое тестирование представляет собой метод, с помощью которого измеряются психологические характеристики личности, а также малых групп и коллективов.

В криминопсихологических исследованиях используются общеличные тесты Г. Айзенка, Р. Кеттела и ряд других.

Психологическое тестирование широко применяется в деятельности психологических лабораторий, созданных в исправительных учреждениях Минюста России ³.

Метод экстраполяции заключается в изучении истории исследуемого объекта и перенесении закономерностей его развития в прошлом и настоящем на будущее.

Указанный метод зачастую применяется при исследовании способов побегов осужденных из мест лишения свободы ⁴.

Одним из методов исследования является *моделирование*, т. е. создание модели какого-либо явления или процесса.

В настоящее время весьма распространённым в криминологии является использование математического моделирования,

¹ См.: Старков О. В. Криминология : учеб. пособие. М. : Экзамен, 2004. С. 79.

² См.: Смирнов В. В. Предупреждение побегов из исправительных учреждений : монография. М. : ВНИИ МВД России, 1999. С. 74.

³ Более подробно см.: Кузнецова М. Психологическое обеспечение деятельности следственных изоляторов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2004. № 4. С. 15–18; Матвеева И. Деятельность психологической службы воспитательных колоний ГУИН Минюста России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2004. № 4. С. 13–18.

⁴ См.: Организационно-тактические и правовые аспекты борьбы с побегами из мест лишения свободы : учеб.-практ. пособие / под общ. ред. А. И. Зубкова. М. : ВНИИ МВД России, 1994. С. 27–30.

что позволяет внести в криминологические исследования методы количественного анализа и точного расчёта.

В криминопенологии недостаточно внимания уделяется моделированию. Вместе с тем правильно построенные и проверенные на объективном эмпирическом материале криминопенологические модели дают возможность однозначно охарактеризовать влияние на динамику и состояние пенальной преступности различных социальных и демографических факторов.

Изучение мнений, суждений экспертов (криминопенологов, криминологов, специалистов в области уголовно-исполнительного права, сотрудников правоохранительных органов, имеющих большой практический опыт в области борьбы с пенальной преступностью), на наш взгляд, один из важнейших методов получения криминопенологической информации. Сущность рассматриваемого метода состоит в том, что центром количественной и качественной оценки факторов, влияющих на пенальную преступность, становится мнение специалистов, опирающихся на свой профессиональный научный или практический опыт в области борьбы с пенальной преступностью.

Методы экстраполяции, моделирования и экспертных оценок в криминологической литературе рассматриваются как специальные *методы прогнозирования*¹.

Система криминопенологии. Немаловажное значение для развития криминопенологии как науки имеет определение ее системы.

По мнению О. В. Старкова, криминопенология включает две части: Общую и Особенную. Особенная часть криминопенологии, по мнению автора, имеет два раздела, первый из которых включает криминопенологическую характеристику наказаний – лишения свободы, ограничения свободы, наказаний без лишения и ограничения свободы, а второй – изучает криминопенологическую характеристику различных типов пенального преступного поведения: уклонения от исполнения наказаний;

¹ См.: Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М. : Акад. МВД СССР, 1980. С. 361; Его же. Криминология. М. : Акад. МВД СССР, 1984. С. 315.

половых эксцессов осуждённых; насильственных преступлений осуждённых; преступного поведения, направленного против органов, исполняющих наказания и их сотрудников; массовых (групповых) эксцессов осуждённых; преступного поведения сотрудников уголовно-исполнительных учреждений; обращения с запрещёнными веществами в местах лишения и ограничения свободы; корыстного и неосторожного преступного поведения осуждённых и других его типов¹.

Учитывая содержание и характер элементов, входящих в предмет криминопенологии, систему криминопенологии как науки следует рассматривать как состоящую из трёх частей: Общей, Особенной и Специальной.

В *Общей части* криминопенологии рассматриваются: 1) понятие, предмет, метод и система криминопенологии; 2) история криминопенологии; 3) криминопенологическое законодательство; 4) криминопенологическое исследование; 5) пенальная преступность; 6) последствия пенальной преступности; 7) причины, условия и факторы пенальной преступности; 8) личность пенального преступника; 9) криминопенальная виктимология; 10) криминопенологическая секьюритология; 11) криминопенологическая характеристика уголовно-процессуального пресечения, уголовного наказания, мер уголовно-правового характера, исправительного, ресоциального и предупредительного воздействия на осуждённых; 12) последствия уголовно-процессуального пресечения, уголовного наказания, мер уголовно-правового характера, исправительного, ресоциального и предупредительного воздействия на осуждённых; 13) причины, условия, факторы и причинный механизм пенального преступного поведения; 14) предупреждение пенальной преступности; 15) предупреждение пенального преступления; 16) криминопенологическое прогнозирование и планирование

¹ Более подробно см.: Старков О. В., Милюков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминопенологический анализ. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 99–100; Старков О. В. Основы криминопенологии // Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д. А. Шестакова. С. 318–319; Его же. Криминопенология : учеб. пособие. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 73–74.

борьбы с пенальной преступностью; 17) военная криминопенология; 18) экстремальная криминопенология; 19) международное сотрудничество и стандарты в области борьбы с пенальной преступностью.

Особенная часть криминопенологии включает *семь разделов*:

1. Криминопенологическая характеристика типов, видов и отдельных мер уголовно-процессуального пресечения.

2. Криминопенологическая характеристика типов, видов и отдельных мер уголовных наказаний.

3. Криминопенологическая характеристика типов, видов и отдельных мер уголовно-правового характера.

4. Криминопенологическая характеристика исправительного воздействия на осуждённого, а также типов, видов и отдельных средств исправления осуждённых.

5. Криминопенологическая характеристика ресоциального воздействия на осуждённого, а также типов, видов и отдельных средств ресоциализации осуждённых.

6. Криминопенологическая характеристика пенального предупредительного воздействия, а также типов, видов и отдельных средств предупреждения пенальных правонарушений, преступлений.

7. Криминопенологическая характеристика типов, видов и отдельных мер безопасности.

8. Криминопенологическая характеристика различных типов пенального преступного поведения.

9. Криминопенологическая характеристика различных типов пенального преступного поведения в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения.

В каждом из семи разделов особенной части содержится ряд тем.

Раздел 1: 20) криминопенологические параметры типов и видов уголовно-процессуальных мер пресечения; 21) криминопенологические параметры отдельных мер уголовно-процессуального пресечения.

Раздел 2: 22) криминопенологические параметры типов и видов уголовных наказаний; 23) криминопенологические параметры отдельных мер уголовных наказаний.

Раздел 3: 24) криминопенологические параметры типов и видов мер уголовно-правового характера; 25) криминопенологические параметры отдельных мер уголовно-правового характера.

Раздел 4: 26) криминопенологические параметры типов и видов средств исправления осуждённых; 27) криминопенологические параметры отдельных средств исправления осуждённых.

Раздел 5: 28) криминопенологические параметры типов и видов средств ресоциализации осуждённых; 29) криминопенологические параметры отдельных средств ресоциализации осуждённых.

Раздел 6: 30) криминопенологические параметры типов и видов предупреждения пенальных правонарушений, преступлений; 31) криминопенологические параметры отдельных предупредительных мер пенальных правонарушений и преступлений.

Раздел 7: 32) криминопенологические параметры типов и видов мер безопасности; 33) криминопенологические параметры отдельных мер безопасности.

Раздел 8: 34) криминопенологическая характеристика уклонения от исполнения и отбывания уголовно-процессуальных мер пресечения; 35) криминопенологическая характеристика преступного поведения против правосудия, участников уголовного судопроизводства, а также лиц, применяющих уголовно-процессуальные меры пресечения; 36) криминопенологическая характеристика преступного поведения участников уголовного судопроизводства и лиц, применяющих уголовно-процессуальные меры пресечения; 37) криминопенологическая характеристика уклонения от исполнения и отбывания уголовного наказания; 38) криминопенологическая характеристика уклонения от исполнения и отбывания мер уголовно-правового характера; 39) криминопенологическая характеристика уклонения от оказывания и испытывания исправительного воздействия; 40) криминопенологическая характеристика уклонения от оказывания и испытывания ресоциального воздействия; 41) криминопенологическая характеристика уклонения от оказывания

и испытывания предупредительного воздействия; 42) криминопенологическая характеристика половых эксцессов осуждённых; 43) криминопенологическая характеристика насильственного преступного поведения осуждённых; 44) криминопенологическая характеристика корыстного преступного поведения осуждённых; 45) криминопенологическая характеристика преступного поведения против уголовно-исполнительной системы и ее сотрудников; 46) криминопенологическая характеристика преступного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы; 47) криминопенологическая характеристика массовых (групповых) эксцессов осуждённых; 48) криминопенологическая характеристика обращения осуждённых с запрещёнными веществами и предметами.

Раздел 9: 49) криминопенологические параметры типов и видов преступного поведения в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения; 50) криминопенологические параметры отдельных видов преступного поведения в условиях стихийного бедствия; 51) криминопенологические параметры отдельных видов преступного поведения в условиях введения чрезвычайного; 52) криминопенологические параметры отдельных видов преступного поведения в условиях военного положения.

В *Специальной части* рассматривается зарубежная криминопенология: 53) пенальная преступность в зарубежных странах; 54) причины, условия, факторы и предупреждение пенальной преступности в зарубежных странах; 55) иные меры по борьбе с преступностью во время назначения, исполнения и отбывания уголовно-процессуальных мер пресечения, уголовных наказаний, иных мер уголовно-правового характера, а также в процессе исправительного, ресоциального и предупредительного воздействия на осуждённых в зарубежных странах.

Система криминопенологии как науки отличается от системы криминопенологии как учебной дисциплины, поскольку содержание последней определяется конкретными темами и объёмом часов.

В заключение заметим, что Общая, Особенная и Специальные части криминопенологии тесно взаимосвязаны между собой.

Таким образом, определение самостоятельного предмета, методов, системы криминопенологии, а также понятия криминопенологии позволяет не только рассматривать криминопенологию в качестве самостоятельного учения, учебной дисциплины, но и способствовать эффективному ее развитию в системе наук.

§ 5.2. Криминопенологическая характеристика явлений, детерминирующих особые условия в исправительных учреждениях

Из вышесказанного следует, что, несмотря на широкое распространение термина «криминологическая характеристика», как правило, он употребляется только в сочетании с отдельными видами преступности, например, криминологическая характеристика краж, убийств, насильственной преступности и т. д. При этом найти информацию, касающуюся вопросов определения ее сущности, содержания, логической структуры, достаточно проблематично. В связи с этим необходимо согласиться с мнением В. Б. Ястребова, который еще в 1982 г. акцентировал внимание на данной проблематике, указывая на «неоднозначность решения вопроса о том, какие признаки и свойства существенны для объяснения преступности, ее причин и решения задач борьбы с ней; в данном случае мы имеем дело с довольно типичной ситуацией, когда понятие, еще не получив развернутой теоретической интерпретации, стало аксиоматическим»¹.

В связи с этим можно отметить точку зрения В. А. Ананича, указывающего, что задачи исследователей в сфере криминологии заключаются в сборе, обработке и анализе информации, касающейся личности преступника, преступности, ее причин и условий, а также мер борьбы с преступностью. Вместе с тем перед криминологической наукой стоят и прогностические за-

¹ Ястребов В. Б. К вопросу о понятии криминологической характеристики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью : сб. ст. / Все-союз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности ; редкол.: Б. В. Коробейников (отв. ред.) и др. М., 1982. Вып. 37. С. 14, 15.

дачи, практическая значимость которых заключается в обеспечении законодательных и правоприменительных органов информацией о предвидении будущего состояния преступности, детерминирующих ее факторов, личностного криминогенного и виктимологического потенциала, а также мер борьбы и реагирования государства на преступные проявления¹.

В сфере интересов криминологии находится профилактика и таких фоновых антисоциальных явлений, как проституция, пьянство, алкоголизм, наркомания, и т. п. Кроме того, на наш взгляд, в учреждениях УИС к таким явлениям стоит относить «тюремную» субкультуру, состоящую из неформальных норм и традиций, и паразитический образ жизни осужденных отрицательной направленности, которые, не желая вступать на путь исправления и отказываясь от любой трудовой деятельности, насаждают свои противоправные взгляды и идеи другим осужденным.

Таким образом, криминологическая характеристика представляет собой совокупность информации о преступности и личности преступников, на основании анализа которой можно установить детерминанты преступной деятельности, предвидеть основные направления ее развития и в конечном итоге выработать меры по профилактике преступлений.

Криминологическая (особенно криминопенологическая) характеристика явлений, протекающих в ИУ, тесно связана с таким понятием, как оперативная обстановка в этих учреждениях. Так, резкое изменение в криминологической составляющей может приводить к обострению или улучшению оперативной обстановки в учреждениях УИС, а осложнение последней может быть связано с определенными изменениями в криминологической характеристике, например с увеличением в ИУ удельного веса лиц, осужденных за насильственные преступления.

Изучению и научному обоснованию оперативной обстановки в ИУ уделяли внимание в своих трудах такие ученые, как Н. П. Барабанов, Н. Н. Васильев, М. П. Журавлев, Л. В. Кондратьев, И. В. Коретников, Н. А. Линенко, И. И. Лыгалов, А. Я. Мар-

¹ См.: Ананич В. А., Анисеева Н. А., Свило С. М. Криминология : учеб. пособие. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2015. С. 8.

ков, В. Е. Миронов, А. А. Румянцев, В. Г. Самойлов, В. Б. Шабанов и др. При этом большинство из них полагают, что оперативная обстановка в ИУ представляет собой совокупность внутренних и внешних факторов, которые в определенной степени влияют на состояние правопорядка в учреждении, исполнение и отбывание наказания в виде лишения свободы. К тому же Н. П. Барабанов добавляет, что такие факторы непосредственным образом определяют возможности использования имеющихся сил и средств в целях обеспечения стабильного функционирования учреждений УИС¹. В связи с этим характеристика оперативной обстановки в ИУ по многим позициям схожа с криминологической характеристикой, хотя эти категории не тождественны.

Итак, криминопенологическая характеристика содержит важную информацию, необходимую для объективного анализа оперативной обстановки в ИУ. Кроме того, отдельные элементы последней могут в определенной степени влиять на криминологическую характеристику, например, выступать в качестве детерминантов совершения преступлений в учреждениях УИС.

Так, возникновение чрезвычайных ситуаций природного характера (ураган, наводнение и т. п.) может спровоцировать групповые правонарушения в ИУ, побег и иные противоправные деяния. Следовательно, такие явления как элемент оперативной обстановки представляют собой причины и условия преступности, что служит неотъемлемым компонентом криминологической характеристики. К подобным элементам относятся также особенности географического положения, характер местности и производственной деятельности, степень занятости осужденных, время года и суток, климат, состояние охраны и надзора, ресурсное обеспечение, транспортное сообщение и др.²

¹ См.: Барабанов Н. П. Криминологические факторы, обуславливающие осложнение оперативной обстановки в исправительном учреждении, и организация ее оценки. Рязань : Акад. Федер. службы исполн. наказаний России, 2011. С. 166.

² См.: Там же С. 28, 62.

Таким образом, криминологическая характеристика имеет большое значение для практической деятельности подразделений УИС, поскольку в процессе анализа складывающейся в ИУ оперативной обстановки преимущественно на основе криминологической информации должна вырабатываться как общая стратегия, так и конкретные меры по профилактике преступности. При этом следует учитывать не только внутренние, но и внешние факторы, явления и процессы, оказывающие влияние на их криминогенность.

Учитывая вышеизложенное, криминологическую характеристику современных детерминантов, усиливающих угрозу возникновения в деятельности учреждений УИС особых условий, целесообразно произвести по двум основным направлениям: во-первых, характеристика внешних явлений и процессов, происходящих за пределами ИУ, но влияющих на криминогенность в них, и, во-вторых, характеристика внутренних явлений и процессов, присущих ИУ.

1. Внешние явления и процессы. В современном мире одной из основных задач международного сообщества стало противодействие экстремизму, который в различных проявлениях распространился во многих странах. В настоящее время экстремистские организации развернули широкую инфраструктуру террористической деятельности, наладили действенные механизмы ее пропагандистского обеспечения, что в совокупности с развитыми коррупционными связями в государственных и международных структурах привело к их распространению и укоренению, особенно в развивающихся государствах. Более того, можно вести речь и о формировании в определенных социальных слоях субкультуры, направленной на поддержание и оправдание экстремизма и терроризма. К тому же в ряде европейских стран (Германия, Франция, Бельгия, Великобритания и др.) приобрели широкое распространение радикализация и исламизация населения, что ранее было не характерно для данных регионов. Указанный процесс зачастую приводит к перениманию взглядов радикальных исламских течений, что побуждает людей, в том числе исповедующих христианскую религию, вступать в ряды различных террористических организаций

и незаконных вооруженных формирований. Кроме того, экстремистские и террористические организации, как правило, налаживают сеть организованной преступной деятельности, что позволяет получать доходы, направляемые также на вербовку наемников из различных стран мира.

Несмотря на кажущуюся отдаленность указанных процессов, в настоящее время они реально оказывают влияние на состояние оперативной обстановки и криминогенности в учреждениях УИС. В связи с этим целесообразно рассмотреть их более подробно в целях дальнейшей выработки наиболее рациональной и эффективной системы профилактических мер, направленной на предупреждение преступности в ИУ.

Наметившаяся тенденция радикализации христианского населения в первую очередь связана с его исламизацией, а точнее – включением в этот процесс различных исламистских организаций и течений. Их представители осуществляют скрытую пропаганду и агитацию экстремистских взглядов и идей, привлекая на свою сторону новых членов, способных и готовых участвовать в террористической и иной преступной деятельности. Такие лица в итоге становятся исполнителями наиболее резонансных в мировой практике насильственных преступлений (публичное убийство военнослужащего и обезглавливание женщины в Лондоне; массовое убийство лиц с ограниченными возможностями, совершенное семейной парой в Сан-Бернардино; убийство в Париже полицейского и его жены на глазах у ребенка; задержание в Москве организованной преступной группы, совершившей более 15 убийств на религиозной почве; убийство католического священника во время утренней мессы в храме; теракты, совершенные с использованием большегрузных транспортных средств путем въезда в толпу людей в Ницце, Берлине, Иерусалиме, Стокгольме, Лондоне и др.).

Непрекращающиеся в мире акты терроризма вынуждают руководство многих государств идти на беспрецедентные меры, направленные на усиление охраны аэропортов, атомных электростанций и иных критически важных объектов. Между тем, по нашему мнению, к таковым объектам стоит относить и пенитенциарные учреждения, поскольку, например, в случае

акта терроризма, направленного на разрушение инженерно-технических средств охраны ИУ, одновременно большое количество преступников могут оказаться на свободе. В связи с этим правительствам государств необходимо уделять внимание обеспечению безопасности, наравне с перечисленными объектами, и в учреждениях УИС, так как содержащийся в них криминальный потенциал представляет не менее серьезную угрозу национальной безопасности.

В настоящее время отдельные экстремистские организации международного масштаба стремятся в первую очередь к захвату власти в государствах и даже к созданию новых, что может осуществляться как законными, так и незаконными методами. Оставляя в стороне легальный приход А. Гитлера к власти в XX в. и последовавшие результаты этого, можно привести примеры, которых в настоящее время стало в разы больше, хотя они еще и не приобрели такого размаха:

– правление в Египте в 2011–2013 годы представителей организации «Братья-мусульмане», признанной террористической международным сообществом;

– провозглашение в 2013 году исламистской террористической организацией «Исламского государства», которое в настоящее время существует как квазигосударство, то есть не признанное мировым сообществом, преимущественно на территории Сирии и Ирака. Под его покровительство перешли экстремистские группировки Ливии, Алжира, Египта, Узбекистана, Иордании, Нигерии и иных стран, что обусловило ведение на протяжении всего его существования непрерывающихся военных действий, а также организацию широкой сети террористических ячеек по всему миру, которые осуществляют ужасающие по своему масштабу и дерзости акты терроризма;

– события 2014 году в Украине, представляющие собой силовой захват власти в Киеве, приведший к раздробленности страны, что поставило под угрозу ее суверенитет, а также стало одной из причин непрерывающихся до сих пор военных действий на ее территории.

К тому же в настоящее время прогрессирует тенденция пополнения рядов военизированных группировок, участвующих

в военных действиях, гражданами и подданными различных стран, причем данное негативное явление поощряется не только в самопровозглашенном террористическом государстве «Исламское государство», но и даже на Украине. В этой связи стоит отметить, что в средствах массовой информации, глобальной компьютерной сети Интернет приводится ряд фактов вступления граждан Российской Федерации и сопредельных стран, например Республики Беларусь, в ряды различных, в том числе незаконных, вооруженных формирований как Украины, так и «Исламского государства». При этом, стремясь в первую очередь к материальному вознаграждению, такие лица попадают «под программу промывки мозгов» и, как правило, полностью перенимают чуждую идеологию, коренным образом изменяющую мировоззрение в сторону поддержания и распространения экстремистских ценностей. Возвращаясь на родину, такие лица могут использовать в преступной деятельности приобретенный опыт ведения боевых действий, привезти огнестрельное оружие, взрывчатые вещества и иные средства, предназначенные для осуществления противоправной деятельности, что уже неоднократно имело место.

Привыкая к преступному образу жизни, сопровождающегося постоянным насилием и убийствами, данные лица часто не представляют для себя иного образа жизни и не видят иных путей для самореализации, в связи с чем продолжают вести противоправную деятельность. При этом, стремясь найти сферы, в которых будут востребованы их навыки, они могут становиться частью организованной преступности, в том числе террористической направленности, либо являться организаторами или активными участниками незаконных вооруженных формирований.

Кроме того, в случае осуждения такие лица могут представлять особый интерес для осужденных отрицательной направленности, так как имеющийся у них опыт ведения боевых действий может способствовать грамотному планированию совершения различных преступлений. К тому же они могут обладать и специальными познаниями в области изготовления различных средств, направленных на противодействие сотрудникам

правоохранительных органов (например, различных зажигательных и дымовых смесей), которые могут быть использованы осужденными в ходе массовых беспорядков или в целях совершения побега.

Указанные обстоятельства нельзя рассматривать в аспекте далекой перспективы усиления криминогенности в ИУ. Так, в настоящее время в таких учреждениях уже отбывают наказания лица, принимавшие участие в массовых беспорядках за рубежом, в том числе на территории Украины, причем отдельные из них даже возглавляли различные экстремистские формирования. В ходе наших опросов таких осужденных поступала информация, что, участвуя в массовых беспорядках на «Майдане», они приобрели соответствующие знания и навыки в сфере противодействия органам правопорядка, причем не только путем собственного опыта, но и посредством специально организованного предоставления такой информации различными специалистами.

Опыт работы с такого рода осужденными свидетельствует, что таких лиц не следует воспринимать как основную, характеризующуюся в целом положительно или нейтрально, массу осужденных. Обладая навыками ведения боевых действий, участия в массовых беспорядках и иных формах противодействия силам правопорядка, хорошей осведомленностью об организации и тактике деятельности правоохранительных структур, они способны грамотно выстраивать свою тактическую схему преступных деяний, которые зачастую имеют насильственную окраску. Кроме того, опыт участия в массовых беспорядках может способствовать эффективному манипулированию поведением осужденных в процессе различных групповых правонарушений. В связи с этим, учитывая специфику криминальной субкультуры, вероятность приобретения такими лицами существенного авторитета в преступной среде очень высока, что в итоге может негативно отразиться на количестве правонарушений в ИУ, таких, как групповые неповиновения и хулиганства, массовые беспорядки, захваты заложников, побеги и т. п.

Из изложенного следует, что в настоящее время в учреждениях УИС особая угроза исходит от лиц, являвшихся до осуж-

дения участниками различных зарубежных вооруженных и экстремистских формирований. К тому же, учитывая геополитическое расположение Российской Федерации, можно прогнозировать пополнение ИУ такими осужденными за счет не только граждан Российской Федерации или Республики Беларусь, но и иных стран, в особенности обладающих повышенной террористической и иной экстремистской активностью, к которым на современном этапе относится Украина, Сирия, Ирак, Ливия, Египет, Палестина и др. В связи с этим стоит отметить, что основная опасность различного рода миграционных процессов заключается в возможности формирования групп террористической направленности, появления вербовщиков в ряды международных террористических организаций, совершения актов терроризма, в том числе направленных против населения. В современном мире более 80 % всех террористов являются приверженцами радикальных исламских течений. Учитывая их фанатичную преданность своим идеалам, даже в случае осуждения они продолжают осуществление противоправной деятельности в ИУ.

По опыту многих государств мира, в том числе РФ, Франции, Великобритании, США, Бельгии и Казахстана, пенитенциарные учреждения в настоящее время рассматриваются криминологами в качестве одного из основных мест вербовки и первоначальной подготовки будущих участников экстремистских формирований, в том числе террористической направленности, что подтверждается, например, актом терроризма, совершенным 18 июля 2016 года в г. Алматы Республики Казахстан. Из указанного примера следует, что упущения в воспитательной работе с рассматриваемой категорией осужденных могут проявляться в различных насильственных преступлениях как в условиях лишения свободы, так и в условиях свободы, вплоть до захватов заложников, убийств и актов терроризма.

Так, попадая под влияние опытных и «авторитетных» лиц в учреждениях УИС, осужденные, не имеющие устоявшейся жизненной позиции, довольно быстро и охотно перенимают навязываемые им новые социальные ценности, идеи, изменяют свое мировоззрение, отношение к религии на удобные для экстреми-

стов. Такие осужденные, мотивированные на достижение определенных целей, под контролем своих «наставников» стремятся к максимально полному и быстрому приобретению криминального опыта в данной сфере, совершенствованию знаний, умений, навыков и физической формы. При этом лица, имеющие связь с террористическими группами, со свойственным им мировоззрением представляют особый интерес со стороны многих осужденных, которые видят в этом определенного рода романтику или ассоциируют насилие с основным средством достижения поставленных целей. Нередко осужденные, поддавшиеся негативному влиянию, упиваясь романтикой навязанной криминальной жизни, порой, даже не задумываясь о серьезности последствий, проявляют готовность к совершению практически любых поручений своих «учителей», в том числе по совершению тяжких и особо тяжких преступлений.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, можно прогнозировать увеличение в учреждениях УИС осужденных, являющихся приверженцами идей радикального ислама и пропагандирующих его ценности, а также лиц, стремящихся перенять их идеологию и мировоззрение. При этом, как отмечалось, угроза данного процесса заключается в готовности завербованных последователей в дальнейшем безоговорочно следовать преступным указаниям своих наставников.

В особо пристальном внимании в настоящее время нуждается такое набравшее популярность негативное явление, особенно среди молодежи, как участие в различных группировках экстремистской направленности. К таким группам относятся неонацистские, антифашистские, «околофутбольные» и иные формирования, где активно пропагандируется насилие и жестокость, возводимые в ранг жизненного кредо. По этой причине, попадая в ИУ, многие из участников таких групп продолжают вести себя нагло и дерзко по отношению как к осужденным, так и сотрудникам, зачастую стремясь организовать противодействие администрации учреждения.

Попадая в учреждения УИС, такие лица, как правило, стремятся найти единомышленников, чтобы сформировать на основе общих интересов малую группу и, по возможности, распро-

странять свои идеи в среде осужденных. В случае отсутствия идейной поддержки со стороны других осужденных, они могут занимать выжидательную позицию, не допуская явных преступных действий и аккумулируя агрессию в себе. В конечном итоге агрессия может проявляться в совершении насильственных действий либо по отношению к сотрудникам учреждения либо в отношении других осужденных. При этом наличие единомышленников позволяет им в короткие сроки организовать устойчивую группу отрицательной направленности, разъединить которую становится довольно проблематичным в условиях ИУ. Как правило, для этого требуется перевод организаторов и активных участников в другие учреждения УИС, где процесс формирования группы начинается заново. Кроме того, в случае осознания членами таких групп угрозы разделения, с их стороны практически всегда возникает силовое или иное противодействие сотрудникам учреждения, что во многом обусловлено именно экстремистской идеологией. Такое противодействие может выражаться в угрозах работникам учреждений и их семьям либо различных групповых правонарушениях (хулиганство, членовредительства, неповиновение и т. п.)¹. Важно подчеркнуть, что в случае влияния группы на определенную часть осужденных либо поддержки со стороны иных групп отрицательной или нейтральной направленности указанные правонарушения могут в короткий срок перерасти в массовые беспорядки.

Важным обстоятельством, обуславливающим опасность таких ранее упомянутых категорий осужденных, как участники незаконных вооруженных формирований, террористических и иных экстремистских формирований, приверженцы идей исламских радикальных течений, и др., для учреждений УИС является высокая криминальная активность лиц несовершеннолетнего (от 14 до 17 лет) и молодежного возраста (от 18 до 29 лет). По оценке В. Б. Шабанова в среднем данной категорией осужденных

¹ См.: Группировка скинхедов готовила бунт и побег из Калужской колонии [Электронный ресурс] : [видеосюжет И. Ушенина] // НТВ.Ru. URL: <http://www.ntv.ru/video/1389441> (Дата обращения: 25.04.2017).

совершается 75 % всех преступлений в ИУ¹. При этом специфической чертой несовершеннолетней и молодежной преступности в настоящее время является «доминирование комплекса социально-психологических факторов», причем наиболее криминогенным из них следует признать «утрату молодыми людьми общепризнанных человеческих идеалов и ценностей, что проявляется в их ориентации на примитивные модели удовлетворения человеческих потребностей». Данное обстоятельство к тому же усугубляется ростом алкоголизма и наркомании в молодежной среде². В итоге указанные явления существенно детерминируют криминальную активность молодежи непосредственно в совершении насильственной преступности.

Угрозы несовершеннолетней и молодежной преступности для стабильного функционирования ИУ в первую очередь связаны с их экстремистскими и иными насильственными преступными проявлениями. Абсолютное большинство лиц, вовлеченных в различные незаконные вооруженные формирования на территории иностранных государств, о чем указывалось выше, являются лицами молодежного возраста. В результате анализа сведений о таких лицах, в том числе представленной в средствах массовой информации, доля молодежи достигает 87,5 %. При этом кроме стремления к участию в экстремистской деятельности, для такой категории осужденных характерно пренебрежительное отношение к человеческой жизни и ее важнейшим ценностям, к различным социальным институтам и требованиям, нормативным предписаниям, а также своим правовым обязанностям. Как правило, таким лицам присущи и раннее антисоциальное поведение, связанное с хулиганствами, драками и незаконным оборотом наркотических средств, отсутствие привязанности к родственным связям и определенному месту жительства, стремление к групповым противоправным действиям, устоявшееся восприятие насилия как наиболее приемле-

¹ См.: Шабанов В. Б. Теоретико-правовые и прикладные проблемы противодействия преступности в уголовно-исполнительной системе : дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2002. С. 84.

² См.: Селятыцкий Ю. И. Предупреждение преступности среди молодежи : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2014. С. 75.

мого способа разрешения проблем, желание самоутвердиться посредством психологического и физического подавления воли других людей.

Приведенная характеристика указанной преступной личности отражает особенности криминологического портрета наиболее опасных в настоящее время осужденных, способных при определенных условиях дестабилизировать оперативную обстановку в учреждениях УИС.

Немаловажным обстоятельством, влияющим на оперативную обстановку в ИУ и усугубляющим ранее перечисленные тенденции, является значительное количество незарегистрированного огнестрельного оружия, в первую очередь являющегося негативным наследием Великой Отечественной войны. Теневой оборот огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ неслучайно выступает одним из существенных условий усиления криминогенности в учреждениях УИС, поскольку при определенных обстоятельствах они могут оказаться на территории ИУ, как это происходит с наркотическими и психотропными веществами, средствами мобильной связи, алкогольной продукцией и т. п. К тому же некоторые осужденные даже в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы способны изготовить из имеющихся на производстве ИК материалов, например, однозарядный пистолет, а тем более его муляж.

К факторам, которые могут усилить в учреждениях УИС негативные тенденции, способные детерминировать возникновение различного рода особых условий, можно отнести и следующие внешние факторы:

- сохраняющийся правовой нигилизм населения;
- утрату духовных и христианских ценностей некоторыми категориями населения;
- негативные социально-психологические тенденции, выражающиеся в росте наркомании и алкоголизма, недостаточная материальная обеспеченность, безработица;
- слабую эффективность отдельных правовых мер и др.¹

¹ См.: Селятыцкий Ю. И. Предупреждение преступности среди молодежи : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2014. С. 81.

Однако именно рассмотренные явления и процессы наиболее лаконично отражают реальную картину объективной действительности, раскрывают основные внешние угрозы как для стабильной оперативной обстановки в учреждениях УИС в целом, так и для национальной безопасности всего государства.

2. Внутренние явления и процессы. ИУ представляют собой наиболее сложные в криминогенном плане объекты, что к тому же осложняется наметившейся тенденцией применения наказания в виде лишения свободы преимущественно в отношении преступников, действительно представляющих опасность для общества в случае оставления на свободе. В свою очередь, это обстоятельство усиливает уровень потенциальной угрозы совершения осужденными тяжких преступлений, что обуславливает необходимость изучения комплекса детерминантов противоправной деятельности в ИУ на современном этапе развития общества.

Так, В. А. Гришин выделил три основные группы причин пенитенциарной преступности: антиобщественная направленность осужденных; неформальные нормы и традиции, выступающие в качестве регуляторов поведения; среда осужденных. При этом пробелы и недостатки в организации служебной деятельности он относил исключительно к условиям совершения преступлений, хотя и не исключал, что одни и те же явления в зависимости от ситуации могут выступать как в качестве причин, так и в качестве условий ¹.

Такой подход в настоящее время является доминирующим в криминологической науке, в соответствии с которым используется общее понятие «детерминанты преступности» ².

С нашей точки зрения, антисоциальная направленность осужденных проявляется уже в том, что все они отбывают наказание за совершение деяний, противоречащих принятым в социальной среде нравственным ценностям. При этом такие лица

¹ См.: Гришин В. А. Борьба с тяжкими преступлениями против личности в ВТК. М. : Всесоюз. науч.-исслед. ин-т МВД СССР, 1984. С. 36.

² Ананич В. А. Криминология : учеб. пособие / В. А. Ананич, Н. А. Анисеева, С. М. Свило. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2015. С. 80.

уже сформировали определенные стереотипы своего поведения в обществе еще до осуждения, в связи с чем, как правило, они переносят их и на условия ИУ.

Целесообразно акцентировать внимание на сложившейся еще во времена Российской империи и до сих пор существующей в среде осужденных пенитенциарной субкультуре, состоящей из неформальных норм и традиций, основанных на насилии и подавлении воли людей¹, которая, несмотря на проводимую работу по ее искоренению, продолжает существовать в учреждениях УИС практически всех постсоветских стран.

Данное негативное явление существенно отягчается тем обстоятельством, что в отличие от условий свободы в такую субкультуру вовлекаются абсолютно все осужденные без учета их воли и желаний под страхом оказаться внизу иерархической лестницы, так называемой касте «отверженных», или «опущенных». Как отмечает В. Б. Шабанов, именно опасения оказаться «отверженными» и стать предметом насмешек и издевательств со стороны основной массы осужденных зачастую становятся причинами совершения наиболее тяжких преступлений в ИУ, приобретающих большой общественный резонанс².

Например, в соответствии с неформальными нормами тюремной жизни осужденные, не имеющие возможности погасить свой игровой долг, обязаны совершить любое противоправное деяние, указанное обыгравшими их лицами, в противном случае они навсегда потеряют свой авторитет и будут причислены к «отверженным». Наиболее опасными деяниями в таких случаях становятся нападения на сотрудников учреждений, причинения телесных повреждений другим осужденным, убийства, захваты заложников и т. д.

Между тем, несмотря на тенденцию применения лишения свободы к наиболее опасным членам нашего общества, в не-

¹ См.: Шабанов В. Б. Теоретико-правовые и прикладные проблемы противодействия преступности в уголовно-исполнительной системе : дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2002. С. 78.

² См.: Там же. С. 49.

которых учреждениях УИС существует проблема перелимита. В свою очередь переполненность ИУ приводит к ухудшению в них материально-бытовых условий отбывания наказания, что выступает одним из серьезных условий, стимулирующих осужденных к различным групповым правонарушениям. Серьезность данного вопроса обуславливает необходимость оперативного разрешения обозначенных проблем в этих учреждениях в целях предотвращения со стороны осужденных различного рода негативных проявлений.

В то же время в связи с возрастающей концентрацией наиболее опасных преступников в ИУ возрастает и уровень потенциальной угрозы совершения тяжких преступлений преимущественно насильственной направленности в этих местах. К тому же на сегодняшний день осужденные, имеющие насильственную направленность в совершенных преступлениях, составляют немногим менее 50 % от всех приговоренных к лишению свободы лиц. Следовательно, минимум половиной осужденных насилие воспринимается в качестве одного из возможных и достаточно приемлемых способов разрешения возникающих проблемных ситуаций, так как зачастую осужденные переносят укоренившийся в их сознании в условиях свободы вариант поведения и на ИУ, чему способствует и существующая в них пентенциарная субкультура.

К определенному повышению уровня криминогенности учреждений УИС может приводить резкое ужесточение требований, предъявляемых к досрочному освобождению. В этой связи целесообразно отметить ситуацию, сложившуюся в учреждениях УИС в 1939 году, когда после отмены института досрочного освобождения произошла резкая криминализация этих мест. Всплеск затяжных групповых неповиновений, хулиганств, беспорядков, побегов и иных серьезных правонарушений не смогли снизить даже столь жесткие меры как применение к нарушителям смертной казни, что вынудило советскую власть вернуть практику досрочного освобождения¹.

¹ См.: ГУЛАГ: (Главное управление лагерей), 1918–1960 : сб. док. / сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостоковский. М., 2000. – С. 116, 117.

Учеными выделяется и такой важный фактор, влияющий на криминогенность обстановки в УИС, как сохранение старых и установление новых криминальных связей осужденными к лишению свободы как внутри ИУ, так и за его пределами¹. При этом наиболее развитыми подобными связями обладают участники организованных преступных групп, в том числе экстремистской направленности.

Значительную опасность в учреждениях УИС представляют также различные малые группы, формируемые в среде осужденных, особенно отрицательной направленности², которые до настоящего времени продолжают оказывать влияние на обстановку в ИУ и при определенных условиях могут серьезным образом повлиять на их стабильное функционирование. При этом повышенная опасность исходит от групп осужденных, представители которых ранее принимали участие в различных видах экстремистской деятельности (участники массовых беспорядков, незаконных вооруженных формирований, террористических и иных экстремистских организаций и объединений). Такие лица, обладая завышенной самооценкой, повышенным самоконтролем, наработанными организаторскими способностями, наглостью и жестокостью, способствуют развитию лидерства в учреждениях УИС и сплочению негативно настроенных лиц. В результате чего в ИУ может существенно возрастать риск совершения хорошо спланированных тяжких и резонансных преступлений.

Учитывая ранее изложенное, с нашей точки зрения, наряду с такими категориями осужденных, обладающих высокой степенью криминальной активности, как «лица, длительное время пребывающие в преступной среде», и «лица, впервые осуж-

¹ См.: Панин И. Ю. Понятие оперативно-розыскной профилактики криминальных связей осужденных // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 апр. 2012 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: А. В. Шарков (отв. ред.) и др. Минск, 2012. С. 158–160.

² См.: Шабанов В. Б. Теоретико-правовые и прикладные проблемы противодействия преступности в уголовно-исполнительной системе : дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2002. С. 49.

денные, но стремящиеся к воровской романтике», выделяемых В. Б. Шабановым ¹, в современных условиях сформировалась и третья категория, к которой относятся лица экстремистской направленности. При этом последние представляют не менее серьезную угрозу для стабильного функционирования учреждений УИС. Однако зачастую должного внимания со стороны сотрудников ИУ им не уделяется. Кроме того, указанная категория лиц представляет существенную опасность и для условий свободы. Так, практика деятельности учреждений УИС зарубежных стран показывает, что, попадая в них, осужденные, придерживающиеся экстремистских взглядов, продолжают активно распространять свою идеологию в среде осужденных, в связи с чем из ИУ освобождается уже не один человек, а группа радикально настроенных «бойцов».

В этой связи стоит отметить, что, с нашей точки зрения, принятое в сфере исполнения уголовных наказаний деление групп осужденных на нейтральную и отрицательную направленность в специфическом пенитенциарном мире очень условно. По существу, определение «нейтральная направленность осужденных» подразумевает под собой отсутствие желания на противоправный образ жизни и их потенциальную готовность к совершению противоправной деятельности, хотя явно они об этом и не заявляют. Практически всегда группы нейтральной направленности занимают позиции отрицательно настроенных лиц, в связи с чем без должного профилактического воздействия могут представлять серьезную угрозу для обстановки в ИУ.

Необходимо также добавить, что правоохранительные органы, не связанные с исполнением уголовных наказаний, как правило, считают, что их работа с подобными радикально настроенными лицами оканчивается после осуждения последних, в связи с чем основная нагрузка по противодействию деятельности таких лиц, прибывших отбывать наказания, ложится непосредственно на сотрудников учреждений УИС. Это требует максимальной концентрации и обладания полной, развернутой

¹ См.: Шабанов В. Б. Теоретико-правовые и прикладные проблемы противодействия преступности в уголовно-исполнительной системе : дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2002. С. 74.

и достоверной информацией о таких осужденных экстремистской направленности.

В дополнение к перечисленным выше внутренним детерминантам, влияющим на возникновение в ИУ особых условий, можно также отнести:

- недостаточность материально-технической базы отдельных учреждений;
- резко отличающиеся от условий свободы бытовые условия;
- высокий уровень психологической напряженности;
- ослабленные социально полезные связи с внешним миром;
- упущения администраций ИУ в работе с лидерами преступного мира и лицами отрицательной направленности.

Таким образом, представленная нами криминологическая характеристика позволяет раскрыть важнейшие детерминанты, способные обусловить возникновение в деятельности учреждений УИС различного рода особых условий. Представляется целесообразным также сформулировать следующие выводы:

1. Криминопенологическая характеристика и оперативная обстановка в ИУ – взаимосвязанные и взаимообусловленные явления. Так, резкое изменение в криминологической составляющей может приводить к обострению или улучшению оперативной обстановки в учреждениях УИС, а осложнение последней вызывает определенные изменения в криминологической характеристике.

2. В настоящее время на повышение криминогенности и криминализацию ИУ основное влияние оказывает комплекс детерминантов, которые по отношению к указанным учреждениям можно классифицировать на явления внешнего и внутреннего характера.

При этом к основным внешним явлениям и процессам относятся:

- участие граждан РФ в незаконных вооруженных формированиях на территории различных государств, а также иных видах международной экстремистской деятельности;
- миграционные процессы между Россией и странами с повышенной террористической и иной экстремистской активностью;

- радикализация населения, в процесс которой активно включены различные террористические организации;
- распространяющаяся популярность группировок экстремистской направленности, особенно в молодежной среде, к которым относятся различные неонацистские, антифашистские, «околофутбольные» и иные формирования, активно пропагандирующие жестокость и насилие;
- высокий уровень молодежной и несовершеннолетней преступности;
- определенное количество незарегистрированного огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ на территории государства.

К основным внутренним явлениям и процессам можно отнести:

- антисоциальную направленность лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы;
- существование в учреждениях УИС неформальных норм и традиций, во многом обуславливающих противоправное поведение осужденных, их объединение в группы отрицательной направленности и т. д.;
- высокий уровень лиц, осужденных к лишению свободы за насильственные преступления;
- переполненность некоторых учреждений, обусловленную в том числе ужесточением требований, предъявляемых к кандидатам, предоставляемых к досрочному освобождению;
- наращивание осужденными криминальных связей в учреждениях УИС, особенно радикальной направленности, приобретение дополнительных знаний, умений и навыков осуществления противоправной деятельности.

3. На основании анализа эмпирических данных можно выделить категорию осужденных, обладающих в современных условиях повышенной степенью криминальной активности, к которой относятся лица экстремистской направленности, особенно участники незаконных вооруженных формирований, террористических и иных экстремистских формирований, приверженцы идей исламских радикальных течений и др. Данная категория представляет серьезную угрозу для ИУ способностью

при определенных условиях дестабилизировать в них обстановку, а также оказать существенное влияние на состояние правопорядка в государстве.

Можно выделить следующие признаки, присущие таким осужденным:

- лица мужского пола в возрасте от 16 до 29 лет с ранним антисоциальным поведением, связанным с хулиганствами, драками;
- отсутствие привязанности к родственным связям;
- участники экстремистских, в том числе террористических, объединений, незаконных вооруженных формирований;
- лица, исповедующие радикальные религиозные взгляды;
- причастность к наемничеству, в том числе вербовке, обучению, финансированию и использованию наемников;
- стремление к участию в экстремистской деятельности.

Этой категории осужденных присуще пренебрежительное отношение к человеческой жизни и ее важнейшим ценностям, к различным социальным институтам и требованиям, нормативным предписаниям и своим правовым обязанностям, отождествление насилия с одним из наиболее приемлемых способов разрешения жизненных проблем, стремление самоутвердиться посредством психологического и физического подавления воли других людей. Среди основных негативных нравственно-психологическими качеств таких лиц выделяется завышенная самооценка, эгоизм, равнодушие, легкомыслие, безответственность, жестокость, агрессивность, безжалостность, цинизм, грубость, ненависть.

Кроме того, особое внимание следует уделить лицам, перешедшим в исламскую веру из других религиозных конфессий, что может свидетельствовать об их причастности (в том числе косвенно на первоначальном этапе) к экстремистской деятельности. При этом основными признаками, указывающими на осужденных, исповедующих радикальные религиозные взгляды, могут являться: хранение или попытка доставки в ИУ литературы религиозно-экстремистского содержания; отсутствие веротерпимости (в том числе проявляемое в скрытой форме) к сторонникам иных религиозных взглядов; навязывание своих

идей другим осужденным; представление насилия в качестве действенного способа разрешения возникающих проблем.

Указанные сведения могут использоваться в качестве своеобразных «маркеров» при организации оперативного и иного контроля над лицами, вовлеченными в противоправную деятельность, сотрудниками подразделений УИС и иных правоохранительных органов.

4. Для предотвращения влияния таких осужденных на состояние оперативной обстановки и правопорядка в ИУ требуется организация действенной системы обмена информацией об этих лицах как между подразделениями УИС, так и иными правоохранительными органами. Важным является и своевременное информирование о них всего личного состава ИУ, а не только сотрудников оперативных подразделений. Представляется, что только на основе всестороннего анализа такой информации может быть произведена выработка и осуществлена реализация наиболее оптимальных и действенных мер исправительно-воздействия в отношении таких осужденных, а также сформирована эффективная система профилактических мероприятий, направленных на предупреждение в ИУ противоправных деяний.

§ 5.3. Криминопеналогические аспекты эффективности исполнения, отбывания уголовного наказания в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения

Институт эффективности уголовного наказания является одним из самых дискуссионных и многоаспектных. В течение ряда лет уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные проблемы эффективности применения, отбывания уголовного наказания и отдельных его видов в той или иной мере являлись предметом исследования как в диссертациях на соискание ученой степени кандидата юридических наук, так и в докторских диссертациях, а также в различных монографиче-

ских и учебных изданиях. Особый вклад в разработку концептуальных, межотраслевых, частных представлений об эффективности уголовного наказания и отдельных его видов внесли ученые-юристы: Б. С. Бикситова (Эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы: по материалам Оренбургской области. Бишкек, 2006), С. Ю. Бытко (Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты. Саратов, 2018), Г. А. Груничева (Эффективность наказания в виде лишения свободы. М., 2004), Д. М. Нартымов (Проблемы повышения эффективности наказания. Нижний Новгород, 2010), В. А. Никонов (Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания: теоретико-методологическое исследование. Тюмень, 1994), П. Г. Пономарев (Эффективность правовых норм, регулирующих применение основных средств исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы. М., 1990), Ф. Р. Сундуров (Проблемы эффективности исполнения лишения свободы в отношении рецидивистов: правовые и социально-психологические аспекты. М., 1980), И. В. Шмаров (Основные проблемы изучения и повышения эффективности деятельности исправительно-трудовых учреждений. М., 1969), Э. Н. Яхшибекян (Эффективность исполнения, отбывания наказания в виде обязательных работ. М., 2012) и др.

Вместе с тем многие уголовно-исполнительные и криминопеналогические проблемы эффективности уголовного наказания все еще остаются неисследованными или спорными, требующими комплексной монографической разработки. Указанное положение в полной мере относится к исследованиям, касающимся эффективности исполнения, отбывания уголовного наказания в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения (далее для краткости – экстремальные условия). Заметим лишь, что в настоящее время некоторые аспекты обозначенной проблемы получили отражение в двух изданиях известной монографии¹.

¹ См.: Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : моно-

Кратко обозначим ряд криминопенологических аспектов, касающихся эффективности исполнения, отбывания уголовного наказания в экстремальных условиях. Прежде всего, проанализируем криминопенологический подход к определению эффективности исполнения, отбывания уголовного наказания и отдельных его видов в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения.

В настоящее время в различных источниках эффективность уголовного наказания и отдельных его видов понимается различно.

В русском языке слово «эффект» понимается как «действие, как результат чего-н., следствие чего-н.»¹. В современном словаре иностранных слов указывается, что слово «эффективный» (лат. *effectivus* = производительный) – приводящий к необходимым результатам, действенный»².

Профессор О. В. Старков рассматривал эффективность того или иного вида уголовного наказания как составной элемент его криминопенологических параметров. Он утверждал, что «криминопенологические параметры лишения свободы, как и любого другого наказания, складываются, по меньшей мере, из четырех аспектов, а именно: А) его места в системе наказаний; Б) функций этого типа наказания; В) характеристики состава осужденных к данному типу наказания, прежде всего с точки

графья / под общ. ред. А. А. Крымова ; науч. ред. А. П. Скибы. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. 80 с.; Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / Д. В. Горбань, Ф. В. Грушин, И. А. Давыдова и др.; под общ. ред. А. А. Крымова ; под науч. ред. А. П. Скибы ; Акад. права и управления Фед. службы исполнения наказаний ; журнал «Российский криминологический взгляд». 2-е изд., исправл. и доп. М. : Криминологическая библиотека, 2018. 296 с. (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М. : Азбуковник, 1998. С. 914.

² Булыко А. Н. Современный словарь иностранных слов. Более 25 тысяч слов и словосочетаний. М. : Мартин, 2004. С. 842.

зрения направленности их мотивации; Г) эффективности лишения свободы»¹. Анализируя эффективность лишения свободы, он полагал, «что ее показатели в отличие от критериев могут определяться, прежде всего, исходя из того, что можно измерить и сопоставить между собой: 1) правонарушаемость в период лишения свободы; 2) общая характеристика степени исправления; 3) преступность во время лишения свободы; 4) постпенитенциарная преступность»². Эффективность наказаний без лишения и ограничения свободы предлагалось измерять, «по меньшей мере, при помощи трех показателей: а) коэффициента замены наказания более строгим; б) преступности в период исполнения наказания; в) постпенальной преступности»³.

В целом, поддерживая идею профессора О. В. Старкова об эффективности уголовного наказания как составном элементе криминопенологических параметров того или иного вида уголовного наказания, заметим, что как критерии, так и показатели эффективности должны рассматриваться в трех уровнях: 1) назначения; 2) исполнения; 3) отбывания. Проблемы эффективности назначения уголовного наказания в данной статье не рассматриваются, поскольку выходят за рамки исследуемой нами темы и подлежат дополнительному исследованию.

Кроме того, представленный О. В. Старковым перечень показателей следует дополнить еще одним: характеристика проведенных предупредительных мер, форм, оснований их применения и соответствующее участие в них заинтересованных субъектов в экстремальных условиях.

В соответствии со ст. 17 Федерального закона РФ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ, профилактическое воздействие может осуществляться в следующих формах:

- 1) правовое просвещение и правовое информирование;

¹ Старков О. В. Криминопенология : учеб. пособие. М. : Издательство «Экзамен», 2004. С. 139.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 202.

- 2) профилактическая беседа;
- 3) объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения;
- 4) профилактический учет;
- 5) внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения;
- 6) профилактический надзор;
- 7) социальная адаптация;
- 8) ресоциализация;
- 9) социальная реабилитация;
- 10) помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

В ч. 2 рассматриваемой статьи уточняется, что профилактику правонарушений в формах профилактического воздействия, предусмотренных п. п. 2–6 ч. 1 настоящей статьи, в пределах установленной компетенции вправе осуществлять должностные лица органов уголовно-исполнительной системы, если такое право им предоставлено законодательством Российской Федерации.

Возникает ряд вопросов.

Во-первых, почему законодатель посчитал, что Федеральная служба исполнения наказаний России (далее – ФСИН) не занимается правовым просвещением и правовым информированием? Хотя это не так. Федеральная служба исполнения наказаний и практически большинство учебных учреждений ФСИН являются учредителями ряда изданий, которые, несомненно, занимаются правовым просвещением и правовым информированием. Не говоря уже о массе различного рода печатных и электронных изданий, опубликованных под эгидой ФСИН.

Во-вторых, законодатель не относит п. п. 7–10 к деятельности ФСИН, что отчасти противоречит ряду федеральных и ведомственных актов. Так, например в Уголовно-исполнительном кодексе РФ закреплена глава 32 «Помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, и контроль за ними». А в ч. 2 ст. 24 самого 182-ФЗ указывается, что меры по соци-

альной адаптации применяются в соответствии с законодательством Российской Федерации в отношении следующих категорий лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации:

- 1) безнадзорные и беспризорные несовершеннолетние;
- 2) лица, отбывающие уголовное наказание, не связанное с лишением свободы;
- 3) лица, занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством;
- 4) несовершеннолетние, подвергнутые принудительным мерам воспитательного воздействия;
- 5) лица без определенного места жительства;
- 6) другие категории лиц, предусмотренные законодательством Российской Федерации, в том числе лица, прошедшие курс лечения от наркомании, алкоголизма и токсикомании и реабилитацию, а также лица, не способные самостоятельно обеспечить свою безопасность с их согласия.

В-третьих, почему среди перечисленных форм нет административного надзора? И как административный надзор соотносится с профилактическим надзором и т. д.?

Заметим, что институт административного надзора был введен Федеральным законом РФ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 06.04.2011 № 64-ФЗ.

Следует согласиться с В. Н. Орловым, что «указанный законодательный перечень форм профилактического воздействия не является идеальным. Бесспорно, его следовало бы дополнить. В частности, в ч. 1 ст. 17 ФЗ РФ № 182 надлежит дополнительно ввести пункты:

- а) 2.1) Криминологическая экспертиза;
- б) 5.1) Предупредительный контроль»¹.

Явные пробелы и противоречия действующего Федерального закона РФ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ требуют внесения в него соответствующих изменений и дополнений.

¹ Орлов В. Н. Криминологическое право : учебник. М., 2019.

Нельзя также не отметить, что законодательство ряда субъектов Российской Федерации предусматривает и иные меры профилактического воздействия.

Так, согласно ст. 17 «Дополнительные меры, направленные на реализацию основных направлений профилактики правонарушений» Областного закона Ростовской области от 29.12.2016 № 933-ЗС «О профилактике правонарушений на территории Ростовской области» (принят ЗС РО 22.12.2016), которая гласит, что в целях реализации основных направлений профилактики правонарушений, установленных Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», органами государственной власти Ростовской области применяются следующие дополнительные меры:

1) определение приоритетных направлений профилактики правонарушений на территории Ростовской области;

2) формирование общественного мнения, направленного на недопустимость совершения правонарушений;

3) формирование и развитие государственной системы бесплатной юридической помощи, а также содействие развитию негосударственной системы бесплатной юридической помощи в соответствии с Областным законом от 24 декабря 2012 года № 1017-ЗС «О бесплатной юридической помощи в Ростовской области»;

4) стимулирование участия граждан Российской Федерации, в том числе из числа членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, в охране общественного порядка на территории Ростовской области в соответствии с Областным законом от 8 июля 2014 года № 184-ЗС «Об участии граждан в охране общественного порядка на территории Ростовской области»;

5) поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере профилактики правонарушений, в соответствии с Областным законом от 11 ноября 2010 года № 492-ЗС «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Ростовской области»;

- 6) организация обмена опытом профилактической работы;
- 7) осуществление сбора, хранения и анализа информации в сфере профилактики правонарушений;
- 8) организация проведения исследований проблем профилактики правонарушений¹.

Похожие меры предусматриваются и в ст. 4 «Дополнительные меры, направленные на реализацию основных направлений профилактики правонарушений в Ленинградской области» Областного закона Ленинградской области от 20.03.2018 № 26-оз «Об отдельных вопросах в сфере профилактики правонарушений в Ленинградской области» (принят ЗС ЛО 28.02.2018), в которой указывается, что в целях реализации основных направлений профилактики правонарушений, установленных Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», органами государственной власти Ленинградской области принимаются следующие дополнительные меры:

- 1) определение приоритетных направлений профилактики правонарушений;
- 2) способствование формированию общественного мнения, направленного на недопустимость совершения правонарушений;
- 3) формирование и развитие государственной системы бесплатной юридической помощи, а также содействие развитию негосударственной системы бесплатной юридической помощи в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», областным законом от 18 апреля 2012 года № 29-оз «О гарантиях реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи на территории Ленинградской области» и иными нормативными правовыми актами Ленинградской области;
- 4) поддержка участия граждан, в том числе из числа членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и их объединений в

¹ См.: О профилактике правонарушений на территории Ростовской области : областной закон Ростовской области от 29.12.2016 № 933-ЗС (принят ЗС РО 22.12.2016). URL: <http://www.consultant.ru/>

охране общественного порядка и поиске лиц, пропавших без вести, на территории Ленинградской области в соответствии с областным законом от 15 апреля 2015 года № 38-оз «Об участии граждан в охране общественного порядка на территории Ленинградской области» и иными нормативными правовыми актами Ленинградской области;

5) поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере профилактики правонарушений, в соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами Российской Федерации, областным законом от 29 июня 2012 года № 52-оз «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Ленинградской области» и иными нормативными правовыми актами Ленинградской области;

6) осуществление сбора, хранения и анализа информации в сфере профилактики правонарушений, организация обмена опытом профилактической работы;

7) организация проведения научных исследований проблем профилактики правонарушений;

8) проведение работы по повышению квалификации специалистов в сфере профилактики правонарушений¹.

Нельзя не отметить, что в настоящее время испытывается острая потребность в специальном исследовании криминологического законодательства субъектов Российской Федерации. Отдельные аспекты применения криминологического законодательства отражаются в работах В. Н. Орлова, А. В. Петровского, Д. А. Шестакова и др.

Э. Н. Яхшибекян под эффективностью исполнения, отбывания наказания в виде обязательных работ понимает «дости-

¹ См.: Об отдельных вопросах в сфере профилактики правонарушений в Ленинградской области : областной закон Ленинградской области от 20.03.2018 № 26-оз (принят ЗС ЛО 28.02.2018). URL: <http://www.consultant.ru/>

жение поставленных перед обязательными работами целей в процессе их исполнения, отбывания посредством оптимального взаимодействия объективных (объект, объективная сторона) и субъективных (субъект, субъективная сторона) элементов с ограниченными затратами времени, материальных и иных средств, а также при условии адекватности уголовно-исполнительного законодательства современным реалиям жизни общества»¹.

Отчасти соглашаясь с Э. Н. Яхшибекяном, заметим, что исследование только поставленных целей позволяет проанализировать эффективность лишь частично или рассмотреть ее в узком смысле, т. е. такой подход следует считать ограниченным. Кстати, на необходимость исследования достижения поставленных целей уголовного наказания при анализе его эффективности указывали и другие авторы.

Традиционно теоретики-пенологи под целями уголовного наказания понимают конечные фактические результаты, которые стремится достичь государство, устанавливая уголовную ответственность, осуждая виновного в совершении преступлений к той или другой мере уголовного наказания и применяя эту меру².

В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Часть 1 ст. 1 УИК РФ гласит, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Представляется, что наиболее верным будет комплексный или расширенный подход. Анализ эффективности исполнения,

¹ Яхшибекян Э. Н. Эффективность исполнения, отбывания наказания в виде обязательных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 7–8.

² См.: Шаргородский М. Д. Понятие и цели наказания // Курс советского уголовного права. Т. 2 (Часть Общая) / Н. А. Беляев, Н. П. Грабовская, С. А. Домахин и др. ; отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1970. Гл. 9. С. 201.

отбывания уголовного наказания в широком смысле должен включать в себя не только исследование поставленных целей, но и понимание достигнутых задач, осознание реализованных функций уголовного наказания и элементов правового положения субъектов исполнения и отбывания уголовного наказания. В юридической литературе ряд ученых указывают на четыре элемента правового положения осужденных: обязанности, права, законные интересы и правовые ограничения¹.

В отличие от целей уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) законодатель не определяет задачи и функции уголовного наказания. Вместе с тем в ч. 2 ст. 1 УИК РФ указывается, что задачами уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации являются регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации.

В русском языке слово «задача» означает то, что требует исполнения, разрешения². В энциклопедической литературе термин «функция» (лат. function – исполнение, отправление, деятельность) определяется как обязанность, круг деятельности, работа³.

Рассматривая эффективность исполнения, отбывания уголовного наказания и отдельных его видов в условиях стихийно-

¹ См.: Кашуба Ю. А. Правовое положение осужденных // Российский курс уголовно-исполнительного права. В 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник / Е. А. Антонян, Ю. М. Антонян, С. А. Борсученко и др. ; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2012. Гл. 14. С. 618; Скиба А. П. Теоретико-нормативные основы правового положения осужденных // Курс уголовно-исполнительного права. В 3 т. Т. 1. Общая часть : учебник / Ю. М. Антонян, С. Л. Бабаян, С. В. Бошно и др. ; под общ. ред. Г. А. Корниенко ; под науч. ред. А. В. Быкова. М., 2017. Гл. 7. Пар. 7.3. С. 234.

² См.: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. URL : <http://ozhegov-online.ru/slovar-ozhegova/zadacha/8651/>

³ См.: Краткая философская энциклопедия. М. : Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. С. 498; Булыко А. Н. Современный словарь иностранных слов. Более 25 тысяч слов и словосочетаний. М. : «Мартин», 2004. С. 764.

го бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, заметим, что здесь ситуация особая. Наряду с уже известными целями, задачами, функциями и элементами правового положения должны появиться новые, а ранее обозначенные могут достигаться лишь частично или их реализация может быть отсрочена, рассрочена на определенный период.

Справедливо отмечается в юридической литературе, что «в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, ставящего под угрозу государственность, цели уголовного наказания должны быть подчинены противодействию появившимся угрозам. При этом следует помнить, что цели, возникающие в период таких особых условий, преобладают над иными целями, в том числе достигаемыми при применении уголовных наказаний в «обычное» время. Однако полный отказ от последних также не представляется допустимым; в данном случае возможна и необходима только их корректировка на определенный промежуток времени действия чрезвычайного или военного положений. Такой подход позволит соблюсти требования уголовного законодательства в рассматриваемых особых условиях»¹.

Таким образом, под эффективностью исполнения, отбывания уголовного наказания и отдельных его видов в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения как составного элемента криминопеналогических параметров следует понимать реализацию элементов правового положения соответствующих субъектов, достижение поставленных перед уголовным наказанием и отдельными его видами функций, задач и целей в процессе их исполнения, отбывания

¹Звонов А. В. Теоретики-методологические основы модели уголовного наказания в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения // Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / Д. В. Горбань, Ф. В. Грушин, И. А. Давыдова и др. ; под общ. ред. А. А. Крымова ; под науч. ред. А. П. Скибы ; Акад. права и управления Фед. службы исполнения наказаний ; журнал «Российский криминологический взгляд». 2-е изд., исправл. и доп. М. : Криминологическая библиотека, 2018. Гл. 2. § 2.1. С. 76–77.

на определенной территории и за определенный период времени при условии целесообразного использования материальных и иных средств, применения уголовно-исполнительного законодательства в соответствии с современными требованиями, реалиями жизни общества в экстремальных условиях через призму причинности, предупреждения преступного, криминального-виктимного поведения, преступности и криминальной виктимности.

К основным показателям эффективности исполнения, отбывания уголовного наказания и отдельных его видов в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения как составного элемента криминологических параметров, т. е. то, что можно измерить, относятся:

1) правонарушаемость в процессе исполнения, отбывания уголовного наказания в экстремальных условиях, в том числе общая характеристика правонарушений, а также иных фактов антиобщественного поведения в процессе реализации элементов правового положения субъекта исполнения, отбывания уголовного наказания, функций уголовного наказания, достижения поставленных задач и целей уголовного наказания в экстремальных условиях;

2) коэффициент замены в экстремальных условиях конкретного наказания более строгим;

3) общая характеристика степени исправления осужденного в процессе отбывания уголовного наказания в экстремальных условиях;

4) характеристика проведенных предупредительных мер, форм, оснований их применения и соответствующее участие в них заинтересованных субъектов в экстремальных условиях;

5) преступность в процессе исполнения, отбывания уголовного наказания в экстремальных условиях;

6) постпенальная преступность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время отсутствует уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения и только отдельные нормы касаются различных аспектов исполнения уголовных наказаний в указанных экстремальных условиях. Так, в УИК РФ и других нормативных правовых актах в сфере исполнения уголовных наказаний практически отсутствуют нормы, касающиеся особенностей осуществления уголовно-исполнительной деятельности в чрезвычайное или военное время, за исключением ст. 85 УИК РФ, посвященной режиму особых условий в ИУ (хотя и это положение распространяется исключительно на исполнение лишения свободы, но не других уголовных наказаний, как связанных с изоляцией осужденного от общества, так и без этого).

Между тем на международном уровне предусмотрено, что все нормы, регулирующие чрезвычайное положение, должны быть закреплены в национальном законодательстве заранее до объявления чрезвычайного положения, а различные ограничения прав лица должны быть предусмотрены в законе. При этом в ряде государств (Азербайджане, Армении, Беларуси, Испании, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане, Франции и др.) некоторые из исследуемых аспектов регламентированы более подробно, чем в России, что возможно учитывать при совершенствовании отечественного законодательства.

В соответствии с ч. 5 ст. 7 ФКЗ «О военном положении» федеральные законы и иные нормативные правовые акты, регулирующие применение этих мер, могут быть приняты как в период действия военного положения, так и до его введения. Получается, что и по национальному законодательству еще до введения военного положения могут быть изданы нормативные правовые акты, закрепляющие особый порядок функционирования ИУ в рассматриваемый период, а также возможность введения соответствующих правоограничений, в том числе в отношении осужденных (особо в этой связи сле-

дует выделить граждан иностранного государства, воюющего с РФ). Возможно, разработка и издание подобных нормативных правовых актов позволят более эффективно одновременно достигать цели уголовно-исполнительного законодательства и цели введения военного положения.

В ФКЗ «О чрезвычайном положении» также ничего не говорится об особенностях исполнения уголовных наказаний в такой период. Однако в нем оговаривается, что в случае введения чрезвычайного положения может быть предусмотрено продление срока содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца (п. «ж» ст. 12), а сотрудники УИС могут привлекаться для обеспечения режима чрезвычайного положения (ст. ст. 16, 17 и др.). При этом по ст. 17 ФКЗ «О чрезвычайном положении» сотрудники УИС могут привлекаться к выполнению различных задач, в том числе: охране объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта, и объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей; участию в пресечении деятельности незаконных вооруженных формирований; участию в ликвидации чрезвычайных ситуаций и спасению жизни людей; и т. д.

Представляется, что нормы, касающиеся особенностей исполнения уголовных наказаний в чрезвычайное или военное время, по меньшей мере, в общих чертах должны быть закреплены на законодательном уровне (особенно в УИК РФ), хотя бы ввиду того, что существенно изменится правовое положение как осужденных, так и сотрудников администраций учреждений и органов, исполняющих наказания.

С учетом того, что основания введения чрезвычайного или военного положения отчасти схожи с внешними и внутренними военными опасностями, указанными в Военной доктрине РФ, режим особых условий в ИУ ориентирован, помимо прочего, на нейтрализацию отдельных внешних и внутренних военных опасностей, а подготовка уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычай-

ного или военного положения должна осуществляться и в контексте реализации Военной доктрины РФ. Да и в целом представляется, что уголовно-исполнительное законодательство должно быть в большей степени ориентированным на решение новых проблем, возникающих перед нашей страной.

В этом случае в «обычное» и «экстремальное» время цели уголовно-исполнительного законодательства, предусмотренные в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами – будут дополняться теми, для достижения которых вводится чрезвычайное или военное положение. Так, целями введения чрезвычайного положения являются устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя РФ (ст. 2 ФКЗ «О чрезвычайном положении»), а военного положения – создание условий для отражения или предотвращения агрессии против РФ (ч. 2 ст. 1 ФКЗ «О военном положении»).

Помимо прочего, также определены следующие выводы:

– следует рассмотреть вопрос о расширении в ст. 85 УИК РФ оснований введения режима особых условий в ИУ за счет: массовых или вооруженных побегов осужденных, захватов заложников, введения в районе дислокации ИУ режима контртеррористической операции, возникновения чрезвычайной ситуации техногенного или природного характера, эпидемии, эпизоотии, обширных очагов возгораний, крупных аварий систем жизнеобеспечения и др.;

– к числу учреждений, в которых может вводиться режим особых условий, целесообразно отнести исправительные центры и арестные дома (когда они будут созданы);

– в ст. 13 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы» возможно включить обязанность по поддержанию постоянной готовности учреждений УИС к выполнению задач в условиях чрезвычайных обстоятельств;

– требуется четко разграничить и определить в законодательстве такие понятия, как: режим военного положения, режим

чрезвычайного положения, режим стихийного бедствия, режим контртеррористической операции и др.;

– в экстремальных условиях логично применение дополнительных правоограничений к осужденным, в том числе путем их привлечения к выполнению работ для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановления поврежденных (разрушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, к участию в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями, а также мобилизации для проведения и обеспечения аварийно-спасательных и других неотложных работ. Эти правоограничения могут быть направлены не только на осуществление контроля за осужденными, но и на реализацию исправительного воздействия;

– нецелесообразно применение в экстремальных условиях ряда наказаний, в частности, ограничения свободы и штрафа. Для достижения целей введения военного и чрезвычайного положений следовало бы активно применять наказания, в основе которых использование труда осужденных, а также лишение свободы. И наоборот – отдельного рассмотрения требует вопрос о целесообразности в условиях военного положения применения наказания в виде смертной казни;

– отмечаем несколько проблем реализации досудебных форм уголовно-процессуальной деятельности при введении режима особых условий в ИУ: отсутствие штатных должностей дознавателей в УИС и сложности разграничения уголовно-процессуальной и оперативно-режимной деятельности ИУ; сложности осуществления уголовно-процессуальной деятельности в период действия режима особых условий ввиду наличия дополнительных факторов, в целом затрудняющих нормальное функционирование ИУ; недостаточность закрепления особенностей уголовно-процессуальной деятельности ИУ, в том числе в период действия режима особых условий; отсутствие четкого подхода к особенностям организации реализации досудебных форм уголовно-процессуальной деятельности при введении режима особых условий в ИУ.

Кроме того, исполнение уголовных наказаний без изоляции от общества (штрафа, обязательных работ, исправительных ра-

бот, ограничения свободы и пр.) будет затруднено ввиду особенностей действия военного и чрезвычайного положений, а также положений ФКЗ «О военном положении» и ФКЗ «О чрезвычайном положении». При этом в настоящее время уголовным и уголовно-исполнительным законодательством не предусмотрены порядок и особенности исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного положения или военного положения.

Считаем целесообразным закрепить институт приостановления отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в период стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения в случае невозможности их исполнения.

Для стимулирования правопослушного поведения осужденных без изоляции от общества возможно закрепить в законодательстве их право на условно-досрочное освобождение, а также привлекать их к различным работам по ликвидации последствий экстремальных ситуаций с зачетом этого периода времени в срок отбывания наказания.

Полагаем, что нормы уголовно-исполнительного законодательства военного времени – составной части уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, будут являться приоритетными по отношению к «обычному» военному законодательству, а при введении военного положения осужденным будут гарантироваться соответствующие права и свободы, предусмотренные законодательством военного времени, с изъятиями и ограничениями, установленными уголовно-исполнительным законодательством военного времени. Аналогичная ситуация – с разработкой уголовно-исполнительного законодательства при чрезвычайном положении.

При формировании уголовно-исполнительного законодательства военного времени следует учитывать необходимость изменения подавляющего большинства пенологических институтов, применяемых в мирное время. Так, при исполнении лишения свободы актуальным, помимо прочего, будет являться

системная корректировка правового положения (в частности, прав на личную безопасность, на поддержание связи с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств и др.) осужденных – граждан государства, осуществившего агрессию против РФ, и исправительно-профилактического воздействия в их отношении со стороны администрации ИУ (обеспечения изоляции, усиления режимного, включая оперативно-розыскного, обеспечения безопасности осужденных, особенно в ИУ в отношении граждан иностранных государств, и т. п.). Немаловажным здесь будет также являться обеспечение интернирования военнопленных.

В настоящее время актуальным видится решение проблемы в целом организации исполнения наказания (в первую очередь, лишения свободы), а также, в частности, предупреждения совершения новых преступлений и исправления лиц, осужденных за преступления террористического характера, в том числе совершенные вне территории России. Речь, например, может идти о российских гражданах, которые принимали участие в боевых действиях против российских войск на стороне террористических организаций в Сирии и других странах. С учетом того, что такие осужденные имеют навыки ведения боевых действий, прошли соответствующую психологическую и иную подготовку, категорически (и даже фанатично) настроены против нашей страны и ее правоохранительных органов (в том числе УИС), вряд ли можно говорить об эффективном достижении целей уголовно-исполнительного законодательства при применении «обычных» средств исправления. Возможно, в данном случае следует подумать о необходимости применения дополнительных исправительно-профилактических средств воздействия в отношении таких лиц вплоть до создания специальных ИУ для отбывания ими наказания (это также требует корректировки уголовно-исполнительного законодательства – *прим. авт.*).

Следует также пересмотреть имеющийся перечень видов освобождения осужденных от наказания, применяемый в мирное время. В настоящее время некоторые из них применяются вне контекста достижения целей уголовно-исполнительного законодательства, в связи с чем следует их перечень скорректиро-

вать с учетом возможности исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений, а также создания условий для отражения или предотвращения агрессии против РФ. В частности, логичным видится отказаться от безусловно-го освобождения осужденных от отбывания наказания в связи с тяжелой непсихической болезнью, что предусмотрено в ч. 2 ст. 81 УК РФ.

Формирование другой составной части уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения – уголовно-исполнительного законодательства в чрезвычайное время – также требует изменения ряда пенитенциарных институтов, применяемых в «обычное» время.

Однако здесь следует всесторонне учитывать особенности оснований введения чрезвычайного положения. С одной стороны, при массовых беспорядках, межнациональных и межконфессиональных конфликтах и т. п. следует обратить внимание на необходимость корректировки правового положения осужденных и сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказание, особенно для изоляции наиболее активных участников-осужденных и усиления режима их содержания, безопасного перевода в другие ИУ, как вышеуказанную категорию, так и основную массу осужденных, разделения осужденных по принципу принятия (не-) участия в данных противоправных действиях, при проведении оперативно-розыскной деятельности на территории ИУ и за его пределами и т. д. С другой стороны, при наступлении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, чрезвычайных экологических ситуаций и т. п. актуальным видится введение межотраслевого института в виде приостановления исполнения как лишения свободы, так и иных наказаний, а также создание надлежащей правовой основы по стимулированию привлечения осужденных к участию в ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Уголовно-исполнительное законодательство в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения может быть закреплено в третьем томе, являющемся отдельной Специальной частью УИК РФ (название услов-

ное). Возможно, данная Специальная часть УИК РФ должна также содержать Общую и Особенную части, в которых будут регулироваться:

– в Общей части: цели уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения; особенности уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения; действие уголовно-исполнительного законодательства военного времени в отношении осужденных и военнопленных; особенности правового положения осужденных; общая специфика деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, и контроля за их деятельностью в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения; и т. п.;

– в Особенной части: дополнительные особенности исполнения и отбывания наказаний, во-первых – в период действия военного положения, во-вторых – в период действия чрезвычайного положения и, в-третьих – в случаях стихийного бедствия.

Безусловно, разработка уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения потребует дальнейшего исследования различных нормативных правовых актов, в частности УИК РФ, ФКЗ «О военном положении», ФКЗ «О чрезвычайном положении» и Военной доктрины РФ, а также издания новых и корректировки уже имеющихся иных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы исполнения уголовных наказаний.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Порядок рецензирования статей и материалов в журнале «Российский криминологический взгляд»

Уважаемые авторы!

Редакция журнала установила следующий порядок
рецензирования статей

1. Статьи аспирантов, соискателей, адъюнктов и иных лиц, не имеющих ученой степени, от вузов (без соавторства с кандидатами и докторами наук), с которыми у редакции журнала *имеются договорные отношения*, проходят рецензирование (осуществляется руководителями отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук) на основании: 1) решения (рекомендации) редакционного совета вуза либо ученого совета (совета) юридического факультета вуза; 2) письменного отзыва (рецензии), подготовленного доктором наук, работающим с автором в одном регионе (или вузе) и не являющимся его научным руководителем (консультантом). Статьи кандидатов, докторов наук (в том числе в соавторстве с аспирантами, соискателями, адъюнктами и иными лицами, не имеющими ученой степени) от вузов, с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения, поступают только на основании решения (рекомендации) редакционного совета вуза либо ученого совета (совета) юридического факультета вуза.
2. Статьи аспирантов, соискателей, адъюнктов и иных лиц, не имеющих ученой степени, а также кандидатов и докторов наук, поступающие в редакцию *в инициативном порядке*, принимаются к опубликованию по итогам рецензирования (осуществляется руководителями отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук). Статьи аспирантов, соискателей, адъюнктов и иных лиц,

не имеющих ученой степени (без соавторства с кандидатами и докторами наук), направивших свои рукописи в инициативном порядке, принимаются для рецензирования руководителями отделов на основании: 1) решения (рекомендации) редакционного совета вуза либо ученого совета (совета) юридического факультета вуза по месту их обучения; 2) письменного отзыва (рецензии) доктора наук, работающего с автором в одном регионе (или вузе) и не являющегося его научным руководителем (консультантом). Статьи кандидатов наук (в том числе в соавторстве с аспирантами, соискателями, адъюнктами и иными лицами, не имеющими ученой степени) принимаются для рецензирования, как правило, на основании письменного отзыва (рецензии) доктора наук, работающего с автором в одном регионе (или вузе). Статьи докторов наук (в том числе в соавторстве с аспирантами, соискателями, адъюнктами, иными лицами, не имеющими ученой степени, и кандидатами наук) принимаются для рецензирования руководителями отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук без каких-либо решений (рекомендаций) и отзывов (рецензий).

3. Статьи авторов, поступившие в редакцию для рецензирования, проходят обсуждение на заседании редколлегии журнала, на которое выносятся рецензии не менее 2 членов редколлегии (1 письменная и 1 устная), являющихся специалистами в данной области. Ответственность за своевременное рецензирование статей несут руководители отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук или области исследования. В составе редколлегии в настоящее время функционируют отделы (их состав может меняться):

1. Обращение к читателю.
2. Обращение к редакции.
3. Обращение к Президенту России.
4. Поздравления.
5. Юбилеи.

6. По следам юбилея.
7. События.
8. Персоналии.
9. Мнения.
10. Идеи.
11. Цитата.
12. Факты.
13. Интервью.
14. Союз криминалистов и криминологов.
15. Московский клуб криминологов.
16. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб.
17. Российский конгресс уголовного права.
18. Трибуна кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).
19. Трибуна кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
20. Трибуна кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации.
21. Трибуна кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.
22. Научная школа профессора Якова Ильича Гилинского.
23. Научная школа профессора Альфреда Эрнестовича Жалинского.
24. Научная школа профессора Льва Леонидовича Кругликова.
25. Научная школа профессора Александра Павловича Кузнецова.
26. Научная школа профессора Нинель Федоровны Кузнецовой.

27. Научная школа профессора Семена Яковлевича Лебедева.
28. Научная школа профессора Анатолия Валентиновича Наумова.
29. Научная школа профессора Эдуарда Филипповича Побегайло.
30. Научная школа профессора Алексея Ивановича Рарога.
31. Научная школа профессора Юрия Ильича Скуратова.
32. Научная школа профессора Юрия Матвеевича Ткачевского.
33. Научная школа профессора Дмитрия Анатольевича Шестакова.
34. Научная школа профессора Владимира Евгеньевича Эминова.
35. Находка библиофила.
36. История криминологии в оригинале.
37. Криминологическое наследие русского зарубежья.
38. Теория и история криминологии и права.
39. Теория криминологии и права.
40. История и теория криминологии.
41. Кандидатская – на уровне докторской.
42. Направления криминологии в докторских диссертациях.
43. Криминологические рукописи в издании.
44. Авторефераты кандидатов наук в издании.
45. Династия в науке.
46. Профессорская лекция.
47. Неклассическая криминология.
48. Криминотеология.
49. Криминоглобалистика.
50. Криминофамилистика.
51. Криминоювенология.
52. Криминопенология.
53. Криминовиоленсология.

54. Киберкриминология.
55. Этнокриминология.
56. Наркокриминология.
57. Виктимология.
58. Экокриминология.
59. Криминоэнергетика.
60. Криминомилитарология.
61. Криминокультурология.
62. Криминосексология.
63. Политическая криминология.
64. Экономическая криминология.
65. Гендерная криминология.
66. Паракриминология.
67. Криминология преступного профессионализма.
68. Мафиология.
69. Демографическая криминология.
70. Криминологический взгляд криминалиста.
71. Криминологический взгляд процессуалиста.
72. Криминологический взгляд филолога.
73. Криминологический взгляд экономиста.
74. Криминологический взгляд музыканта.
75. Криминальная аксиология.
76. Криминальная психология.
77. Криминологическая педагогика.
78. Управленческая криминология.
79. Криминология и судебная власть.
80. Криминология и исполнительная власть.
81. Криминологическое законодательство.
82. Криминологический комментарий.
83. Сравнительная криминология.
84. Криминологический университет.
85. Зарубежная криминология.
86. Криминологический практикум.
87. Криминологическая статистика.
88. Криминологические афоризмы.
89. Взгляд молодого криминолога.

90. Трибуна юного юриста.
 91. Криминология латынью.
 92. Криминологическая библиотека.
 93. Тесты.
 94. Криминологическая библиография.
 95. Критическая криминология.
 96. Криминологический портал.
 97. Художественный опыт криминолога.
 98. Некрологи.
 99. Информация об авторах.
 100. Аннотации, ключевые слова, типы публикаций и пристатейные библиографические списки.
 101. К сведению авторов.
4. Статья считается принятой к публикации не только при наличии положительных рецензий, но и отрицательных в том случае, если ее поддержало большинство членов редколлегии, работающих в той же области наук или сфере исследования, что и автор статьи. Редакция имеет право пригласить автора на свое заседание для уточнения актуальности, научной новизны представленного для опубликования материала, а также для определения позиции автора, аргументации его выводов по указанной в статье проблеме. Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.
 5. Рецензии на рукописи статей, подготовленные членами редколлегии, направляются далее для ознакомления представителям вузов и авторам по их запросу. В случае отклонения статьи от публикации в журнале представителю вуза и автору по их запросу направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

Редакция журнала

Условия и требования к опубликованию в журнале «Российский криминологический взгляд»

Принимая во внимание тот факт, что до настоящего времени в журнале печатались в основном работы докторов наук или статьи кандидатов наук, написанные на уровне докторской, подобные требования сохраняются ко всем поступающим к нам работам аспирантов, адъюнктов, соискателей, докторантов, а именно:

1) представляемые работы аспирантов, адъюнктов, соискателей должны быть в пределах 0,24 п. л.; докторантов – 0,48 п. л.;

2) любая предлагаемая для опубликования работа должна соответствовать уровню нашего, докторского журнала, в противном случае она будет отклонена, то есть прежде всего претендующий если и не на совсем новое направление в криминологии или праве (это требование сохраняется в полной мере к докторантам), то, во всяком случае, на его существенное развитие, должен в своей работе представить исключительно авторские новаторские идеи, а не только перечислить существующие точки зрения и позиции;

3) как и ранее, будет приниматься работа по любой отрасли права и любой науке, но она должна отвечать некоторым требованиям, поскольку журнал был, есть и остается криминологическим:

а) исследование в той или иной отрасли права должно содержать криминологическую экспертизу предлагаемых новаций, а именно – ответить, по меньшей мере, на несколько из следующих вопросов: I) есть ли конкуренция между предлагаемыми вами нормами права и действующими, противоречия как внутри одной отрасли права, так и между отраслями, содействующие совершению правонарушений и в особенности преступлений, как наиболее опасной и вредоносной формы их проявления; II) как предлагаемый вами проект нормативного акта повлияет на динамику преступности и правонарушаемости, вызовет ее рост или снижение; рост одних типов преступности и снижение других ее типов и т. п.; III) в каком аспекте ваша правовая

новелла может повлиять на выявление латентности преступности и правонарушений и уяснение действительной картины преступлений; IV) как повлияет та или иная предлагаемая вами норма права на совершение преступлений, на движение преступного поведения, будет способствовать его движению к преступлению, препятствовать этому или хотя бы будет нейтральной; V) играет ли разработанная вами норма права профилактическую функцию, т. е. образует ли один из аспектов правовых основ предупреждения преступлений или правонарушений того или иного вида; VI) содействует или препятствует предлагаемая вами норма права раскрываемости преступлений и правонарушений; VII) каков криминологический потенциал разработанной вами нормы права, т. е. ее перспективы на настоящий момент, ближайшее и отдаленное будущее;

б) если претендующий на публикацию в области права не может осуществить криминологическую экспертизу той или иной предлагаемой нормы, то при наличии желания в равной мере необходимо сделать выводы относительно того раздела теории права, где раскрывается деликтология, а именно: количественно-качественные показатели изучаемой вами правонарушаемости с точки зрения правовой статистики; состав выбранного вами в качестве объекта исследования правонарушения, деликта или/и состав санкции; причины и условия деликтов как на общесоциальном уровне (правонарушаемости), так и на личностно-микросредовом, индивидуальном (правонарушение, деликт в той или иной области права); личность правонарушителя; профилактика (предупреждение), предотвращение, пресечение правонарушений;

с) или/и в равной мере предлагаемая вами для опубликования статья должна содержать результаты проведенного вами юридического исследования, а именно: обобщенные результаты деятельности мировых, федеральных судей, арбитражных и третейских судов, Конституционного Суда РФ и субъектов Федерации или итоги гражданского, уголовного, административного, дисциплинарного, конституционного процесса, или какие-либо результаты любой юридической, правоприменительной деятельности.

Объем статьи доктора наук, как правило, не должен быть более 1 п. л. Авторам, преимущественно докторам наук, которым статьи редакцией журнала были заказаны, гонорар начисляется в случае, если автор сообщает номер своего паспорта, год, месяц, число рождения, адрес регистрации (прописки) с почтовым индексом, ИНН.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение ее в Интернете на тех сайтах, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение (договор).

Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов.

Статья, представленная редакции журнала, не будет принята к рассмотрению, если: 1) она опубликована или направлена в другие издания; 2) ее автор не указал свои анкетные данные: фамилию, имя, отчество (полностью, а не инициалы), должность, ученую степень, звание, почетное звание, членство в общероссийских организациях, телефон, e-mail; 3) ее текст, аннотация к статье, библиография и сноски не оформлены в соответствии со следующими стандартами: ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», введенный в действие непосредственно в качестве государственного стандарта Российской Федерации с 1 июля 2004 г. постановлением Государственного комитета Российской Федерации по стандартизации и метрологии от 25 ноября 2003 г. № 332-ст; ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», утвержденный и введенный в действие приказом Федерального агентства

по техническому регулированию и метрологии от 28 апреля 2008 г. № 95-ст; 4) не соблюдены следующие параметры: размер бумаги – А4 (210×297 мм); поля: верхнее, нижнее – 20 мм, левое – 30 мм, правое – 10 мм; шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочное расстояние – полуторное; абзацный отступ – 1,25; формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы нумеруются сверху (Таблица 1 – Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 – Название) и выполняются в графическом редакторе; ссылки на источники и литературу выполняются внизу страницы, нумерация автоматическая продолженная.

Редакция журнала примет любые пожелания по совершенствованию ее деятельности. Вместе с тем в переписку вступать мы не имеем возможности, как и возвращать рукописи и дискеты (диски) как опубликованных, так и неопубликованных материалов. Однако возникающие вопросы можно разрешать путем телефонных переговоров или электронной переписки, желательно с вашими научными руководителями или консультантами.

Материалы, предлагаемые к опубликованию, предложения и замечания следует направлять: 1) в электронном виде на сайте <http://criminology.ru> в рубрике «Отправить статью в журнал РКВ»; 2) в печатном или рукописном виде Владиславу Николаевичу Орлову по почтовому адресу: 121357, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 65, кв. 9.

Публикация материалов авторов, которые приобрели номер журнала «Российский криминологический взгляд» на сайте <http://criminology.ru> в разделе «Криминологическая библиотека», является приоритетной.

О том, будет ли опубликована его статья, автор может узнать:

– на сайте <http://criminology.ru> в разделе «Отследить статью в журнале РКВ»;

– по тел.: (499) 445-90-16; 8-915-051-16-15 – главный редактор Владислав Николаевич Орлов.

Редакция журнала

**Список трудов, опубликованных
в серии «Библиотека журнала
«Российский криминологический взгляд»» в 2008–2019 гг.**

1. Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: по состоянию на 1 сент. 2008 г. : учебное пособие / Е. А. Антонян, А. Я. Гришко, Г. С. Досаева и др. ; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М. : Илекса, 2008. – 876 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
2. Российское уголовное право : в 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник / под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Э. Ф. Побегайло. – М. : Илекса, 2008. – 736 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
3. Российское уголовное право : в 2 т. Т. 2. Особенная часть : учебник / под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Э. Ф. Побегайло. – М. : Илекса, 2008. – 752 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
4. Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: по состоянию на 1 сент. 2009 г. : учебное пособие / Е. А. Антонян, А. Я. Гришко, М. П. Журавлев и др. ; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Илекса, 2009. – 944 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
5. Постатейный учебный комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (по состоянию на 1 ноября 2010 г.) : учебное пособие / Н. В. Бельгарова, В. В. Ганночка, Д. В. Гуров и др. ; под ред. А. Г. Маркушина. – М. : Илекса, 2010. – 164 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
6. Российское уголовно-исполнительное право : в 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник / Ю. А. Кашуба, В. Б. Малинин, В. Н. Орлов и др. ; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М. : МГЮА имени О. Е. Кутафина, 2010. – 344 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

7. Орлов, В. Н. Лекция по теме: «Исполнение и отбывание уголовных наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы и исправительное воздействие на осужденных» / В. Н. Орлов. – М. : МГЮА имени О. Е. Кутафина, 2011. – 104 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
8. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты : монография / В. Н. Орлов. – М. : МГЮА имени О. Е. Кутафина ; ООО «Издательство Элит», 2011. – 464 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
9. Российское уголовно-исполнительное право : в 2 т. Т. 2. Особенная часть : учебник / Е. А. Антонян, А. В. Бриллиантов, А. Я. Гришко и др. ; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М. : МГЮА имени О. Е. Кутафина, 2011. – 792 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
10. Российский курс уголовно-исполнительного права: в 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник / Е. А. Антонян, Ю. М. Антонян, С. А. Борсученко и др. ; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М. : МГЮА имени О. Е. Кутафина ; ООО «Издательство Элит», 2012. – 696 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
11. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, состав исполнения : монография / В. Н. Орлов. – М. : МГЮУ имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2013. – 416 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
12. Сыч, К. А. Лишение свободы как родовое понятие и виды уголовного наказания: опыт теоретико-правового конструирования : монография / К. А. Сыч, Е. А. Каданева. – М. : МГЮУ имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2013. – 280 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
13. Яхшибекян, Э. Н. Эффективность исполнения, отбывания наказания в виде обязательных работ : монография / Э. Н. Яхшибекян. – М. : МГЮУ имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2013. – 190 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
14. Орлов, В. Н. Наказание: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный анализ : монография / В. Н. Орлов. – М. :

- МГЮУ имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2014. – 624 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
15. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, система, объект назначения, состав отбывания : монография / В. Н. Орлов. – М. : Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2014. – 288 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
 16. Ображиев, К. В. Источники уголовного права России : учебное пособие / К. В. Ображиев. – М. : Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. – 146 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
 17. Российское уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под ред. Г. И. Чечеля, В. Н. Орлова, К. В. Чемеринского ; журнал «Российский криминологический взгляд». – М. : Криминологическая библиотека, 2015. – 832 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
 18. Орлов, В. Н. Основы криминологического права : учебник / В. Н. Орлов ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) ; журнал «Российский криминологический взгляд». – М. : Криминологическая библиотека ; Ставрополь : АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2016. – 668 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
 19. Курс уголовно-исполнительного права. В 3 т. Т. 1. Общая часть : учебник / Ю. М. Антонян, С. Л. Бабаян, С. В. Бошно и др. ; под общ. ред. Г. А. Корниенко ; под науч. ред. А. В. Быкова ; Науч.-исслед. ин-т Федер. службы исполнения наказания ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) ; Криминолог. библиотека ; журнал «Российский криминологический взгляд». – М. : Криминологическая библиотека, 2017. – 512 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
 20. Орлов, В. Н. Основы уголовно-исполнительного права (процесса). Общая и Особенная части : учебник / В. Н. Орлов ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) ; журнал «Российский криминологический взгляд». – М. : Кримино-

- логическая библиотека, 2017. – 496 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
21. Орлов, В. Н. Российский криминологический словарь : в 2 т. Т. 1. Официальные понятия и определения : учебное пособие / В. Н. Орлов ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) ; журнал «Российский криминологический взгляд». – М. : Криминологическая библиотека, 2017. – 180 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
 22. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / Д. В. Горбань, Ф. В. Грушин, И. А. Давыдова и др. ; под общ. ред. А. А. Крымова, науч. ред. А. П. Скибы ; Акад. права и управления Фед. службы исполнения наказаний ; журнал «Российский криминологический взгляд». – 2-е изд., исправл. и доп. – М. : Криминологическая библиотека, 2018. – 296 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
 23. Орлов, В. Н. Введение в уголовно-исполнительный процесс. Общая и Особенная части : учебник / В. Н. Орлов ; Акад. упр. МВД РФ ; журнал «Российский криминологический взгляд». – М. : Криминологическая библиотека, 2019. – 644 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).
 24. Курс уголовно-исполнительного права. В 3 т. Т. 2. Особенная часть : учебник / Н. В. Давыдова, Е. М. Данилин, И. В. Дворянсков и др. ; под общ. ред. Г. А. Корниенко ; под науч. ред. А. В. Быкова ; Науч.-исслед. ин-т Федер. службы исполнения наказания ; Акад. упр. МВД РФ ; Криминолог. библиотека ; журнал «Российский криминологический взгляд». – М. : ФКУ НИИ ФСИН России ; Криминологическая библиотека, 2019. – 724 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

Криминологическая библиотека

Общая информация

Криминологическая библиотека (далее – Библиотека) – первая частная электронная специализированная криминологическая библиотека. Основана в 2012 г., в настоящее время в ней функционируют следующие отделы (их состав может меняться): 1) коллекции; 2) законодательство; 3) монографии; 4) курсы; 5) учебники; 6) главы учебников; 7) комментарии; 8) пособия; 9) лекции; 10) тесты; 11) журналы; 12) статьи журналов; 13) сборники статей; 14) авторефераты; 15) диссертации; 16) статистика; 17) словари; 18) справочники; 19) энциклопедии; 20) буклеты; 21) библиотека журнала «Российский криминологический взгляд» и др.

На сегодняшний день в Библиотеке размещены и готовятся к размещению более 1000 трудов. Читатели имеют уникальную возможность, не выходя из дома, аудитории, офиса, кафе и т. д., т. е. практически в любом месте и в любое время суток в открытом доступе в один клик пользоваться изданиями, размещенными в Библиотеке.

Здесь представлены издания и рукописи по криминологии, уголовному праву, уголовно-исполнительному праву и иным наукам, дисциплинам криминального цикла. В Библиотеку принимаются работы, как правило, только после их официального опубликования и в установленном порядке. Труды размещаются для платного и бесплатного доступа. Библиотекарь оказывает помощь в переводе ваших опубликованных изданий или рукописей в электронный вариант (форму).

Администрация Библиотеки примет любые пожелания по совершенствованию своей деятельности. Вместе с тем в переписку вступать мы не имеем возможности, как и возвращать издания, рукописи и диски размещенных и неразмещенных материалов. Однако возникающие вопросы можно разрешать путем

телефонных переговоров или электронной переписки с библиотекарем.

Труды, размещенные в Библиотеке, представляют интерес для научных, практических работников, преподавателей, аспирантов, адъюнктов, студентов и всех интересующихся проблемами борьбы с преступностью.

Дополнительную информацию вы можете узнать на официальном сайте журнала и криминологической библиотеки по следующим доменным именам: <http://criminology.ru>; <http://criminology.pro>; <http://криминология.рф>. Обращаем внимание, что покупка и предзаказ изданий возможны только после вашей регистрации на сайте.

Информация об издательстве

Общество с ограниченной ответственностью «Криминологическая библиотека»

Фактический и почтовый адрес: 121357, г. Москва, Кутузовский проспект, 65

ИНН 2634806154

КПП 773101001

ПАО «Сбербанк России», г. Москва

Р/с 40702810438000052520

К/с 30101810400000000225

БИК 044525225

ОГРН – 1122651018731

ОКАТО – 07401000000

ОКПО – 38859185

ОКФС – 16

ОКВЭД – 92.51

ОКОПФ – 65

Научное издание

Бутенко Татьяна Павловна,
Горбань Дмитрий Владимирович,
Грушин Федор Владимирович и др.

**УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ
СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ВВЕДЕНИЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО
ПОЛОЖЕНИЯ**

Монография

3-е издание, исправленное и дополненное

Заведующий издательским подразделением *А. В. Андреев*

Корректор *Е. А. Шулякова*

Подписано в печать 01.10.2020. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 20,93. Тираж 500 экз.
Заказ № 213.

ООО «Криминологическая библиотека»,
121357, г. Москва, Кутузовский просп., 65. E-mail: vlad-orlov@mail.ru

Отпечатано в типографии издательско-полиграфического
комплекса СтГАУ «АГРУС», г. Ставрополь, ул. Пушкина, 15.
Тел./факс: (8652) 35-06-94. E-mail: agrus2007@mail.ru

10 лет

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
«РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Более 15 лет на рынке печатных и сетевых средств массовой информации. Издаётся на пяти языках: русском, английском, китайском, немецком и французском.

Представлено более 100 рубрик и опубликовано свыше 2000 статей. Публикуются работы о преступности, преступном поведении и их типах, причинах, условиях, профилактике и личности преступника.

Сайт: criminology.ru; criminology.pro; криминология.рф

ISBN 978-5-6042048-6-3

9 785604 204863